

Серия
«УКРАЇНСЬКА БІБЛІОТЕКА ГОЛОКОСТУ»

ХОЛОКОСТ В КРЫМУ

***Документальные свидетельства о
геноциде евреев Крыма
в период нацистской оккупации Украины
(1941-1944)***

Материалы
ко Второму научно-методическому семинару
«Голокост — минуле і сучасне»

Annotation

Сборник документальных свидетельств и методических материалов «Холокост в Крыму» посвящен событиям, связанным с трагической гибелью евреев Крымского полуострова в годы нацистской оккупации Украины. Книга составлена на основании сборника документов «Передайте детям нашим о нашей судьбе» (Симферополь, БЕЦ «Хесед Шимон», 2001; редакторы-составители Л.П. Кравцова, М.И. Тяглый). Сборник «Холокост в Крыму» подготовлен к семинару по истории Катастрофы для преподавателей университетов юга Украины в Симферополе, который подготовил и провел Украинский центр изучения истории Холокоста (Киев). Это издание — первое из серии научной литературы «Украинская библиотека Холокоста». В этой серии Центр планирует подготовку и выпуск монографических исследований, сборников документов, учебных пособий, а также переводной литературы по истории Холокоста на украинских землях, которая ранее не издавалась на украинском или русском языках.

Данный сборник состоит из архивных документов, дневников очевидцев Катастрофы еврейских общин Крыма в годы нацизма. Издание представляет интерес для историков, социологов, преподавателей, студентов.

-
- [М.И. Тяглый](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ.](#)
 - [ХОЛОКОСТ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА.](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ.](#)
 -
 - [ПО Г. ЕВПАТОРИЯ.](#)
 - [ПО ЕВПАТОРИЙСКОМУ РАЙОНУ.](#)
 - [ПО Г. КАРАСУБАЗАР\[50\].](#)
 - [ПО Г. КЕРЧЬ.](#)
 - [ПО ЛАРИНДОРФСКОМУ РАЙОНУ\[52\].](#)
 - [ПО Г. СЕВАСТОПОЛЬ.](#)
 - [ПО СИМФЕРОПОЛЬСКОМУ РАЙОНУ.](#)
 - [ПО СТАРО-КРЫМСКОМУ РАЙОНУ.](#)
 - [ПО ТЕЛЬМАНСКОМУ РАЙОНУ\[58\].](#)

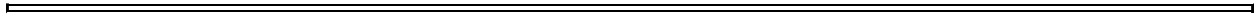
- ПО ФРАЙДОРФСКОМУ РАЙОНУ[67].
- ПО Г. ЯЛТА.
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
 - БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО М.И. РИММЕР В АДРЕС ЗАВЕДУЮЩЕЙ ДЕТСКИМ ДОМОМ М.С. ПРУСС ЗА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ В ДЕТСКОМ ДОМЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ.
 - СПИСОК ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ МАМАКСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА №1 СПАСЕННЫХ ОТ РАССТРЕЛА ПРУСС М.С. И ПЕРСОНАЛОМ ДЕТДОМА.
 - СПРАВКА БЫВШЕЙ ЗАВЕДУЮЩЕЙ МАМАКСКИМ ДЕТСКИМ ДОМОМ М.С. ПРУСС В КРЫМСКУЮ КОМИССИЮ по ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТДОМА И ЕГО ЛИКВИДАЦИИ В НОЯБРЕ 1943 Г.
 - РАССКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА «ОКТЯБРЬ», Д. БАЙГОНЧИК КОЛАЙСКОГО РАЙОНА[82] ЯКОВА МЕНДЕЛЕВИЧА ЗАМАХОВСКОГО — ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОЛАЙСКОМ РАЙОНЕ.
 - ИЗ СЕКРЕТНОГО ЦИРКУЛЯРА КОМАНДУЮЩЕГО 11-Й АРМИЕЙ[85] ЗА 2379/41 ОТ 20.11.1941 Г.
- ДНЕВНИКИ.
 - ИЗ ДНЕВНИКА ЖИТЕЛЬНИЦЫ Г. КЕРЧИ ТАТЬЯНЫ ФИЛИППОВНЫ БОНДАРЬ — О РАСПРАВЕ С КРЫМЧАКАМИ Г. КЕРЧИ.
 - ИЗ ДНЕВНИКА СИМФЕРОПОЛЬЦА ХРИСАНФА ГАВРИЛОВИЧА ЛАШКЕВИЧА С ЛИЧНЫМИ НАБЛЮДЕНИЯМИ ЗА СОБЫТИЯМИ В СИМФЕРОПОЛЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ.
 - ИЗ ДНЕВНИКА ЖИТЕЛЬНИЦЫ Г. ЯЛТЫ О.И. ШАРГОРОДСКОЙ[89] — О РАСПРАВЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ С ЕВРЕЯМИ В ЯЛТЕ 10 ноября 1941 г. — 24 декабря 1942 г.
- ВОСПОМИНАНИЯ.
 - СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЕМ СИМФЕРОПОЛЯ ЕВСЕЕМ ЕФИМОВИЧЕМ ГОПШТЕЙНОМ, СКРЫВАВШИМСЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ.

- [ИЗ СТЕНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЕМ Г. СИМФЕРОПОЛЯ СИРОТОЙ ИЛЬЕЙ ИСАЕВИЧЕМ, ПЕРЕЖИВШИМ ХОЛОКОСТ.](#)
 - [ИЗ РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ Н.Ф. ХАРЛАМОВОЙ «ТРИ ГОДА В ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ» — О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПРЕБЫВАНИИ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ\[100\].](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ.](#)
- [СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.](#)
- [РЕКОМЕНДУЕМЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ “ХОЛОКОСТ”.](#)
 - [ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ.](#)
 - [ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.](#)
 - [ОБЩИЕ РАБОТЫ.](#)
 - [ХОЛОКОСТ В ЕВРОПЕ.](#)
 - [ХОЛОКОСТ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ БЫВШЕГО СССР.](#)
 - [СОПРОТИВЛЕНИЕ. ЕВРЕИ В ВОЙНЕ.](#)
 - [ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА.](#)
 - [УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ.](#)
- [Выходные данные книги.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)

М.И. Тяглый
ХОЛОКОСТ В КРЫМУ
Документальные свидетельства о
геноциде евреев Крыма в период
нацистской оккупации Украины (1941-
1944)

Выражаем благодарность Фонду развития еврейских общин в России и Украине (JCDF, New-York) за содействие в издании этой книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Холокост (*Holocaust*) — этот термин в мировой исторической науке, в европейской, американской, украинской, любой другой историографии означает только одно — трагическую судьбу европейского еврейства в эпоху нацизма и Второй мировой войны. Холокост как уникальная трагедия евреев Европы, организованная национал-социалистским режимом Германии при поддержке различных коллаборационистов, является знаковой проблемой современной культуры. Выполнил ли Международный трибунал в г. Нюрнберге свою задачу? Возможно ли создать гарантии против геноцида в любой его форме? То, что случилось на территории Европы в 1933-1945 годах, требует досконального изучения, осмысления, трепетной передачи памяти о Катастрофе еврейского народа нашим потомкам. Страны современной Европы и в целом европейская культура уделяют большое внимание изучению и преподаванию истории Холокоста. Мы рассматриваем историю Катастрофы как страницу истории еврейского народа, а также как составную украинской и европейской истории XX века.

Иррациональность Холокоста, его античеловечность являются сегодня одной из важных проблем современности. После более чем шестидесяти лет, которые минули со времен Катастрофы европейского еврейства, все еще нет адекватного ответа на вопрос — почему стал возможен Холокост? Осмысление этих событий, исторические, философские, теологические, психологические, правовые аспекты Холокоста сегодня волнуют европейскую культуру. Видимо поэтому многие страны современной Европы уделяют достаточно серьезное внимание изучению и преподаванию истории Холокоста. В мире существуют многочисленные научные центры, институты, музеи, мемориалы, памятники, посвященные Шоа (термином *Shoah* на иврите принято обозначать то же, что обозначает слово *Холокост*). История Холокоста преподается в школах и университетах Европы и Америки. Трагедия Холокоста изменила парадигму развития Запада, изменила отношение к религии, искусству, политике.

Гуманитарные аспекты истории Холокоста, поведение евреев и неевреев в экстремальных условиях, осмысление этих проблем оценивается нами как очень важное и актуальное. Гитлер уничтожал евреев-иудеев, евреев-христиан, евреев-коммунистов, евреев-радикалов, бедных и богатых евреев... Мне видится очень важным сегодня поставить

вопрос: зачем сегодня нужно изучать (читать: исследовать и преподавать) Холокост? Как известно, в еврейской культурной традиции всегда было важно научить ребенка правильно и глубоко задавать вопрос, тогда и ответ найти будет легче. В данном случае, на мой взгляд, нам (и евреям и не евреям) очень важно не просто сохранить память о событиях Катастрофы и передать ее следующим поколениям (как это ни банально звучит, но это же нужно сделать!), нам стоит попытаться, основываясь на исторических фактах и научных исследованиях, осмыслить — почему это произошло, стало возможным, почему это случилось в европейской культуре, почему это случилось с людьми вообще! Почему Холокост запечатлелся в мировой истории с еврейским профилем? Почему люди сопереживали или наоборот? Почему мы говорим и пишем «местное население» и «евреи»?! Кто тогда евреи? Инопланетяне? Мы выводим евреев за круг жизни на земле, так как это хотел и делал Гитлер?! Что происходит? Холокост — что это было? Очередной всплеск антисемитизма в старой доброй Европе? Или уничтожение на расовой основе? Или, может быть, не на расовой основе, а была это цивилизационная ненависть, иррациональная или рациональная, может быть, человечеству надоели все эти этические нормы, десять заповедей, муки совести? Может быть, человечество решило от всего этого убежать, как от свободы (по Э. Фромму)? И почему этот исторический факт нельзя забывать, подтасовывать, искажать или фальсифицировать!

Постепенно и наше общество и государство делают какие-то реальные шаги по сохранению исторической памяти о Холокосте, попытки осмысления этих событий. Особенно это стало заметным после Стокгольмского международного форума по проблемам Холокоста (январь 2000 года). За последнее десятилетие в суверенной Украине о судьбе евреев в годы Второй мировой войны достаточно активно заговорили, эта проблематика стала темой отдельных научных исследований, монографий, как коллективных так и индивидуальных, великого множества статей и различного рода публикаций. Также история Холокоста стала объектом и предметом преподавания в учебных заведениях страны, средних и высших, учреждениях различного типа — как еврейских, так и нееврейских. Сегодня мы можем констатировать тот факт, что история Холокоста стала самостоятельным направлением в украинской историографии, в украинской исторической науке в целом.

Однако, с точки зрения наших коллег из Европы и Америки, это только начало, и для такой страны, как Украина, совершенно недостаточно защиты двух диссертаций и выхода нескольких десятков монографий по истории Катастрофы. Ощущается фактически полное отсутствие учебно-

методической литературы по данной проблематике.

Для того, чтобы решить эти вопросы, чтобы попытаться достаточно профессионально, с позиций науки изучать, преподавать историю Холокоста и пытаться искать ответы на эти вопросы, был создан Украинский центр изучения истории Холокоста при Институте политических и этнонациональных исследований НАН Украины. Центр занимается комплексными научными исследованиями и педагогической деятельностью в сфере изучения истории Холокоста — в первую очередь на территории Украины и, разумеется, Европы в целом.

Создание базы данных, подготовка концепции и методик образовательных программ, издание книг серии «Украинская библиотека Холокоста», организационная и лекционная деятельность — все это сегодня актуально для украинского общества. Путь в Европу возможен только через изучение и понимание событий мировой истории. Создание такого Центра в Киеве является необходимым условием на этом сложном пути.

Анатолий Подольский, кандидат исторических наук, директор Украинского центра изучения истории Холокоста.

ХОЛОКОСТ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА.

По переписи населения 1939 г. в Крыму жили 65452 евреев (5,8% населения полуострова), среди них — более 7 тысяч крымчаков. Большая часть евреев Крыма (43583 чел.) в 1939 году проживали в городах Крымской АССР: Симферополь — 22791, Евпатория — 4249, Керчь — 5573, Севастополь — 5988, Феодосия — 2922, Ялта — 2060. В сельской местности Крыма жили 21869 евреев. Районами с наиболее многочисленным еврейским населением в 1939 г. в Крымской АССР были Джанкойский район — 2610 евреев, Колайский район (с 1944 г. — Азовский район) — 2017 евреев, Лариндорфский район (с 1944 г. — Первомайский район) — 3492 еврея, Сакский район — 2270 евреев, Тельманский район (с 1944 г. — Красногвардейский район) — 1910 евреев, Фрайдорфский район (с 1944 г. — Новоселовский район) — 2200 евреев^[1]. Значительное присутствие еврейского населения в сельской местности Крыма было вызвано с тем, что в 1924 г. между «Агро-Джойнтом» и советским правительством был заключен договор о плановом переселении на целинные земли степного Крыма евреев из различных областей Украины и Белоруссии «с целью экономического оздоровления и улучшения условий жизни еврейской бедноты путем привлечения ее к сельскохозяйственному труду». Организация еврейских сельскохозяйственных поселений, позднее преобразованных в колхозы, привела к выделению в 1930 г. Фрайдорфского еврейского национального района, а в 1935 — Лариндорфского еврейского национального района.

Эвакуация с территории полуострова в связи с угрозой захвата его оккупантами началась еще в июле 1941 г. За июль-ноябрь 1941 г. из Крыма, по данным Совнаркома КрАССР, в организованном порядке из Крыма было эвакуировано около 200 тысяч человек^[2]. Нет точных данных об эвакуации еврейского населения, предположительно можно утверждать, что эвакуироваться из Крыма смогли около 50% евреев. Советские средства массовой информации не извещали читателей о геноциде, осуществляемом против евреев захватчиками на оккупированных территориях. В статьях «Красного Крыма» — центральной на полуострове газеты — утверждалось, что все национальные группы страдают на оккупированных территориях в одинаковой степени. «Самую лютую ненависть, —

значилось в перепечатанной 17 июля 1941 г. из газеты «Правда» статье, — питал и питает расовое чудовище Гитлер к славянским народам. ... Из всех рас, по мнению этого изверга, самая «низшая раса» — это славяне».

Борьба за Крымский полуостров носила ожесточенный характер, что объяснялось его военно-политическим и стратегическим значением. Овладение полуостровом позволило бы немецко-фашистскому командованию получить контроль над значительной частью Черного и Азовского морей, открыть прямой путь на Кавказ. Кроме того, во взглядах нацистского руководства на судьбу завоеванных территорий Крым занимал особое место. Так, на совещании в ставке с руководителями рейха 16 июля 1941 г. Гитлер, среди прочего, заявил: «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами»^[3]. 9 июня 1942 г. на совещании начальников СС и полиции Гиммлер заявил, что война не имела бы смысла, если бы после нее, в частности, Крым не был в течение 20 лет полностью колонизован немцами.

К началу ноября 1941 г. почти вся территория Крымского полуострова была оккупирована 11-й армией под командованием генерала Э. фон Манштейна — за исключением Севастополя, который продолжали оборонять до начала июля 1942 г. Фактически власть на полуострове в период оккупации находилась в руках немецкого военного командования.

Все вышеперечисленные факторы обусловили проведение в Крыму особенно жесткой оккупационной политики по отношению к мирному населению. В соответствии с реализуемой на захваченных территориях политикой «окончательного решения еврейского вопроса», в рамках «нового порядка» евреям не было места и в Крыму. Судьба ашкеназской части еврейской общины была predetermined. Так как Крым оставался в зоне боевых действий, уничтожение евреев здесь проводилось ускоренными темпами. Осуществлялось оно, в основном, силами и ресурсами приданной 11-й армии айнзатцгруппы «D» под командованием оберфюрера СС Отто Олендорфа, из пяти подразделений которой в Крыму находились айнзатцкоманда 11а и айнзатцкоманда 11б, а также зондеркоманда 10б^[4].

В Крыму, в отличие от большинства других территорий, военная администрация потребовала от айнзатцгруппы ускорить уничтожение еврейского населения. По свидетельству Олендорфа на Нюрнбергском процессе, «в Симферополе армейское командование дало распоряжение соответствующим оперативным командам об ускорении ликвидации, обосновывалось это голодом и нехваткой жилья»^[5]. «Солдат должен

понимать необходимость жестоко покарать евреев, этих духовных носителей большевистского террора, и еще в зародыше подавлять все восстания, возбудителями которых, в большинстве случаев, оказываются евреи»^[6]. Этот фрагмент из секретного циркуляра №2379/41 от 20 ноября 1941 г., подписанного командующим 11-й армией Э. фон Манштейном, свидетельствует о тех мерах, которые применялись немецким командованием для психологической обработки рядовых вермахта с тем, чтобы приучить их безнаказанно убивать мирное население, и приводит к выводу, что германская армия разделяет с СС всю ответственность за истребление евреев.

Однако у немецкого командования возник вопрос о «расовой» принадлежности крымчаков — еврейской субэтнической группы, с представителями которой нацисты не сталкивались за пределами Крыма. 5 декабря 1941 г. Олендорф принял решение временно не применять по отношению к крымчакам те меры, что применялись по отношению к евреям до тех пор, пока не последует прояснения этого вопроса. Он отправил в Берлин запрос о том, какую политику необходимо проводить по отношению к этой группе. 15 декабря 1941 г. сотрудниками Имперской комиссии по усилению германской нации был подготовлен доклад, в котором разъяснялось, что крымчаки являются евреями, которые говорят на татарском языке и состоят в смешанных браках с окружающим населением^[7]. Не установлено, в какой мере этот доклад повлиял на судьбу крымчаков — в некоторых городах Крыма ко времени его появления крымчаки уже были уничтожены.

Уничтожение евреев в крымских городах происходило, в основном, по одинаковой схеме в несколько этапов: регистрация — создание общинной структуры — ограбление общины — сбор — расстрел. Уже в течение ноября-декабря 1941 г. подавляющее большинство евреев и крымчаков в городах были ликвидированы. В дальнейшем не прекращался поиск и уничтожение отдельных скрывавшихся групп и одиночек.

Симферополь. 2 ноября 1941 город был занят оккупантами. В этот же день по улицам было расклеено заранее отпечатанное «Объявление населению» от Главнокомандующего германскими войсками, регламентировавшее различные стороны городской жизни при «новом порядке». Значительная часть его была посвящена еврейскому вопросу, но употреблялся при этом исключительно термин «жиды». Среди прочего, «всем жидам обоих полов» было приказано носить белую повязку на обоих

рукавах с изображением шестиконечной звезды.

Через неделю немецкими властями на Фонтанной площади был создан Еврейский комитет. По воспоминаниям очевидца, председателем комитета общины был назначен скрипач из кинотеатра «Большевик» Бейлисон, членами комитета стали завхоз одной из школ Лайхтман, служащие Зельцер, Гурвич, Рабинович. 18 ноября было объявлено о том, что все евреи обязаны пройти регистрацию в комитете. При регистрации требовались такие данные: имя, отчество, фамилия, адрес, возраст, профессия. В итоге было зарегистрировано около 14 тыс. чел., включая беженцев из других местностей.

Еврейский комитет использовался немецкой администрацией для более эффективного ограбления еврейского населения города. На него посыпались требования о предоставлении различного имущества, денег и ценностей. Спектр материальных ценностей, которые изымались у евреев, был широким — не только вещи первой необходимости, но и такие вещи, которые не имели отношения к нуждам военного времени. Конфискации проводились отнюдь не с целью обеспечения властей и армии в условиях зимнего периода, но ради наживы командного состава и администрации — очевидно, для отсылки товаров в Германию. Очевидец-нееврей сообщал: «Вывешенным приказом евреям велено доставить для немцев шесть тысяч одеял. Затем это количество по следующему приказу возросло до двенадцати тысяч. То и дело появляются приказы о доставке скатертей, полотенец, простынь, ковров, тарелок и т.п. тысячами штук. Евреи беспрекословно и немедленно выполняют эти приказы»^[8].

Помимо ограбления общины, «новые хозяева» практиковали и другой способ наживы — организация принудительных работ и использование подневольного труда. Их результатами пользовались, очевидно, сразу несколько оккупационных учреждений (военная администрация — штаб 11-й армии, комендатура, штаб айнзатцгруппы «D»), а также коллаборационистские структуры — городская управа. Очевидно также, что многие военные и чиновники оккупационных структур получали личную выгоду от труда еврейских ремесленников и специалистов.

«В общину все евреи обязаны были являться ежедневно, отсюда немцы забирали их на работу. ... Евреи выполняли самую грязную работу. Чистили картофель, уборные. Женщин возили в госпиталь, где раньше была первая советская больница, там они чистили уборные, на консервном заводе работали по очистке картофеля и нечистот» — сообщал переживший Холокост^[9].

Последний этап «окончательного решения» еврейского вопроса в Симферополе начался с появления распоряжения нацистского командования о явке крымчаков, а затем евреев 9-10 декабря на сборные пункты с запасом продовольствия и необходимыми вещами. Сборными пунктами были студенческое общежитие на Госпитальной площади, общежитие Мединститута напротив парка Ленина и здание обкома партии по ул. Гоголя. 9-14 декабря все явившиеся были расстреляны — в основном, на 10-м километре шоссе Симферополь-Феодосия у противотанкового рва.

Такая же участь постигла евреев других крымских городов. Они были уничтожены в течение конца ноября — первой половины декабря 1941-го. Исключение составила Ялта, где евреи были перед уничтожением заключены на краткий период (около 2-х недель) в своеобразное гетто, и Севастополь, где все то же было осуществлено нацистами лишь в июле 1942 года, после падения города.

Евпатория. Город был оккупирован 31 октября 1941 г. Через три дня в город прибыла айнзатцкоманда 11а. По воспоминаниям очевидца, еврейский комитет был образован из первых попавшихся евреев города: «5 ноября вечером на улице задержали десять евреев, в том числе моего друга Берлинерблау, и всех назначили членами Еврейского комитета»^[10]. 6 ноября был издан приказ о регистрации евреев города. Были зарегистрированы 750 человек. Были также изданы приказы об обязательном ношении отличительных знаков. Вскоре последовал приказ о сдаче драгоценностей и других ценных вещей в еврейский комитет.

20 ноября 1941 г. евреев города собрали в военных домах по дороге к курортному вокзалу под предлогом переселения в другую местность. На сборный пункт явились 650 человек. Здесь их продержали два дня, а 23 ноября собравшихся евреев партиями погрузили в автомобили и увозили к противотанковому рву по направлению к товарному вокзалу, где расстреляли.

Керчь. Город был занят 16 ноября 1941 г., вскоре туда прибыл отряд зондеркоманды 10б. Приказом от 24 ноября 1941 г. всех евреев обязали зарегистрироваться в трехдневный срок в помещениях гестапо и городской управы, а также носить шестиконечные звезды. Два дня спустя появилось распоряжение немецкой полиции безопасности относительно керченских крымчаков: «1. Все жители г. Керчи и ближайших местностей, у которых в

паспортах в §3 значится «крымчак», должны явиться в управление немецкой полиции (К. Либкнехта, 2) 28 ноября 1941 г. от 8 часов утра до 2 часов дня для прохождения регистрации, имея при себе все документы, удостоверяющие личность. 2. Все не явившиеся в указанный срок будут привлечены к ответственности»^[11]. «Ликвидация евреев будет ускоренно проведена из-за угрожающего продовольственного положения в городе», — значилось в отчете городской комендатуры от 27 ноября 1941 г.^[12]

28 ноября за подписью германской полиции безопасности был издан следующий приказ: «Все евреи (невзирая на возраст) с детьми должны явиться в субботу 29 ноября с 8 часов утра до 12 часов дня на Сенную площадь (базар), имея при себе питание на три дня. Примечание: лица, находящиеся в смешанном браке, явке не подлежат. За невыполнение настоящего приказа публично будут расстреляны»^[13]. Собрались, по документам керченского отделения ЧГК, около 7000 человек разного возраста^[14] (по другим данным — 2500 человек^[15]). Всех отправили в городскую тюрьму. В течение нескольких дней все евреи были расстреляны у противотанкового рва близ поселка Багерово в 4-х километрах от Керчи.

Спустя несколько дней после расстрела в Багеровском рву немецкой полицией безопасности в Керчи был издан очередной приказ, обязывавший всех евреев, еще не явившихся на место сбора, явиться в полицию, а всех остальных керчан, знавших о местонахождении евреев, заявить об этом в полицию. Невыполнение приказа каралось расстрелом^[16].

Благодаря внезапному для немецко-фашистских захватчиков освобождению города советским десантом в ночь на 30 декабря 1941 г., в живых остались крымчаки Керчи. В акте керченского отделения ЧГК значится: «Как видно из документов, захваченных частями Красной армии в помещениях керченского гестапо и городской управы, фашисты готовили убийство новых тысяч невинных людей. По плану гестапо 3 января 1942 г. должны были быть уничтожены еще несколько тысяч человек. Уничтожению подлежали крымчаки»^[17]. 14 мая 1942 г. город был вторично оккупирован. В силу нескольких причин (несогласованность в действиях эвакуационной службы, неосведомленность о судьбе крымчакских общин в других городах Крыма, и, вероятно, консервативность мышления) значительная часть крымчаков города осталась в оккупации вторично. Акция по уничтожению крымчаков была проведена 22 июня 1942 г. «Какой тяжелый, ужасный день! ... Сколько в этот день пролито слез и крови, ведь сейчас собрали всех крымчаков и факт, что их расстреляют. ... Обидно, что все это делает русский народ, все эти прихвостни... Ездят по домам,

насиленно берут невинных людей и расстреливают», — записала в этот день в своем дневнике жительница Керчи^[18]. По непроверенным данным, были расстреляны около 1500 крымчаков^[19].

Феодосия. Город был захвачен 3 ноября 1941 г. Здесь уничтожение евреев проводилось по той же схеме, что и в Керчи, и в других городах Крыма: 3 ноября 1941 г. Феодосия была оккупирована, 11 ноября появился приказ за подписью «Начальник немецкой полиции безопасности С.К.10.Б» (зондеркоманды 10б — М.Т.), обязавший евреев явиться 13 ноября на регистрацию и носить на груди шестиконечную звезду белого цвета. Невыполнение приказа каралось расстрелом. Городская управа г. Феодосии проводила регистрацию и других национальных групп города. В итоговой ведомости «Количество жителей, зарегистрировавшихся по гор. Феодосии по 10 декабря 1941 г. включительно», среди 28420 феодосийцев различных национальностей значатся 831 евреев и 449 крымчаков^[20]. Едва ли эти цифры можно считать отражением реально оставшихся в городе евреев и крымчаков — многие на регистрацию не явились.

27 ноября по городу был расклеен приказ за той же подписью. Приказ гласил: «Все евреи города Феодосии и окрестностей обязаны явиться 1 декабря 1941 г. от 8 час. до 12 часов дня на Сенную площадь №3 (Базарная площадь №3) для переселения. Каждый еврей может иметь с собой исключительно носильные вещи и пищу на 2 дня. Все остальные вещи должны быть оставлены в полной сохранности в квартирах. Неисполнение приказа карается смертной казнью». Из свидетельских показаний следует, что собравшиеся евреи, были расстреляны у противотанкового рва в районе завода «Механик». По этим документам, погибли 2000 человек^[21]. По другим данным, были расстреляны 800 человек.

Позднее такая же участь постигла феодосийских крымчаков. 10 декабря по городу был распространен приказ аналогичного содержания, на этот раз за подписью городской управы. Сбор крымчаков Феодосии «на предмет препровождения в отдельную часть города» был назначен на 12 декабря. Накануне городская управа Феодосии обратилась к военному командованию с ходатайством «не распространять на нижеупомянутых лиц приказа от 10 декабря о явке крымчаков на Сенную площадь. Эти лица являются ремесленниками и они необходимы городу»^[22]. Далее следовал список из девяти феодосийских крымчаков. По воспоминаниям сына одного из них, девять крымчаков с семьями были действительно освобождены из здания тюрьмы, куда 12 декабря собрали всех крымчаков

города. Остальные были расстреляны.

В марте 1942 г. в ходе четырех облав в Феодосии, проведенных зондеркомандой 106 при содействии вермахта, было схвачено и расстреляно еще 30 евреев^[23].

В такой же последовательности проходила расправа с евреями в **Севастополе**. После прихода в город зондеркоманды 11а всем евреям 6 июля 1942 г. было приказано надеть шестиконечные звезды. По воспоминаниям очевидца, евреев города эксплуатировали на самых тяжелых работах: «Во дворе тюрьмы (для советских военнопленных — М.Т.) я увидел бричку с большой бочкой — в ней пленным привозили воду для варки баланды. В бричку были впряжены люди с шестиугольными звездами на спине — это были севастопольские евреи»^[24]. Вскоре евреям приказали явиться в Еврейский комитет по ул. Херсонской — на городской стадион, имея с собой трехдневный запас продуктов. Оттуда их отправили в тюрьму. Через два-три дня, по воспоминаниям священника Бориса Пекарчука (входившего в состав севастопольского отделения ЧГК), комендант тюрьмы приказал каждому записать свой адрес на отдельной бумажке и к ней привязать ключ от своей квартиры. Затем, по воспоминаниям свидетелей, евреев вывозили партиями и расстреливали — 1500 человек на 4-м километре Балаклавского шоссе у противотанкового рва, остальных — в деревне Старые Шули Балаклавского района и деревне Балтачекрак под Бахчисараем^[25]. Некоторая часть евреев была уничтожена в «душегубках», как показывал на Нюрнбергском процессе бывший командир айнзатцкоманды 11а П. Цапп^[26]. По данным севастопольского отделения ЧГК, были уничтожены около 4200 евреев Севастополя^[27].

В **Ялте** процесс ликвидации еврейской общины имел свои особенности. Город был оккупирован 8 ноября 1941 г. В деле ялтинской ЧГК содержатся сведения о том, что, оккупировав город и приказав евреям надеть шестиконечные звезды, власти создали Еврейский комитет на углу улиц Аутской и Морской, который, как следует из свидетельских показаний, немецкое командование и шеф СД Ялты фон де Рэке использовали для выколачивания денег и материальных ценностей из ялтинской общины, и для выполнения ее силами грязных работ. Затем, как следует из актов комиссии и протоколов опросов свидетелей, в конце ноября по городу был расклеен новый приказ, «предлагавший» всем евреям переселиться до 5 декабря в помещения бывших Массандровских казарм.

Здесь было собрано около 1500 человек. В течение примерно двух недель в этом своеобразном гетто, созданном оккупантами вопреки их обыкновению уничтожать евреев в Крыму без предварительного переселения, у людей изъяли ценности, продовольствие, издевались над ними. Отсюда их вывозили на день на различные работы. 17 декабря всех работоспособных мужчин вывели из гетто по направлению к Никитскому Ботаническому саду, к виноградникам Массандры, где заставили выкопать на дне балки две глубокие траншеи, и расстреляли. Рано утром 18 декабря вывезли и расстреляли там же остальных мужчин и стариков, женщин, детей^[28].

По аналогичному плану были в течение ноября-декабря 1941 г. уничтожены евреи других городов Крыма.

Из примерно 17000 евреев, проживавших к июню 1941 г. в сельской местности, в еврейских колхозах, эвакуироваться смогли и успели не более 50%. Согласно «Служебному наставлению старостам и городским головам по части регистрации населения и выдачи удостоверений личностям» — инструкции, выпущенной оккупационными властями — в населенных пунктах должен был производиться учет местных жителей; «жиды» наряду с партизанами, пленными красноармейцами, уголовными элементами и членами партии должны были быть зарегистрированы по «особому списку», который не подлежал оповещению среди населения^[29].

В «Объявлении населению», подписанном главнокомандующим германскими войсками, «жидам» предписывалось немедленно зарегистрироваться у старшины общины последнего местопребывания и строго воспрещалось переселяться в другое место; все «жиды» обоего пола от 16 до 65 лет поступали в распоряжение старшин общины, которые назначали их на работу^[30].

Большинство из оставшихся в оккупации евреев в сельской местности были уничтожены как на местах, так и после транспортировки в районные центры. Акты районных отделений ЧГК и свидетельские показания говорят о широком участии в этих акциях коллаборационистов — старост, сельских полицейских, осуществлявших содействие не только в уничтожении, но и в поимке скрывавшихся в сельской местности евреев и передаче их в немецкие карательные органы. В некоторых еврейских колхозах Крыма реализация «окончательного решения» затянулась до июня 1942 г. По-видимому, это было вызвано хозяйственными интересами оккупантов: кроме евреев, некому было обработать и засеять землю.

В колхозах **Фрайдорфского** еврейского национального района евреи были уничтожены в ноябре 1941 г. Происходило это так: в деревню прибывал автомобиль с отрядом карателей, зачастую в сильном подпитии. Евреев всех возрастов собирали у административного здания деревни и сгоняли к глубоким колодцам на окраинах деревень, там же расстреливали, туда же сбрасывали трупы (детей часто бросали в колодец живыми). В деревне Перецфельд (ныне с. Зимино Раздольненского района) карательная немецкая группа в составе 9 человек согнала в помещение клуба всех евреев деревни — 92 человека. Их погнали на хутор Топчарлы в 3-х км от деревни, и здесь у безводного колодца расстреляли. Трупы были сброшены в колодец глубиной около 90 метров. Во время конвоирования на хутор колхозница Мария Бомбина родила ребенка. И мать, и младенец были расстреляны^[31].

В **Лариндорфском** еврейском национальном районе сразу же после прихода оккупантов все евреи были взяты на учет, у них были отобраны продукты питания. В отдельных деревнях района евреев уничтожали до лета 1942 г. Так, в деревню Калининдорф (ныне с. Калинино Первомайского района), по показаниям свидетелей, в июне 1942 г. прибыла немецкая автомашина, из нее вышли офицеры, «у которых на груди были орлы и жестяные бляхи, на бляхе — череп». Всех евреев созвали в школу, от школы погнали к колодцу, где расстреляли^[32].

Большая часть евреев Крыма была уничтожена путем расстрелов. Однако с января 1942 г. для этих целей оккупанты стали применять, помимо расстрелов, так называемые «душегубки» — автомобили с герметическим закрывавшимся кузовом, внутрь которого была выведена выхлопная труба от двигателя автомобиля. В кузов «душегубки» загоняли людей, и спустя некоторое время они погибали от удушья. Из показаний Олендорфа на Нюрнбергском процессе следует, что два-три газовых автомобиля прибыли в Крым из Главного управления имперской безопасности в сопровождении их конструктора Бекера. Последний привез распоряжение Гиммлера о том, чтобы впредь женщины и дети уничтожались путем удушения в этих автомобилях^[33].

В конце января 1942 года, говорится в акте ЧГК Симферопольского района, в Первомайский сельсовет прибыл отряд гестапо и СД из Симферополя. С помощью старосты деревни и его сына собрали колхозников-евреев, остальным жителям деревни под страхом смерти

запретили выходить из своих домов. На домах евреев еще перед акцией были нарисованы черные кресты с надписями «юда». Вместе с отрядом карателей прибыла специальная машина с большим черным закрытым кузовом и черной дверцей сзади, закрывавшейся герметически. В эту машину через дверцу вталкивали собранных евреев, дверца наглухо закрывалась. «При каждом рейсе автомашина, отъехав полкилометра от населенного пункта, останавливалась на 20—30 минут, мотор продолжал работать, затем автомашина отъезжала к полузаброшенному полевому колодцу ..., куда сбрасывались трупамы лица, загруженные в автомобиль»^[34]. Опрошенный военным следователем очевидец из этого села рассказывал, что, загнав в кузов евреев, «машину закрыли, отогнали от конторы метров 25, машина остановилась. Шофер-немец включил мотор, и, став с подветренной стороны, стал прислушиваться к газовой трубе, проведенной от мотора в кузов, приложил ухо к трубе. Затем зашел с другой стороны, послушал. Машина простояла минут 15, мотор работал, и после этого они поехали по дороге на пос. Калинин»^[35]. Другой случай применения «душегубок» в практике уничтожения зафиксирован в протоколах опросов свидетелей расправы с крымчаками г. Карасубазар (ныне г. Белогорск), происшедшей в середине января 1942 г. «К этой машине подводили небольшими группами крымчаков и сажали в нее через раскрытые сзади двери по спущенной лестнице. После погрузки двери закрывались, и машина уезжала... При движении выделялся газ вовнутрь, где помещались арестованные, отчего они умирали»^[36].

Кроме того, у палачей существовал еще один весьма специфический способ умерщвления, применявшийся ими при расправе с детьми. Смазывание губ детям сильнодействующим ядом упоминают документы Керченской и Фрайдорфской ЧГК, воспоминания очевидцев.

Волна уничтожений ноября-декабря 1941 г. в городах Крыма не коснулась тех детей, у кого лишь один из родителей был евреем. По воспоминаниям очевидцев, в июле 1942 г. оккупанты в Симферополе и других городах принялись за детей от смешанных браков. На таких детей карателям, как правило, указывали местные пособники гитлеровцев из числа русских или крымско-татарских полицейских, хорошо знавшие своих соседей. Зачастую при этом погибали их родители-неевреи (мать или отец), до последнего момента стремившиеся оставаться со своими детьми и пытавшиеся их защитить^[37].

Помимо уничтожения евреев из числа мирных граждан, в Крыму, как и на других оккупированных территориях, немедленному истреблению

подлежали красноармейцы-евреи, попавшие в немецкий плен. За декабрь 1941 — август 1942 гг. 11-я армия передала в ведение полиции безопасности 3311 военнопленных^[38]. Можно предположить, что большинство из них были евреями и были казнены. Многие из воспоминаний бывших участников боев за Крым, обороны Севастополя, подпольщиков содержат эпизоды о немедленных расправах с командным составом, комиссарами и евреями непосредственно после падения Севастополя или в пересыльных лагерях для военнопленных (в Бахчисарае, Симферополе). «В этих лагерях, кого опознавали как коммунистов, комиссаров или евреев, тут же и расстреливали», — сообщает севастопольская подпольщица^[39]. «...Нашлись среди нас и предатели. Они доносили полицаям, что в лагере скрываются евреи и комиссары. Полицай приходили, раздевали догола — искали евреев...», — вспоминал бывший военнопленный^[40]. «Здесь (в Бахчисарае — М.Т.) начали отбирать комиссаров и евреев. Мы старались их скрыть, но это не всегда удавалось. ... Из Бахчисарая нас погнали в Симферополь... Снова перебрали всех нас, отделили командиров, комиссаров и евреев и куда-то увели от нас», — рассказывал бывший артиллерист^[41]. Чтобы выявить всех евреев, захватчики пытались привлечь к этому самих пленных: «Пленных красноармейцев-евреев забирали и расстреливали, также немцы предлагали: кто укажет пленного еврея, тот будет получать сверх пайка еще 200 г. хлеба», — вспоминал переживший плен очевидец^[42]. Попавшая в плен под Севастополем русская женщина-врач была заподозрена в еврейском происхождении. Позднее она так описывала селекцию: «Вид у меня был страшный — худое почерневшее лицо с ввалившимися глазами... Недаром, по приходу в Бахчисарай, где происходил отбор евреев, меня тотчас же забрали в гестапо и учинили допрос. Задавали много вопросов, заставляли произносить слова с буквой «р», запутывали ответами. И, наконец, потребовали рассказать свою биографию. Я поняла, что меня считают еврейкой. Надо было доказать противное. ... Вскоре из лагеря привели человек до двадцати мужчин, уроженцев моей области.... Но вот один из моих земляков спросил: «Как ее фамилия?» Я ответила. Тогда он заявил: «Со мной в классе учился Харламов. Он был русский». Видимо, это показание и окончание моей фамилии на «ова» оказались достаточными, чтобы отменить смертный приговор. Меня отвели в лагерь»^[43].

Несмотря на то, что подавляющее большинство евреев Крыма были уничтожены в первые же месяцы оккупации, нацисты в течение всего оккупационного периода, до апреля 1944 г., проводили оголтелую

антисемитскую пропаганду. Осуществлялась она на страницах периодических изданий (выходили 9 газет и 2 журнала на русском, немецком и крымско-татарском языках), посредством плакатов, листовок и брошюр, в радиопередачах проводного вещания и в кинопрокате. Информация о реальных событиях Холокоста в прессе не давалась, однако регулярно, с использованием различных антисемитских мифов, аудиторию извещали о вреде, который евреи наносят всему миру и, в частности, русскому или крымско-татарскому народам в религиозном, политическом, экономическом и культурном планах. В прессе использовались как материалы, присланные из Берлина, так и сочинения местных журналистов, сотрудничавших с новой властью. Несомненно, эту деятельность можно рассматривать как один из инструментов Холокоста, способствовавшего созданию нетерпимого отношения к тем евреям, которые еще скрывались на полуострове; антисемитская пропаганда не могла не укорениться в сознании некоторой части гражданского населения, оставшегося в оккупации.

И все же, несмотря на пропагандистский прессинг, несмотря на угрозу жестокой расправы, находились люди, готовые пожертвовать собой во имя спасения евреев. В детском доме, находившемся в поселке Мамак под Симферополем (ныне пос. Строгановка) заведующая этого учреждения Мария Станиславовна Прусс и персонал детдома спасли пятнадцать еврейских детей, обеспечив их поддельными документами и «легендами»^[44]. По свидетельствам очевидцев, один из православных священников в Симферополе также укрывал у себя еврейских детей. Среди спасавших евреев — представители многих национальностей, живущих в Крыму: русские, украинцы, крымские татары, караимы. К июлю 2002 г. известны имена сорока шести человек, протянувших в Крыму руку помощи обреченным — всем этим людям институтом «Яд Вашем» было присвоено звание Праведник народов мира. Новые сведения о спасителях продолжают поступать. В разных городах и селах полуострова различными способами — предоставлением укрытия, передачей собственных или изготовлением фальшивых документов, выкупом у властей, свидетельством о нееврейском происхождении и др. — были спасены около 500 евреев и крымчаков.

В результате целенаправленного тотального геноцида за период нацистской оккупации Крымского полуострова были уничтожены около 40 тысяч евреев, среди них — около 6 тысяч крымчаков.

М.И. Тяглый, сотрудник музейной программы БЕЦ "Хесед Шимон".

ДОКУМЕНТЫ.

АКТЫ КРЫМСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ КРЫМСКОЙ АССР.

ПО Г. ЕВПАТОРИЯ.

Из акта комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Евпатория.

26 июня 1944 г.

... С первых же дней захвата г. Евпатории немецкие палачи начали свою гнусную расправу над еврейским населением. Буквально на 3-4 день своего пребывания в городе немцами был издан приказ о регистрации еврейского населения, после чего евреев обязали носить на груди и на спине опознавательные знаки — пятиконечные звезды^[45]. Их посылали на самые тяжелые и грязные работы. Через небольшой промежуток времени их обязали сдать все золото и другие ценные вещи в созданный немцами еврейский комитет, а уже 20 ноября 1941 г. им было предложено явиться в военные дома, расположенные по дороге к курортному вокзалу с вещами (кроме мебели) якобы для эвакуации в другое место. 650 человек оставшихся в городе евреев направились в свой последний путь. Тут были мужчины, старики, женщины с грудными детьми. Они шли доверчиво, думая, что их эвакуируют. В этих домах их продержали в течение 2-х дней.

23 ноября 1941 года началось массовое истребление евреев. Полураздетых, их заставляли грузиться в машину, и увозили в конец противотанкового рва по направлению к товарному вокзалу, где и расстреливали.

Комиссией установлено место казни и одна общая яма, куда были сброшены трупы нескольких сот этих зверски растерзанных людей. Наваленные в ров трупы были присыпаны землей, затем слоем камня и вновь присыпаны землей.

Через некоторое время после казни евреев была сделана облава на крымчаков. Немногим из них удалось спастись от смерти. Более 150 человек крымчаков были уничтожены с такой же жестокостью, как и евреи.

...

Председатель комиссии — Корнер.

Члены комиссии^[46].

ГААРК, ф.Р-1289, оп.1, д.5, лл.52-53. Заверенная копия.

ПО ЕВПАТОРИЙСКОМУ РАЙОНУ.

Из акта комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Евпаторийском районе.

Июнь 1944 г.

... В колхозах «Икор», им. Шаумяна, «Колвиртник», им. Кагановича, им. Молотова, «Красный Кавказ», им. Калинина Караевского сельсовета фашистские звери после долгих пыток и издевательств 24 декабря 1941 г. зверски расстреляли поголовно все еврейское население. В колхозе «Икор» немцы вывезли всех евреев за два километра от села в местности Карчи и расстреляли их. Всего здесь было расстреляно 36 человек — стариков, женщин и детей. Эти изверги даже не пожалели грудных младенцев. Расстрелянные были брошены в глубокий колодезь. Как показали свидетели Сердюкова, Громов и Шимляник, многие были брошены в колодезь еще живыми. Таким же образом были расстреляны в деревне Найдорф 41 человек, в колхозе им. Молотова 46 человек, в колхозе Караева 19 чел. При вскрытиях ямы в колхозе им. Шаумяна было обнаружено 97 трупов стариков, женщин и детей. По показаниям свидетелей ясно, что все они расстреляны 4 марта 1942 г. ...

Председатель комиссии Волошин.

Члены комиссии [\[47\]](#).

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.5, лл.73-73об. Подлинник.

АКТ

О зверствах и злодеяниях немецких оккупантов на территории колхоза им. Калинина Караевского сельсовета, Евпаторийского района.

26 июня 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, представитель районной комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов в Евпаторийском районе, секретарь РК ВКП(б) Волошин, и колхозники колхоза им. Калинина, Караевского сельсовета Евпаторийского района, очевидцы Кныш Иван, Постный Ефим и Пасечник Наталья, составили настоящий акт в том, что в декабре месяце 1941 г. в колхоз приехали немцы на автомашинах и остановились у старосты села Даниленко Павла Митрофановича. Затем вместе со старостой Даниленко приехали в сельскую школу. По указанию

представителей немецких властей староста Даниленко собрал в школу всех проживавших в селе евреев в количестве 7 семей, общим числом 19 человек, где были женщины, старики и дети, после чего всех собранных евреев вывели к яме и расстреляли.

Комиссия считает виновниками злодеяний в колхозе им. Калинина представителей немецких оккупационных властей, фамилии которых остались неизвестными, и немецкого ставленника старосту Даниленко Павла Митрофановича.

О чем и составлен настоящий акт.

Председатель районной Чрезвычайной комиссии Евпаторийского района Волошин.

Колхозники-очевидцы Кныш, Постный, Пасечник.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.5, л.76. Подлинник.

АКТ

о зверствах немецко-фашистских оккупантов на оккупированной территории в деревне Комзетовка Джелчакского сельсовета, колхоз «Красный Кавказ»^[48].

Немецко-фашистские изверги причинили много горя и страданий жителям деревни Комзетовка Евпаторийского района. Они издевались и грабили советских людей, зверски убивали ни в чем не повинных стариков, женщин и детей.

13 марта 1942 г. в деревню Комзетовку приехала группа немецких жандармов, с ними прибыл полицейский — русский немец Иоган и с помощью изменника Родины полицейского Балабас Ивана Ивановича вывели в 200 м от деревни колхозников: Редько Сарру Яковлевну, 65 лет, Шапошникову Аллу, 30 лет, Мещерякову Розу Иосифовну, 35 лет и ее дочь, 7 лет и сына, 2 лет, и около заранее вырытых ям расстреляли.

Старый колхозник Редько Гершин Иосифович, 60 лет, не выдержал издевательств немецких извергов и повесился.

Виновниками этих злодеяний считаем немецко-фашистских бандитов, а также изменника родины Балабас Ивана Ивановича.

Раскопки могилы произведены, причем обнаружены человеческие кости всех 6-ти расстрелянных.

В чем и составлен настоящий акт.

Председатель комиссии: предколхоза «Красный Кавказ» (подпись).

Члены комиссии: (4 подписи).

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.5, л.77. Подлинник.

АКТ

о зверствах и злодеяниях немецких оккупантов на территории колхоза им. Молотова Добрушинского сельсовета, Евпаторийского района.

24 июня 1944 г.

Составили настоящий акт председатель Добрушинского сельсовета Низельник О.Б., председатель колхоза им. Молотова Сидоренко П.П., медфельдшер Кузнецов Д.Т., и колхозники Кашанова М.Е., Лихонина, являющиеся свидетелями зверств немецких оккупантов над семьями евреев, проживавших в колхозе им. Молотова.

В декабре 1941 г. в колхозе появилась автомашина, называемая «Черный ворон», остановилась возле дома старосты, где простояла два часа, потом подошли еще две машины с жандармерией и легковая машина. Моментально оцепив деревню, начали собирать евреев, которые бежали. Легковая машина догоняла их и убивала на месте. Прodelав, это, уехали, оставив в деревне несколько своих жандармов. Целую ночь была облава с помощью полицейских нашей деревни, и кто приходил, был так же безжалостно убит немецкими гадами. Но 21 человек были скрыты в степи в яме, выкопанной ими, где они прожили несколько месяцев, приходя в деревню за хлебом. По инициативе старосты, собравшего мужчин, была сделана засада, и поймали тех, которые приходили за хлебом, в доме колхозницы Березюк, и заперли в доме канцелярии под охраной полицейских нашей деревни. Утром [их] вызвали румыны, которые [их] избили, добиваясь о месте нахождения их семей. Узнав, где находятся семьи, поехали можарой^[49], забрали всех и повезли в деревню Богай, где [они] были также зверски убиты.

Всего немецкие изверги и предатели Родины уничтожили по колхозу им. Молотова 46 советских граждан, в том числе женщин, стариков и малолетних детей. Кроме того, 18 человек вывезли в дер. Богай и расстреляли там.

24 июня 1944 г. вскрыты могилы товарищей, расстрелянных немецкими оккупантами, обнаруженные при вскрытии кости сложены в гроб и похоронены.

П.П. Председатель с/с Низельник.

Председатель колхоза Сидоренко.

Медврач Кузнецов.

Колхозники Лихонина, Кашанова.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.5, л.78. Подлинник.

ИЗ АКТА

комиссии по установлению злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в период оккупации по колхозу им. Шаумяна Порфирьевского сельсовета Евпаторийского района.

26 июня 1944 г.

... В полкилометре южнее колхоза им. Шаумяна обнаружены три могилы, в которых зарыты расстрелянные немецко-фашистскими извергами колхозники этого колхоза.... В вскрытых ямах лежали трупы главным образом женщин, детей и стариков, которых гнали к месту расстрела партиями. Люди расстреливались в большинстве случаев разрывными пулями в количестве 97 человек 4.03.1942 г., а около 15 человек колхозником — мужья и отцы — были расстреляны в городе Евпатория 1.03.1942 г. Все расстрелянные являлись горскими евреями (таты)...

Председатель комиссии: Вдовиченко.

Члены комиссии: Мацюк, Петрос.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.31, л.7. Копия.

ПО Г. КАРАСУБАЗАР^[50].

Из акта в Республиканскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, совершенных в г. Карасубазар.

13 мая 1944 г.

...Вторым злодеянием немцев явилась расправа над еврейским городским населением в количестве 62 человек.

В декабре месяце 1941 г. через еврейского старосту немецкие власти дали распоряжение немецких властей о явке всего еврейского населения в горуправу с вещами для направления их на работу.

Собравшиеся в городской управе евреи были направлены по Садовой улице, а их вещи погружены и отвезены на грузовой машине в «СД», находившийся по ул. Ананьевской, №45, возле инкубаторной станции. Все евреи были расстреляны и похоронены тут же в противотанковом рву.

Расстрел производился по прямому указанию шефа немецкой жандармерии «СД» Пауль Матовым.

Третье и самое крупное злодеяние произошло в середине января месяца 1942 г. Это была расправа над крымчацким населением города в количестве 468 человек.

Проведена она немцами была следующим порядком. 17-18 января 1942 г. рано утром у каждого дома, в котором проживала семья крымчаков, были выставлены по два вооруженных человека, из коих один румын, а второй — доброволец-татарин. После чего в эти дома приходили немцы, уводили крымчаков с семьями на сборный пункт, по Ананьевской улице, где стояла грузовая крытая автомашина, окрашенная в черный цвет. К этой машине подводили небольшими группами крымчаков и сажали в нее через раскрытые сзади двери по спущенной лестнице. После погрузки двери закрывались, и машина уезжала в неизвестном направлении.

Вторая такая же машина находилась по Садовой улице, где проходило то же самое, то есть погрузка крымчаков. В специальных двух машинах, применявшихся немцами при расправе над крымчацким населением, при движении выделялся газ вовнутрь, где помещались арестованные, отчего они и умирали.

Все удушенные крымчаки были похоронены в районе 1-го отделения совхоза «Мариано» за бывшим механическим цехом. Уничтожение крымчаков производилось по указанию немецкой жандармерии «СД»

шефом жандармерии Матовым.

...Оставшееся после расправы над евреями и крымчаками их имущество было перевезено в «СД» по Ананьевской ул., №45, где лучшее было забрано самими немцами, а остальное было роздано добровольцам и их семьям.

...При расправах с отдельными лицами немцы не щадили их малолетних детей. Так погибли все дети евреев и крымчаков...

Председатель комиссии: Семин.

Председатель исполкома депутатов трудящихся Карасубазарского района: Булаев.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.11, лл.6-7. Подлинник.

Из протокола опроса свидетеля Смольского Бекира Ибрагимовича.

24 октября 1944 г.

...10 декабря ко мне в полицию пришли два знакомых еврея, и один из них по фамилии Журабович, сообщил, что ими получено через еврейских старост распоряжение о явке в горуправу с вещами, и спросил, куда их будут отправлять. Мне абсолютно ничего не было известно и я подумал, что предполагается отправка в какой-либо лагерь, о чем и сказал спрашивавшему.

В конце дня я узнал, что собравшиеся в горуправе евреи отправлены по Садовой улице, а их вещи — в СД по ул. Ананьевской, 45. О происшедшем мне стало известно лишь на второй день. В этом деле участвовали исключительно сами немцы.

Расправа производилась по Садовой улице возле инкубаторной станции, где жертвы этой расправы и похоронены.

...Проснувшись рано утром 17 или 18 января, я обратил внимание на то, что возле крымчакской квартиры во дворе дома, где я проживал, стояли два человека с винтовками, из коих один был румын, а другой — доброволец-татарин.

В этой квартире проживал только один крымчак, Лехно Юда, а семья его недели за три перед тем переехала на жительство в другую квартиру по Ананьевской улице. Вскоре после того, как я заметил постовых, пришли три немца и вывели из квартиры упомянутого Лехно, а на дверях в квартире наклеили объявление о запрещении входа туда. Через полчаса, не зная, в чем дело, я отправился на работу. Подойдя к зданию полиции, я заметил стоявшую неподалеку грузовую крытую автомашину, окрашенную в черный цвет. К этой машине подводили небольшую группу крымчаков, и

сажали в нее через раскрытые сзади двери, по спущенной лестнице. После погрузки двери закрывались, и машина уезжала в неизвестном направлении. Вторая машина, как я узнал позже, находилась на Садовой улице, где происходило то же самое, т.е. погрузка крымчаков.

Я стоял вместе с моим помощником Эльяшевичем и с кем-то из полицейских, кажется, Стаценко, возле здания полиции, и наблюдал за происходившим издали. До этой минуты никто из нас не знал, что происходит, и мы только догадывались. При машинах находились только немцы, а русская полиция никакого участия не принимала ни в охране, ни в арестах, ни в сопровождении.

О специальном назначении машин, применявшихся немцами при расправе над крымчацким населением, я узнал позже от переводчика СД Якоба, который сказал, что при движении эти машины выделяют газ внутрь, где помещаются арестованные. Этот способ расправы немцы считали «гуманным». ...

Мне припоминается случай с бывшим бухгалтером Сельхозснаба евреем Гольдшляком, который был женат на гречанке Чакировой Вере Ивановне и принял православие при женитьбе в 1937 г.

При переписи населения Карасубазара в ноябре 1941 г. он был записан как русский. Еврейские старосты не ввели его в списки евреев и он избежал расправы как 10 декабря, так и 18 января. С Гольдшляком я лично был знаком и предупредил его, чтобы он на улицах не появлялся.

В конце января 1942 г. в полицию явился гражданин К. и заявил мне, что ему известен один еврей, скрывающийся по Греческой улице. Я ответил ему, что этот человек не скрывается и лично мне известен, что он женат на гречанке, принял православие и не рассматривается как еврей. После этого К. ушел, а на второй день Гольдшляк был арестован. Я не сомневаюсь, что это предательство совершено гражданином К. и уверен в том, что после посещения меня, убедившись, что на его заявление я реагирую отрицательно, он сам непосредственно сообщил об этом в СД, ибо до К. никто и никогда о Гольдшляке не говорил.

Правильность изложенного своей подписью подтверждаю Смольский.
ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.11, лл.26-28. Подлинник.

ПО Г. КЕРЧЬ.

Из акта комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, совершенных в г. Керчь.

2 августа 1944 г.

Комиссия установила факт массового расстрела мирного населения города в начале декабря 1941 г. и в период отступления немцев в конце декабря 1941 г. Количество расстрелянных свыше 7000 человек.

В первые же дни после вступления немцев в Керчь появился ряд приказов, преследовавших цель тщательно учесть все население города. Приказ о запрещении выезда из города, регистрации населения, об обязательном ношении евреями шестиконечной звезды.

28 ноября вывесили новый приказ: еврейскому населению, всем без исключения, со своими семьями явиться на Сенную площадь. Оттуда всех собравшихся женщин, стариков детей отправили в тюрьму, из тюрьмы на Багеровский ров, где зверски расстреляли и еще полуживых закопали во рву.

Вот рассказы свидетелей о расстреле мирного населения в начале декабря 1941 г.

Булычева Прасковья Яковлевна, проживающая по ул. Курсантов, №14, показала: — В конце ноября 1941 г. был дан приказ всему еврейскому населению с вещами явиться на Сенную площадь, взять с собой на 3 дня продуктов. СС повели их колоннами по 6 человек по ул. Кирова, где я в то время проживала, в тюрьму. Кто по дороге отставал, по болезни или старости, тех избивали и складывали на повозки. Я видела, как их отправили на Багеровский ров, сама видела, как машины битком набивали стариками, больными женщинами и детьми, детей прямо бросали в машину.

Кирюшкина Любовь Ивановна, проживающая по ул. Ленина, №14, показала: — В декабре 1941 г. все еврейское население — дети, старики и женщины — должны были явиться на Сенную площадь, захватив с собой на три дня продовольствия. На площадь согнали около 7 тысяч человек. Всех погнали в тюрьму. На другой день стали вызывать каждого по очереди. Забирали все ценные вещи, одежду и в одном нижнем белье везли на Багеровский ров, расположенный в 4-х км от города, там всех

расстреляли. Из одного только Садового переулка расстреляно 12 человек.
...

Председатель комиссии Кировского района г. Керчи Яценко.

Члены комиссии [\[51\]](#).

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.2, л.35. Подлинник.

ПО ЛАРИНДОРФСКОМУ РАЙОНУ^[52].

Из акта комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, совершенных в Лариндорфском районе.

16 октября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в составе: председателя комиссии II секретаря Лариндорфского РК ВКП(б) Сахно Ивана Никифоровича, членов комиссии — председателя райисполкома Лариндорфского района депутатов трудящихся Гнояной Сергей Иванович, начальник НКВД Лариндорфского района Петряев, зав. здравотделом Лариндорфского района Михайлова Анна Ивановна, зав. РайОНО Лариндорфского района Гольштейн Анатолия Яковлевича,

Составили настоящий акт о том, что в 1941 г. 27 октября в три часа дня при вступлении немецко-фашистских захватчиков в район была организована полиция вместе с гестапо и немецкими сообщниками, которые занимались учетом и выявлением советских людей. Спустя немного времени был издан приказ о расстреле еврейской национальности.

Приказ всем евреям явиться на регистрацию, после регистрации надеть на левую руку белую повязку. Все ценные вещи снести в указанное место. По словам гражданки Боссевиц Марии Николаевны, 1923 года рождения, ... дер. Каменка, во время оккупации было расстреляно 61 человек еврейской национальности, перед расстрелом люди были согнаны в один из домиков деревни. Это было в январе месяце. В доме людей раздели, забрали у них ценные вещи и погнали их всех к оврагу недалеко от деревни. Взрослых расстреливали из русских винтовок, детей бросали живыми в колодец.

По словам Рашковской Марии Ивановны, 1902 года рождения, ... дер. Фрунзе, при вступлении немецко-фашистских захватчиков в нашу деревню были взяты на учет все люди еврейской национальности. С первых дней оккупации немецко-фашистские захватчики издевались над еврейской национальностью, не давали им питания, все продукты были отобраны, русскому населению запретили давать им продукты питания. ...

В конце февраля 1942 г. ночью согнали всех в один дом под предлогом отправки на работу, вывели к колодцу за три километра от деревни и расстреляли. Наутро я видела, что полицейский Цурков Иван Семенович

носил еврейские вещи.

По словам гр-ки Сиженковой Юлии Андреевны, 1892 года рождения, дер. Калининдорф^[53] ... в 1942 г., в июне месяце ... в 10 часов утра к нам в деревню приехала немецкая легковая машина, из автомашины вышли два немецких офицера, у которых на груди были орлы и жестяные бляхи, на бляхе был нарисован череп. ... Всех евреев согнали в школу, от школы их прогнали к колодцу, который находился от нашей школы около двух километров. Во время отправки все женщины и дети сильно плакали. Сначала заставили матерей бросать своих детей живыми в колодец, после этого расстреливали взрослых. ...

Акт составлен на основании свидетельских показаний со слов граждан, которые были свидетелями немецко-фашистских издевательств.

Председатель комиссии: Сахно.

Члены комиссии^[54].

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.13, лл.8-9. Подлинник.

ПО Г. СЕВАСТОПОЛЬ.

Из дневника священника Бориса Пекарчука о зверствах оккупантов в г. Севастополе.

Во время прихода немецких оккупантов в г. Севастополь 1 июля 1942 г., они бросились по домам грабить. ...

Через два-три дня был приказ немецкого коменданта, чтобы все жители Севастополя явились на регистрацию. Массовые расстрелы и грабежи умножились со дня появления в городе начальника гестапо, который решил ограбить и истребить мирное население. Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм продуктов питания негодяи расстреливали. На базаре никакой торговли не производилось, магазины были пусты, мирное население попряталось. Город замер. 6 июля 1942 г. был опубликован приказ всем евреям, проживающим в г. Севастополе и районах, нашить звезды шестиконечные размером 100 мм на груди и спине и явиться в еврейский комитет, ул. Херсонская (здание стадиона), для регистрации, имея запас продуктов на 3 дня.

Через два-три дня комендант тюрьмы велел, чтобы каждый переселенец записал свой адрес на отдельной бумажке и к каждой бумажке привязал ключи от своей квартиры. Если ключей нет, указать, кому их оставил. После регистрации врача Звенигородского отпустили домой, предложили заниматься своей профессией, но он отклонил предложение и заявил: «Где мой народ, я тоже с ними!»

Всех переселенцев отвели в тюрьму, разбили на группы и приступили к отправке, только не по тому маршруту, который объявили, в деревню Шули, а к танковому рву. Проклятые убийцы расстреляли там много женщин, детей, мужчин, стариков и старух, а имущество конфисковали.

Следующим приказом городская управа приказала всем жителям города отработать трудовинность — 28 рабочих дней, сбор при городской управе, за неявку на работу — расстрел. ...

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1-а, лл.3-4. Заверенная копия.

ПО СИМФЕРОПОЛЬСКОМУ РАЙОНУ.

Из акта об установлении зверств немецко-фашистских захватчиков и уничтожении мирного населения Симферопольского района. Первомайского сельсовета.

10-15 июня 1944 г.

Комиссия в составе представителя Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию зверств немецко-фашистских оккупантов по Крымской АССР Осколкова А.М., председателя Первомайского сельсовета Церекова Ю.М., помощника военного прокурора воинской части №34500 майора юстиции Распономарева И.И., главного судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы Шустер И.А., красноармейца воинской части №34500 Чальцева Г.П., граждан деревни Калинино^[55] Шишкина П.И, Игнатовой М.С, прибыла на место обнаружения трупов людей, умерщвленных немецкими оккупантами в период оккупации Крыма 1941-1944 гг.

2 ноября 1941 года немецкие войска заняли территорию Первомайского сельсовета Симферопольского района Крымской АССР. В состав Первомайского сельсовета входили населенные пункты: колхоз им. Калинина, им. Горького и «Первомайск». Среди членов этих колхозов было около 300 еврейских хозяйств.

До прибытия (оккупации) немцев часть хозяйств была эвакуирована.

Экономическое состояние этих колхозов до оккупации немцами района находилось на высоком уровне, хозяйства велись образцово.

21 января 1942 г. отряд гестапо и «СД» г. Симферополя с участием помощника сельхозкоменданта Симферопольского района младшего унтер-офицера по имени Курт прибыли в Первомайский сельсовет (общину). С помощью старосты общины деревни Калинино Солодкина Афанасия Калиновича и его сына тракториста Солодкина Николая Афанасьевича собрали колхозников-евреев с их семьями якобы для эвакуации. После этого, когда были собраны все евреи, остальные жители этих населенных пунктов под страхом расстрела были закрыты в своих квартирах. Предварительно, до изъятия еврейского населения, на их домах были написаны черные кресты с надписями «юда». Вместе с отрядом карателей (прибывших на трех автомашинах) прибыла специальная машина с большим черным кузовом (закрытым) и позади с черной дверкой, закрывающейся герметически.

В эту машину, через дверцу вталкивались собранные евреи всех возрастов (от 3 месяцев до 75 лет) и наглухо закрывались дверкой.

При каждом рейсе автомашина, отъехав полкилометра от населенного пункта, останавливалась на 20-30 мин., мотор продолжал работать, а затем автомашина отъезжала к полузаброшенному полевому колодцу, который отстоит от села Калинино на 3 км и от села Красного на 1,5 км, куда сбрасывались трупами лица, ранее загруженные в автомашины.

Таким образом, в течение двух дней было истреблено, как установлено следствием, более 200 человек мирного советского населения, тружеников, которые работали с первых дней организации колхозов, стариков, старушек и детей.

При осмотре местности, куда были свалены трупы мирных граждан Советского Союза, это оказалась степь между населенными пунктами — деревнями Калинино и Красное. На расстоянии сорок метров от дороги между указанными выше населенными пунктами имеется колодезь.

Колодезь диаметром около 2.5 метров, выложенный известковым камнем глубиной 7 метров, вокруг колодца котловина диаметром 10 метров.

Произведена выемка почвы из колодца, которая оказалась состоящей из камней и глины, схожей с почвой котловины. Среди почвы колодца обнаружены полуистлевшие обрывки одежды, галоши, роговые гребешки.

На глубине 9 метров оказались останки трупов, из коих отдельные трупы представляют собой кости с останками мягких тканей.

На нижних конечностях хорошо сохранилась обувь (галоши), причем на трех трупах женские галоши, на одном — глубокие детские. На трупах также сохранилась частично полуистлевшая одежда (ватный пиджачок, брюки и дамские чулки). По числу черепов и крупных костей скелета из колодца изъято 11 трупов. Черепа целые, никаких пробоин не обнаружено. На трех черепах небольших размеров костные швы хорошо различены, и отдельные кости хорошо разнимаются по шву. Зубы с хорошо выраженной жевательной поверхностью. На остальных черепах костные швы или совершенно не различимы, или еле заметны. Повреждения костей скелета не обнаружено. Останки остальных трупов было крайне трудно извлечь, так как они находились в воде и издавали резко гнилостный запах, не позволявший продолжать работу на глубине колодца, несмотря на работу в противогазах. По показаниям жителей, глубина колодца 45 сажен.

В одном из карманов одежды извлеченного трупа оказался паспорт на имя Фишелович Давида Исааковича, 1887 года рождения, происходившего из Ковенской губернии, Кашанского уезда, колхозника, и личная книжка с

крайне неясными записями. Документы прилагаются к акту.

Извлеченные останки трупов были похоронены недалеко от колодца в постоянной могиле.

Председатель комиссии Осколков.

Председатель Первомайского сельсовета Цереков.

Пом. военного прокурора в/части 34500, майор юстиции Распономарев

Красноармеец в/части 34500 Чальцев

Гр-не с. Калинино Шишкин, Игнатова.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1, л.90. Подлинник.

ПО СТАРО-КРЫМСКОМУ РАЙОНУ.

Протокол допроса свидетельницы Геновой Василисы Никитичны, рождения 1905 г., жительницы дер. Карагоз^[56].

27 мая 1944 г.

Я приехала в деревню Карагоз в 1939 г. ... Вместе с другими колхозниками там жила и работала семья Пиастро, состоявшая из: Рафаила Абрамовича, 55 лет, Ольги Моисеевны, 47 лет, Михаила, лет 17, и Бориса, 13-14 лет. Отец, мать и старший сын работали, младший учился в школе. Так продолжалось до временной оккупации Крыма немцами, после чего семья Пиастро перестала работать, продолжая жить в Карагозе. Однажды, в феврале 1942 г. (числа не помню), подъехала грузовая машина к дому Пиастро, в которую была погружена вся семья, то есть Рафаил Пиастро, Ольга, Михаил и Борис. Все они были вывезены в Старый Крым. Пиастро по национальности были крымчаки. По предположениям моим и всех односельчан, все члены этой семьи погибли. В то время немцы учиняли злодейские расстрелы евреев, крымчаков, цыган. Эта семья честных тружеников стала жертвой фашистского произвола, как многие тысячи им подобных. После увоза семьи никто ничего о ней не знает, но предполагают, что все они лежат расстрелянными под Агармышом.

Свидетель Генова.

Член комиссии: подпись.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.6, л.131. Подлинник.

Протокол показаний гражданки Литавка Марии Павловны, рождения 1923 года, проживает в деревне Асанбай^[57], совхоз «Первая пятилетка».

28 мая 1944 г.

Я знаю эту женщину, по национальности еврейку, но фамилия, имя и отчество ее мне неизвестны, приблизительно ей было 38-40 лет.

У нее было двое детей: мальчик 2-х лет и девочка 5-ти лет. Откуда она приехала, я тоже не знаю. Жила она в нашем совхозе «Первая пятилетка» с первых чисел октября 1941 г. до 25 января 1942 г. Она уничтожила свой паспорт и метрики детей. Мы считали ее за грузинку. Когда же пришли к нам десантные Красные войска, она, радуясь, говорила, что пришли, наконец, наши, что она теперь сможет начать опять работать (она была по специальности счетовод). Женам полицейских она говорила со злорадством

«Не удалось вам нас уничтожить». ...

После отхода десантных войск она была арестована 25.1.1942 г. ... Во время ареста полицейские, заперев в квартире эту женщину с ее двумя детьми, сильно ее били. Из комнаты были слышны крики о пощаде ее и детей, но это не привело ни к чему. Их избивали и кричали: «Что, остались, уцелели? Ну, теперь уж вас возьмем!» Полицейских было три человека, русские, фамилии их не знаю. Избитых всех троих посадили на линейку и с остальными арестованными повезли в Старый Крым. Она была в тюрьме два дня, после чего была убита под Агармышом в противотанковом рву вместе со своими детьми.

Литавка.

Член комиссии: В. Левда.

ГААРК, ф.Р-1289, оп.1, д.23, л.247. Подлинник.

ПО ТЕЛЬМАНСКОМУ РАЙОНУ^[58].

Акт комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников при Ротендорфском^[59] сельсовете Тельманского района.

23 октября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия при Ротендорфском сельсовете Тельманского района в составе: председателя Вольнец Константин Иванович, члены комиссии: Левитан Елена И., Лещинский Григорий Абрамович, в присутствии свидетелей: Козлова Роза, Норштей Мария Марковна, проживающих в дер. Ротенштат^[60] колхоза им. Ворошилова, сего числа рассмотрели списки жертв фашистских оккупантов. По деревне Найлебен^[61], где комиссия установила, что еврейское население в количестве 35 человек вывозили на машинах и на месте расстреливали из пулемета в разных местах в декабре 1941 г. По деревне Фрайдорф^[62] комиссия установила, что мирное население истреблялось в разное время, за период оккупации в разных местах расстреляны: в Курмане^[63] 3 человека, в Джанкое 12 человек, в Колае^[64] 7 человек, и Фрайдорфе 13 человек. Всего 35 человек, по национальности все евреи.

По деревне Ротендорф расстреляно на территории деревни из ручного пулемета 19 человек.

По деревне Офлейбунг^[65] вывезены в Джанкой и там расстреляны, как еврейские семьи, 21 человек.

Всего расстреляно мирных жителей, проживавших по территории Ротендорфского сельсовета, 110 человек. Все они истреблялись за принадлежностью к еврейской национальности.

Председатель комиссии: подпись.

Члены комиссии: подписи.

Свидетели: подписи^[66].

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.2, л.146. Подлинник.

ПО ФРАЙДОРФСКОМУ РАЙОНУ^[67].

Акт Фрайдорфской районной комиссии по расследованию злодеяний и зверств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками.

15 октября 1944 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Фрайдорфская районная комиссия по расследованию совершенных злодеяний и зверств немецко-фашистских захватчиков и их пособников в составе:

председателя районной комиссии т. Швецова Я.В.,
секретаря районной комиссии т. Дамаскина,
членов районной комиссии — т. Резникова А.М., учителя Фрайдорфской средней школы, Голынец М.М. — врача районной больницы, Зотова Л.Я., начальника райотдела НКВД, Маркина Г.Н. — зам. председателя РИКа, Пантелеева — токаря Фрайдорфской МТС,

В течение апреля-мая-июня-июля и августа 1944 г. произвели расследование всех злодеяний и зверств немецко-фашистских оккупантов и их сообщников над мирными гражданами Фрайдорфского района за период оккупации Крыма с ноября 1941 г. по 13 апреля 1944 г., т.е. по день освобождения района от немецко-фашистских извергов.

На основании многочисленных свидетельских показаний граждан и осмотра на месте было установлено нижеследующее:

Немецко-фашистские мерзавцы при оккупации района начали систематически проводить истребление советских граждан, не щадя при этом стариков, женщин и детей.

Так, например, в деревне Перецфельд^[68] 15 ноября 1941 г. карательный отряд немцев в составе 9 человек во главе с немецким офицером под силой оружия согнал в помещение клуба все население еврейской национальности в количестве 92 человека, затем фашистские изверги погнали всех людей в хутор Топчарлы, расположенный от деревни Перецфельд в 3-х километрах, где расстреляли всех до единого, и трупы их были брошены в безводный колодезь глубиной ствола 80-90 м.

Свидетели этой дикой расправы над советскими гражданами в дер. Перецфельд, граждане Леоненко М.С., Науменко Е.П., Киндра И.С., Хвостова К.И. показали, что немецкие двуногие звери не пощадили даже новорожденных. Так, во время конвоирования евреев до хутора Топчарлы гражданка Бомбина Мария родила ребенка, который был расстрелян и

брошен в колодезь.

В деревне Фрилинг^[69] Первомайского сельсовета.

Как установлено комиссией на основании свидетельских показаний граждан деревни Фрилинг — Бронник П.И., Зезюля А.И., карательным отрядом по указанию старосты деревни Фрилинг Александрова Ф.Ф. проживавшее еврейское население в количестве 7 человек было вывезено за деревню и расстреляно. Все имущество расстрелянных было разграблено немцами.

В деревне Аманша^[70] Кадышского сельсовета.

Как установлено расследованием и свидетельскими показаниями граждан деревни Руденко Н.Ф., Лагута А.С., Гренадер М., 23 ноября 1941 г. прибыла автомашина гестаповцев в количестве 8-9 чел., которые согнали все еврейское население посреди улицы в количестве 188 человек, затем погнали за деревню к безводному колодцу, находившемуся от деревни на расстоянии одного километра, и там учинили зверскую расправу над ними, расстреляв поголовно все еврейское население. Трупы расстрелянных были брошены в колодезь.

В деревне Найброт^[71] Старобуйнакского сельсовета.

В ноябре 1941 г. прибыла автомашина с гестаповцами, которые собрали все еврейское население в количестве 26 человек, вывезли за деревню и всех расстреляли. Сообщником немцев в расстреле советских граждан активное участие принимал староста деревни Щеглов М.П. ...

В деревне Мунус-Еврейский^[72] Кадышского сельсовета.

Расследованием комиссии и свидетельскими показаниями гр-н Кожеркова В.Н., Мочалина А., Фесенко А.С. установлено, что 23 ноября 1941 г. карательный отряд, прибывший в деревню, собрал все еврейское население в количестве 104-х человек, расстрелял поголовно всех, трупы были сброшены в бездействующий колодезь. Немецко-фашистские палачи перед расстрелом издевались над женщинами и детьми. Они вырывали детей из рук матерей и живыми бросали в колодезь, а некоторых детей ударяли головой об землю, затем расстреливали и трупы бросали в колодезь.

В поселке Фрайдорф^[73] Фрайдорфского сельсовета.

Как установлено свидетельскими показаниями гр. Сотниковой П., Гремизиной Е.Г., Шекиной П.А., 21 ноября 1941 г. карательный отряд немцев расстрелял 64 человека еврейской национальности, трупы которых были сброшены в колодезь, находившийся в 800 метрах от Фрайдорфа. Эти же свидетели подтвердили, что немецкие палачи умерщвляли детей, смазывая им губы особым ядом. ...

В деревне Бузул-Монтанай Такильского сельсовета^[74].

Проведенным комиссией расследованием и на основании показаний свидетелей гр. Чернышевой А.С., Кошелевой Е.Г., Бережной Е.Л. и других установлено, что 7 декабря 1941 г. прибывший в деревню карательный отряд, собрав все еврейское население в количестве 141 чел под видом эвакуации, расстрелял всех до единого возле колодца вблизи пос. Фрайдорф. Трупы расстрелянных были сброшены в колодезь.

В деревне Кары Отешского сельсовета^[75].

Как показывают свидетели, гр. Кратько В.Г. и Шишкина К.К., в ноябре-декабре 1941 г. карательный отряд гестаповцев, собрав все еврейское население деревни в количестве 136 человек, расстрелял всех у колодца возле мельницы, сбросив все трупы в колодезь. ...

Председатель комиссии: Швецов.

Секретарь комиссии: Дамаскин.

Члены комиссии^[76].

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.12, лл.14-15. Подлинник.

ПО Г. ЯЛТА.

Из акта комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков, совершенных в г. Ялта.

17 июля 1944 г.

...С особым ожесточением немецкие бандиты издевались над еврейским населением г. Ялты. Еврейское население было поставлено вне закона. Во второй половине ноября 1941 года, через неделю после прихода в Ялту, командование зондеркоманды 11а вывесило в городе следующий приказ:

Приказ евреям города Ялты.

1. Все евреи г. Ялты должны носить еврейскую звезду на своем костюме. Эта еврейская звезда должна быть сделана из материи, величиной в 10 см. Эта звезда должна быть прикреплена на груди с левой стороны и на спине. Эти знаки евреи должны сами себе сделать. Евреи, которые этому приказу не подчинятся, будут расстреляны.

2. Все имеющиеся деньги и ценности подлежат доставке и передаче Комитету. Евреи, которые не подчинятся приказу, будут расстреляны.

...По требованию немецких властей был создан Еврейский комитет, правление его находилось на углу Аутской и Морской. Терроризированное еврейское население ждало каждый день жестокой расправы. В последних числах ноября по городу был расклеен новый приказ, предлагавший всем евреям до 5 декабря переселиться в помещение бывших Массандровских казарм. В этом помещении было собрано до 1500 человек — мужчин, женщин и детей. В «ГЕТО»^[77] евреи подвергались постоянным избиениям и издевательствам со стороны шефа СД фон де Рейк и его помощников. Евреям запрещалось показываться на улицах города после двух часов дня. Все лучшие вещи и ценности грабили немцы.

Гражданин Пономарев Александр Иванович, проживающий по Средне-Слободской улице, д.14, показал следующее:

«Как только немцы пришли в Ялту, был издан приказ, чтобы все евреи нашили себе на грудь и спину белые звездочки. После этого был организован еврейский комитет. Всеми евреями заведовал немец фон де Рейк. Ходил он всегда с плетью в руках, на конце которой находился

свинец, служил он в СД. Однажды в моем присутствии приехал де Рейк в Еврейский комитет и приказал за несколько часов собрать очень большое количество вещей из дамского туалета. Председатель комитета сказал, что невозможно так быстро собрать эти вещи в таком количестве, тогда фон де Рейк схватил председателя за бороду и стал бить плетью по лицу и голове. В ГЕТО над евреями издевались, били из-за всякой мелочи, забирали не только ценности, но и пищу и дрова. Евреи пробыли в ГЕТО с 5 декабря до 18 декабря 1941 г. После чего все евреи на машинах были вывезены на 4-ю балку и расстреляны. Я сам видел, как их вывозили на расстрел. Из моей семьи немцы расстреляли пять человек, в том числе был расстрелян мой сын Анатолий, которому в то время было 1 год 6 месяцев».

Гражданка Рохман Мария Константиновна, проживающая в г. Ялта, по ул. Садовой, №18, в заявлении пишет:

«5 декабря 1941 г. по приказу немцев мой муж и родственники переехали в тюрьму — ГЕТО. В Гето их часто били, мучили, издевались. Забрали все ценные вещи, продукты питания, деньги, топливо. 17 декабря 1941 г. всех мужчин выстроили и гоняли целый день. В этот день все были голодные и у всех были отобраны все вещи и деньги. 18 декабря 1941 г., в 5 часов утра всех евреев из Гето вывезли на машинах в балку, возле Магарача и расстреляли. В числе расстрелянных моих родственников были дети: Циля — 12 лет, Эля — 9 лет, Наум — 4 года, Миша — 3 года».

Комиссия считает установленным, что немецкие захватчики в период ноября-декабря 1941 г. и января 1942 г. уничтожили путем массовых расстрелов все еврейское население г. Ялты. ...

Председатель комиссии В.А. Кузнецов.

Секретарь комиссии З.Г. Володкевич.

Члены комиссии ^[78].

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.4, лл.96-97. Подлинник.

**ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.**

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО М.И. РИММЕР В АДРЕС ЗАВЕДУЮЩЕЙ ДЕТСКИМ ДОМОМ М.С. ПРУСС ЗА СПАСЕНИЕ ДЕТЕЙ В ДЕТСКОМ ДОМЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ.

Не ранее 14 апреля 1944 г. ^[79]

Уважаемый тов. редактор!

Разрешите на страницах Вашей газеты вынести благодарность бывшей заведующей детским домом Прусс Марии Станиславовне, которая спасла десятки людей, в том числе мою сестренку. Организовав детский дом, она скрывала детей от этих палачей, которых они должны были уничтожить. Дети коммунистов, партизан, расстрелянных гестапо, находили приют и самое сердечное отношение к себе. Сестренка мне рассказала, что воспитание в детском Мамакском^[80] доме дети получали советское. Мария Станиславовна не допускала к детям не советских людей. Многие старшие дети ушли в партизаны, и Мария Станиславовна, не теряя с ними связь, всячески помогала им морально и материально. В детдоме читали советскую литературу, которую приносили партизаны в город, распространяли среди жителей.

Я прошу Вас, товарищ редактор, через страницы вашей газеты рассказать нашей советской общественности об этом замечательном человеке, преданной нашей Родине.

Риммер М.И.

Старший контролер картбюро Городского района Советская, 3 —
Прусс М.С.

Верно: Зав. Партархивом Крымского обкома КП Украины /Е. Шишко/
ГААРК, ф. П-156, оп.7, д.40, л.83-83об. Подлинник.

СПИСОК ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ МАМАКСКОГО ДЕТСКОГО ДОМА №1 СПАСЕННЫХ ОТ РАССТРЕЛА ПРУСС М.С. И ПЕРСОНАЛОМ ДЕТДОМА.

Не позднее 1943 г. [\[81\]](#)

1. Витя Калманович — Витя Калиновский
2. Изя Трайтель — Сережа Хохлов
3. Абраша Шапошников — Ваня Шапошников
4. ? — Соболевская Ина
5. ? — Соболевская Нина
6. ? — Богомолова Вера
7. Белла Каплан — Зоя Каталупенко
8. Юля Ляшко — Юля Ляшко
9. Дора Риммер — Катя Иванова
10. Мая Лакшина — Нина Михайлова
11. Магда Турусова — Маня Турусова
12. Штустер — Зина Джепарис
13. Штрустерн — Юра Джепарис
14. ? — Алик Александрович
15. ? — Сережа Немченко
16. Витя Зельцман — Витя Вельсманов
17. Павел Папатник — Павлуша Титов
18. ? — Боря Семибровкин
19. Боря Зельманович — Коля Вышевец
20. ? — Вова Кострин
21. ? — Толя Юрасов
22. ? — Алик Прус
23. Рита Хавкина — Оля Сейдаметова
24. Сережа Носович — Сережа Воробьев
25. Цилия Бердакина — Маруся Шишкина.

Витя Зельцман, 16 лет, пришел в детдом с подчищенными им же самим документами. Был принят и зачислен как 12-летний под фамилией Вельсманов, прожил два с половиной года в детдоме. Впоследствии ушел в партизаны с группой старших воспитанников. Работал разведчиком. Часто

приходил с другими ребятами навещать детдом. Всегда приносил советскую литературу, которую другие дети носили в город и распространяли. В бою с немецко-румынскими войсками был ранен тяжело и захвачен в плен. Ввиду его малого роста мне удалось как малолетнего взять его из лагеря и положить в больницу. По выздоровлению я нашла семью, которая, зная, что он еврей и партизан, усыновили его. Фамилия этой семьи Эриковы. С этой семьей Витя живет и в настоящее время, сроднившись с ними.

Белла Каплан, 5 лет. Была доставлена в детдом немецкой полицией с тем, чтобы на другой день забрать ее для отправки в гестапо для уничтожения. Пришли за ней через неделю. Я сказала, что девочка в больнице, что у нее дифтерит и что она при смерти. Они поверили и ушли. Через две недели гестапо с «душегубкой» приехало снова за ней. Я ответила, что девочка умерла и предъявила им акт о ее смерти. Акт был составлен мной, воспитателем и медсестрой. Они потребовали показать им могилу, где похоронена девочка. Не растерявшись, я ответила, что могу им показать могилу. Приехав на кладбище, я показала им первую попавшуюся могилу. Они поверили и уехали удовлетворенные. Девочка же жила совершенно здоровенькая под фамилией Каталупенко Зоя в детском доме полтора года, потом она была переведена мной в женский дом и там отдана на усыновление.

Мая Лакшина, 13 лет. Была привезена в город немецким шофером (солдатом) с места расстрела евреев. Когда нагруженная людьми машина пришла к месту расстрела, обезумевшая от ужаса девочка забилась в кабину шофера. Черствая душа немецкого солдата дрогнула, он прикрыл ее незаметно от офицера плащом и вывел машину с места расстрела. Таким образом девочка спаслась и пришла в детский дом, где и рассказала мне обо всем происшедшем, трясясь и рыдая. Девочка прожила в детском доме один год, затем, при делении детского дома на мужской и женский, была переведена в женский дом под фамилией Михайловой Нины.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.40, лл.84-85. Подлинник.

**СПРАВКА БЫВШЕЙ ЗАВЕДУЮЩЕЙ
МАМАКСКИМ ДЕТСКИМ ДОМОМ М.С.
ПРУСС В КРЫМСКУЮ КОМИССИЮ по
ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ — О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТДОМА И
ЕГО ЛИКВИДАЦИИ В НОЯБРЕ 1943 Г.**

Не ранее 14 апреля 1944 г.

Я, Прусс Мария Станиславовна, бывшая заведующая Мамакским детдомом №1, даю настоящую справку Крымской комиссии по истории ВОВ в том, что дети, которые прибывали в детский дом, частично были мною подобраны с улицы, частично приходили сами, чтобы спастись от преследования немецких извергов, частично были направлены социальным обеспечением.

В детском доме находились дети граждан, расстрелянных гестапо, еврейские дети, дети расстрелянных партизан, коммунистов и других советских граждан.

Когда старшие воспитанники детдома ушли в лес к партизанам, и скот также был передан мной партизанам (по заданию Боснаева, который работал под кличкой Сорокин), в детский дом прибыл карательный отряд СД. Избив коллектив, с требованием назвать партизан и лицо, выдавшее лошадей и скот партизанам, ничего не добившись, отряд СД ушел, выгнав всех мужчин (в том числе воспитателей и бухгалтера) из Мамака. Меня сняли с работы, как не обеспечивающую постановки воспитательной работы, отдел соцобеспечения (зав. Балжи), а дети были срочно вывезены из Мамака в город и переданы в более надежные руки.

Все это произошло в ноябре месяце 1943 г.

М. Прусс

Подпись тов. Прусс М.С. заверяю.

Секретарь Облпромстрахкасса Крыма (Хаджи).

Место работы: Облпромстрахкасса Крыма.

Должность: Инспектор по детскому обслуживанию.

Домашний адрес: Горького, №3, кв. 11.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.40, л.89. Подлинник.

РАССКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА «ОКТЯБРЬ», Д. БАЙГОНЧИК КОЛАЙСКОГО РАЙОНА ^[82] ЯКОВА МЕНДЕЛЕВИЧА ЗАМАХОВСКОГО — ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОЛАЙСКОМ РАЙОНЕ.

Февраль 1945 г.

В Колайском районе проживало более 1800 евреев. Когда немцы пришли, они вначале забрали у них всех коров, овец, свиней, выгребли весь хлеб и стали выдавать им пайки. Такая жизнь продолжалась с месяц, если не больше. А вернее сказать, до самого наступления наших войск на Керчь в 1941 г. В деревне даже думали, что их, жителей-евреев, совсем не тронут.

Потом вдруг сказали:

— Поедете копать окопы на Перекоп, возьмите продукты на три дня.

Это было в середине февраля 1942 г.

Пункт сбора евреев был назначен в Майфельдской школе. К назначенному сроку явились все. Евреев выводили в сад через дорогу, за этим садом находился противотанковый ров. У этого рва все собранные были расстреляны.

В Райзо при Советской власти работал шофером один паренек. Хороший парень, красивый, аккуратный. А когда пришли немцы, он как-то сразу изменился, озверел. Он сам привязывал еврейских детей к деревьям и безжалостно убивал.

В Байгончике жила семья Гройсман. Сам Гройсман был крупный, видный, красивый мужчина. Вся семья тоже крупная, здоровая. Была у них дочь Поля. За ней многие годы ухаживал русский парнишка — сын огородника Картафалова. Поля и сын Картафалова вместе учились и к моменту прихода немцев вместе закончили девятый класс. Она считалась невестой этого паренька и даже стала жить в его семье.

С приходом немцев полицейским был назначен Иван Сидоренко. При Советской власти этот Сидоренко был отчаянным активистом — собирал взносы по обществу МОПР ^[83]. С приходом немцев он показал свою настоящую активность. Встретил этот полицейский сына Картафалова и

говорит:

— Ты что жидовку прячешь?

Тот отвечает:

— Поля моя жена.

— Брось, — говорит, — знаю я это. Ты скажи ей, чтобы она шла домой к себе.

Зная, что Картафалов не скажет Поле, Сидоренко сам зашел к ней и сказал:

— Ты что тут скрываешься. Домой иди.

Она не стала с ним долго разговаривать и собралась домой.

Когда всех расстреливали, убили и ее, а молодой Картафалов с тех пор ходит по деревне и повсюду пишет слово «Поля», «Поля». Все стены, двери, столы в доме исписаны этим словом...

Записал Р. Вуль^[84].

ГЛАРК, ф. П—156, оп.1, д.37, л.135. Подлинник.

**ИЗ СЕКРЕТНОГО ЦИРКУЛЯРА
КОМАНДУЮЩЕГО 11-Й АРМИЕЙ^[85] ЗА 2379/41
ОТ 20.11.1941 Г.**

... Положение с продовольствием на нашей Родине требует, чтобы войска обеспечивались продуктами питания из местных ресурсов и, более того, чтобы возможно большие запасы были предназначены в распоряжение Родины.

Значительная часть населения вражеских городов должна будет голодать, поэтому не следует, исходя ложного понятия о человечности, раздавать пленным и населению, поскольку они не состоят на службе в Германской армии, те продукты, которых лишена Родина.

Солдат должен понимать необходимость жестоко покарать евреев, этих духовных носителей большевистского террора, и еще в зародыше подавлять все восстания, возбудителями которых, в большинстве случаев, оказываются евреи.

Ф. П-156, оп.1, д.24, л.1. Машинописная копия^[86].

ДНЕВНИКИ.

ИЗ ДНЕВНИКА ЖИТЕЛЬНИЦЫ Г. КЕРЧИ ТАТЬЯНЫ ФИЛИППОВНЫ БОНДАРЬ — О РАСПРАВЕ С КРЫМЧАКАМИ Г. КЕРЧИ.

22 июня 1942 г.

...Какой тяжелый, ужасный день! Вы не можете себе представить, сколько в этот день пролито слез и крови, ведь сейчас забрали всех крымчаков и факт, что их расстреляют. Волосы поднимаются дыбом от всех этих кошмаров «цивилизованной расы». Люди бегут, кричат взрослые и дети. Да, ведь каждому хочется жить, ведь жизнь так коротка и дается всего один раз. А они, эти гады-победители, истребляют не только взрослых, но и ничем неповинных крошек, которые ничего не понимают. Не так обидно было бы, если бы они делали это сами своими руками. А обидно, что все это делает русский народ, все эти прихвостни, все эти продажные шкуры. Ездят по домам, насильно берут невиновных людей и расстреливают. Как можно смотреть на все это и на всех этих людей! Я не могу все это переносить, все эти издевательства, не могу себе представить, что скоро, может быть, и тебя постигнет такая участь.

Неужели мы не будем спасены? Не могу себе представить, что не увижу честного достойного русского человека на нашей родной земле, которую сейчас поганят эти паршивцы. Но, ничего, моя надежда живет, что нас освободят. Но до этого пройдет время, неизвестно сколько, а они истребляют народ, и доживем ли мы до этой радостной встречи?

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.31, л.25. Машинописная копия.

ИЗ ДНЕВНИКА СИМФЕРОПОЛЬЦА ХРИСАНФА ГАВРИЛОВИЧА ЛАШКЕВИЧА С ЛИЧНЫМИ НАБЛЮДЕНИЯМИ ЗА СОБЫТИЯМИ В СИМФЕРОПОЛЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ.

22 июня 1941 г. — 17 ноября 1943 г.

Лашкевич Х.Г., зубной врач, проживал по Фабричному спуску №6. Дневник свой писал на отдельных листах, прятал в разных местах. Дневник был отредактирован и сдан в Крымскую комиссию по истории Великой Отечественной войны. Публикуется в сокращении.

22.VI.1941 г. 13 часов.

Выступление Молотова по радио: война Германии против нас. Я давно ждал этого, я был уверен в этом, я предсказывал это год назад и предупреждал знакомых за 3-4 месяца до сегодняшнего дня, — казалось бы, я был подготовлен не только к известию о войне, но и к варварству и предательству немцев, и все-таки это известие как бы оглушило меня и наполнило ужасом. ...

Все слушавшие радио имели вид оглушенных, пришибленных. Мои близкие кинулись ко мне с расспросами, ища во мне поддержки против охватившей их тревоги. Я должен скрывать свое угнетенное состояние и старался убедить их в том, что наше правительство стоит на страже страны, но меня томило мучительное соображение: внезапность удара дает страшные преимущества нападающему, это все равно, что удар ножом в спину.

В городе паника. Не успел Молотов кончить речь, как уже образовались очереди в сберегательные кассы и за продуктами, как будто бы враг уже на подступах к Крыму. «Патриоты»-колхозники уже в два часа дня подняли цены на продукты на 100%. Везде лихорадочный обмен мнениями.

Какой-то идиот пристал ко мне с полувопросом: правительство обещало ни пяди земли не отдавать и воевать только на вражеской территории, а сколько немцы захватили уже советской земли?

В злобе я хотел его побить, но подумал, что когда пройдет первая паника, этот идиот получит способность рассуждать, ведь я сам в панике, но только умею себя сдерживать. Говорить с ним я не стал. Жалко смотреть на моих соотечественников, настолько у них растерянный вид и пришибленные фигуры. Неужели и я также выгляжу? — это было бы позором.

Уже сейчас распространяются слухи о наших победах, но никто им не верит, это ярчайший признак растерянности, страха и недоверия своему правительству. Сберегательные кассы ломаются от напора желающих взять свои деньги.

23.VI.1941 г.

Ту же растерянность наблюдаю и сегодня: говорят о непобедимости немцев, о глубокой продуманности их планов, о приукрашивании положения нашим правительством, об измене руководителей армии, о движении немцев на Москву и на Симферополь. Невежество обывателей, непонимание географических расстояний и этнографии — возмутительно до отвращения, до гадливости. Прошло почти два года поднятой немцами войны, а меня спрашивают — чей город Лондон? и — за нас ли Англия и Италия (!!!).

...Отрадно видеть, как русские соседки Мовзалевские, мать и дочь, снаряжают бойца — сына и мужа, с полным сознанием долга, со слезами, но без ропота, а ведь после него остаются трое малолеток. Уже сегодня военкоматы ломаются от массы добровольцев. Это поднимает дух населения, но растерянность и неуверенность преобладают.

Говорят чаще всего на тему: Германия договаривается с Англией, чтобы покончить войну за наш счет. Заявлению Черчилля о совместных с нами действиях просто не верят: англичане якобы обманывают нас. Полное невежество в политике.

23.VI.1941 г.

Сообщение о военных действиях скудны и даже явно подтверждают недоговоренность. Это или недомыслие или предательство цензуры, желающей посеять панику среди населения, и население верит сообщениям по радио. Например, при сообщении о взятии нами 5000 пленных, я слышу вопросы: «А почему не сообщают о наших потерях? Может быть, наших попало в плен 100000».

Колхозники «патриотически» поднимают цены на продукты. Все знают гнусную антипатриотическую жадность колхозников, и потому

появляющиеся слухи о введении нормирования продуктов подхватывают с радостью.

Говорят так: «Если колхозников не осадить, то они заморят нас, горожан, голодом. Правительство должно и обязано взять в свои руки полный контроль над производством, хранением и распределением продуктов и установить незыблемые цены». ...

24.VI.1941 г.

Везде роют щели и окопы на случай воздушных бомбардировок. Имел разговор с Н. (не знаю фамилии). Эта выжившая из ума кляча сохранила про себя дикие представления: «Если бы правительство возвратило частную собственность, тогда появился бы настоящий патриотизм»... Эта особа ничему не научилась, ничего не учла и ничего не поняла за истекшие двадцать лет. ...

13.VIII.1941 г.

В июне были «тревоги». При тревогах народ шарахался по улицам как ополоумевший. В июле тревог не было и до 13.VIII жизнь шла спокойно, но с каждым днем обыватели все больше и больше падают духом. Растет убеждение, что наши войска не в силах противостоять немцам.

Сводки говорят о боях на реке «Д», у города «Б», у высоты «М». Нежелание Информбюро посвящать нас в положение дел расценивается населением как зловещий признак наших поражений, притом поражений грандиозных.

Лучше было бы, если бы правительство откровенно сообщило нам об отступлении, это было бы воспринято нами как признак силы, не боящейся временных неудач, и население не питало бы себя нелепым страхом.

Обыватели внимательно следят за сводками и с каким-то остервенением растрavляют свои душевные раны: «Немцы продвигаются... Они берут город за городом...». Очевидно, что буквы «Д», «Б», «М» никого не вводят в заблуждение относительно настоящего положения дел. Обыватели следят за местной жизнью и делают из наблюдений свои выводы: «Семьи НКВД эвакуируются... значит, немцы скоро придут к нам».

Раньше я то спокойно, то озлобленно обрушивался на паникеров. Со всей энергией я разрушал основания их страхов. Я не уставал от этого, но я убедился, что все мои убеждения и доказательства действуют на паникера только до встречи его с другим паникером. ...

31.X.1941 г.

... Куда я задевал свои записки — ума не приложу. Не желая, чтобы кто-нибудь, не умеющий объективно рассуждать, читал мой дневник, я писал на отдельных листках и эти листки прятал, так что и сам не найду.

Горечь поражений переходит в чувство неопишемого страха. Падение Одессы, Киева, разрушение Днепровской плотины переживаются как болезненные раны собственного тела и души. Горит Сарабуз, горят нефтехранилища, наша армия отступает и сжигает запасы. ...

Наши соседи наблюдают за пожарами. Растерянное выражение лиц, приглушенные голоса, страх на лицах, в голосах, жестах и отчаяние, отчаяние, отчаяние. Я уже молчу. ...

2.XI.1941 г.

С 31.X начались пожары и взрывы за городом. Моя семья в отчаянии. В этих пожарах я вижу гибель родины, но вместе с тем и показатель ее силы: если наше командование сжигает запасы, то значит, оно не хочет сдавать их врагу, следовательно, борьба будет продолжаться.

Но, наряду с щемящей тоской, у меня крепнет надежда на возрождение армии и на конечную победу моего народа: резервы в России есть, а за Волгой есть недоступный врагу, несокрушимый Урал, десятки заводов которого дают русской армии техническую силу для победы.

Эти мысли я стараюсь внушить моей семье и моим знакомым, но и семья и знакомые не верят мне: они верят совершающимся фактам и убеждены в том, что с их личной гибелью погибнет и страна. «Немцы непобедимы», — вот всеобщее убеждение. Все думают только о том, что будут делать немцы с нами: обратят ли нас в рабство или дадут «свободную жизнь». В том, что немцы обратят нас в своих работников и даже рабов, убеждены многие, но все надеются, что при немецком рабстве можно будет хоть как-нибудь «жить».

По пути на службу я встречаю немецких мотоциклистов, автомобили. Валяются трупы убитых подростков, вышедших с ружьями стрелять немецкие танки. Бедные мальчики! Они так же, как и я, верили в победу родины, иначе они не подумали бы о том, что надо выступать с оружием в руках. ...

31.X и 1.XI, да и сегодня идет грабеж магазинов и складов. Я не имею право назвать это грабежом: население берет себе свое народное достояние, чтобы не умереть от предвиденного всеми голода. Жаль только, что власти при отступлении не давали населению брать припасы со складов: это или глупость отступающих, или предательство остающихся начальников, желающих выслужиться перед немцами. На консервном заводе «Трудовой

Октябрь» какой-то мерзавец с ружьем в руках прогонял жителей, хотевших взять себе оставшиеся запасы продуктов. Какой гнусный мерзавец, какая отвратительная гнусная сволочь: он хотел передать эти запасы нашим врагам.

К счастью, какой-то красноармеец прогнал этого негодяя и даже хотел его застрелить и объявил всем собравшимся, что они могут брать все с завода, и люди хлынули на завод и стали забирать сахар, консервы, варенье. Забирали продукты с этого завода круглые сутки, но, по рассказам, немцы успели захватить гораздо больше того, что взяло население: какие громадные запасы у нас были. ...

6.XI.41 г.

Образовалась городская управа во главе с Каневским — городским головой. Каневского я хорошо знаю, это очень глупый человек, надутый дурак. ...

Появился первый немецкий приказ о казни 50-ти человек населения, если будет убит один немец. Этот приказ увеличивает ужас. ...

На перекрестках улиц висят молодые мужчины и даже женщины, казненные немцами за «грабеж». Можно подумать, что эти люди тащили продукты, принадлежавшие немцам. Хожение по улицам ограничено 12 часами, от 6 до 18 часов.

Стало известно, что в Бахчисарае толпы татар встречали немцев хлебом и солью и благодарили за освобождение от русской власти. ... Приветствия татар переданы Гитлеру. ... Я сам видел татар-красноармейцев в форме и с ружьями у городского сада, они предлагали немцам свою «сдачу» — плен. ... Видел я и русских пленных — более ужасного, угнетающего и позорящего зрелища нельзя себе представить. Я насчитал толпу в 4000 человек — грязных, изнеможенных, растерянных. Немецкий конвой, с грубыми криками, с побоями гнал их как стадо. Несчастные шли, спотыкаясь, обращая молящие глаза на прохожих. Ах, это молящее выражение глаз! Столько тоски, столько страдания, столько мольбы было во взглядах этих несчастных, что я боюсь, что эта картина будет преследовать меня кошмаром во сне.

Получалось такое впечатление, что немцы гонят наших пленных на убой, как скотину. На лицах прохожих ясно выражено страдание, ужас и возмущение, редко из каких глаз не льются слезы. Ни одного громкого возгласа не раздается: народ молчит, подавленный страхом, и только чуть слышно бормочет. Женщины чуть слышно повторяют: «Несчастные, несчастные». Мужчины, в большинстве старики, также чуть слышно говорят: «А, сволочи! Не хотели сражаться! Теперь поняли, к кому попали в

лапы». Но эти речи сопровождаются неудержимо текущими слезами. Многие пытаются давать пленным еду и папиросы, но немецкий конвой грубыми криками и ударами отгоняет людей, приближающихся к пленным.

Перед приходом немцев муссировались слухи о том, что немцы дружески относятся к интеллигенции. Я причисляю себя к интеллигенции. Одет я прилично — в меховую шубу, лицо у меня интеллигентное, длинная борода с проседью придает мне почтенный вид, побуждающий моих сограждан всегда давать мне дорогу и уступать место в трамвае («старикам у нас почет»). И вот я, интеллигентный и прилично одетый старик, подошел к стаду пленных и протянул им кусок хлеба. Конвойный немец ожесточенно, грубо закричал на меня, обозвал глупой головой и свиньей, размахнулся наотмашь и пребольно ударил меня кулаком в грудь, а затем начал хлестать нагайкой тех пленных, которые пытались на ходу схватить упавший из моих рук на тротуар хлеб, самый хлеб он раздавил подошвой.

...

Вот плетка опустилась на голову старика, шапка сбита, лысая голова осталась неприкрытой, но старик не остановился, не поднял шапку, и с раскрытым ртом, задыхаясь, бежал вприпрыжку и смотрел в колонны пленных, где, вероятно, шел его сын.

Вот плетка хлестнула по плечу женщины, она вскрикнула, но не обернулась, а только схватилась левой рукой за ушибленное плечо и побежала дальше, расталкивая прохожих.

Вот офицер замахнулся на меня. Я закричал: «Не смейте», — с секунду помедлил и крикнул еще: «Я дворянин!» Как эта ложь выговаривалась, как она вообще подвернулась мне на язык — я не знаю. Вероятно, это было следствием разговоров о том, что немцы щадят интеллигенцию и дворян.

Я впился взглядом в лицо офицера и чувствовал, что весь дрожу от негодования. Немец смотрел на меня, выпучив глаза и подняв плетку над головой, затем с силой опустил плетку в сторону на голову какому-то подростку и, крикнув мне по-русски: «Уходите отсюда», продолжал ею размахивать.

Я продолжал стоять полный возмущения, когда кто-то потянул меня за рукав. Это был малознакомый мне старик, который изо всех сил тянул меня за собой и кричал: «Вот идет мой пленный сын. Скажите немцам, чтобы они позволили мне дать ему хлеба и денег!».

— Да ведь они меня не послушают.

— Послушают, послушают. Немцы слушают дворян, а вы дворянин!

— Что вы выдумываете, какой я дворянин?

— Вы сами сказали офицеру, что вы дворянин, я собственными ушами слышал это.

— Но это была неправда, я крикнул это нечаянно, необдуманно.

— Как вам не стыдно, вы не хотите мне помочь! — Бедный старик побежал, чтобы не выпустить из виду своего сына. Пленных много. Крымская армия, плохо обученная и не предназначавшаяся для боев, не могла долго выдерживать натиск превосходящих сил немцев с их подавляющей техникой, и с боями отступала на Керчь, Алушту и Севастополь.

Но при отступлении началось разложение армии. Главное несчастье состояло в том, что крымская армия, оборонявшая Перекоп, была составлена по принципу территориальности и была насыщена крымскими татарами. Уже больше месяца тому назад я слышал от многих лиц, что татары удирают из армии и скрываются в своих деревнях. Дезертирство татар усиливалось с каждым днем октября месяца. ...

В городе появились и русские дезертиры. Они предполагали, что своим появлением обрадуют своих родственников и знакомых, но вместо радости и поздравлений они получили негодующие упреки и без стеснения бросаемое им слово «дезертир». Старики глубоко возмущены их поведением и ругают их, а женщины и дети при упоминании о них говорят: «мой дезертир», «дезертир Ванька», «дезертир Петька». Дети кричат им вслед: «Вот пошел дезертир». Пристыженные дезертиры дают обещание бежать в леса и стать партизанами, но некоторые стараются оправдаться в глазах родственников и знакомых. На правах наблюдения событий я считаю себя обязанным привести в их оправдание, хотя мне и претит это дело, будущий историк разберется в этом вопросе лучше меня, а мне некогда, только бы успевать записывать то, что я вижу и слышу.

Вот что говорят эти «вояки»: «Мы не желали воевать за Советскую власть, которая раскулачивала нас, ссылала, держала впроголодь, заставляла работать до изнеможения и за малейший проступок отдавала под суд». Все они как сговорились, твердят одно: «За что воевать? У нас не было родины, у нас была нищенская жизнь, у нас было рабство». ...

Вывешены немецкие приказы об учреждении института старост в каждом доме. Евреи к должности старост не допускаются. ...

9.XI.41 г.

4000 человек наших несчастных пленных немцы заперли в химзаводе, не давши им на ночь света. Пленные не могли лечь на пол, который был весь мокрый и вот, чтобы определить — что это за жидкость разлита по

полу, один пленный зажег спичку. Жидкость оказалась разлившейся нефтью, нефть вспыхнула. По другой версии — в помещении находились баллоны с серной кислотой, один баллон был свален и разбился.

Как бы то ни было, результатом явилось несколько трупов и много полуобгорелых калек. Вот в чем заключается отношение немцев к русским пленным в русской земле. А ведь немцы неустанно призывают русских бойцов сдаваться, обещая «хорошую жизнь».

Звериная жестокость к пленным, злобное пренебрежение к мирным жителям, беззастенчивый грабеж продуктов и имущества и, в то же время, злобная расправа с несопротивляющимися жителями — вот в чем заключается действительное отношение немцев к русским.

Немцы ставят себя в положение господ, а русских в положение прислужников, батраков. Мы — низшая раса, нечто вроде негров в колониях. Но хуже всего положение евреев. Их даже не третируют, как нас, русских, к ним относятся как к вредным животным: немцы врываются в еврейские квартиры, грубо хватают то, что попадает под руку, без всяких объяснений, переговоров роются в шкафах, столах и, не удостаивая хозяев словом или взглядом, уходят.

Мирных евреев бьют, как бьют наших пленных бойцов. Немцы обещали взять Севастополь не позже 7.XI. Сегодня соседка Голдобина, немного понимающая по-немецки сообщает со слов немецких солдат, что Севастополь будет взят 14.XI. ...

У русских немцы пока не грабят вещи, вот только отбирают лампы и ламповые стекла, но они «просят» птицу, яйца, всякую снедь, забирают эту пищу, причем дают плату — от 3 до 5% стоимости, требуют варить им суп, жарить картофель и т.п. ...

21.XI.41 г.

Хочу написать о евреях. Вот уже пять месяцев, как я ежедневно бываю у Розенбергов. Мы подружались. С ним я без конца играю в шахматы. Я играю сильнее и часто возвращаю ему неудачные ходы, он с удовольствием пользуется моими «зевками», поэтому результаты игры у нас равные. ...

Конечно, в первую очередь рассуждаем о политике. Мои высказывания принимаются как предсказания оракула. Часто затрагивается еврейский вопрос. Мой взгляд, в общем, сводится к тому, что еврейский вопрос в государственном масштабе возникает не из этнографических причин, а чисто по политическим соображениям.

Это удовлетворяет моих слушателей. Меня в этой семье всегда встречают с нескрываемой радостью, получается впечатление, что эта

семья ищет у меня моральной поддержки, видит во мне спасение от мрачных мыслей. Они подолгу рассказывают мне о своих детях, делятся опасениями относительно немецкого нашествия. Мое присутствие вселяет в них бодрость, так без меня они в тревогах прячутся в бетонированный подвал, когда же я прихожу — они вылезают из подвала и даже при бомбежках немцами города не бегут спасаться, а совершенно спокойно остаются в комнатах.

Анна Соломоновна в этих случаях говорит: «В присутствии Александра Гавриловича я не боюсь бомбежки». Я постоянно успокаиваю их шуткой: «Анна Соломоновна! Немцы налетают на Симферополь так редко потому, что не знают, что здесь живут Розенберги и я. Вот если бы они узнали, что мы здесь живем, то уже будьте уверены, они не поскупились бы бросить на город лишнюю тысячу штук бомб. Бойтесь только того, чтобы кто-нибудь не донес немцам, что мы живем в городе Симферополе, тогда нам конец». Анна Соломоновна всегда смеется при этой шутке.

С приближением немцев в Крыму мои друзья высказывают все большую и большую тревогу. Их дочь эвакуировалась, Рувим Израилевич предполагает отвезти жену в район в горную деревню, самому же выжидать событий в городе.

Какой-то их знакомый приехал из занятого немцами Николаева и рассказывал о благожелательном отношении немцев к евреям, ему и нескольким другим евреям немцы дали автомобили и разрешили уехать за линию фронта — на сторону, занятую советскими войсками.

Другие беженцы говорят о притеснениях евреев немцами, о посылке на тяжелые физические работы, об устройстве гетто для евреев. Розенберги как будто вскользь задали мне вопрос, как, по моему мнению, будут русские относиться к евреям при науськивании немцев. Я ответил так: «Раньше, при царизме, евреи в большой массе представляли собою нетрудовой элемент: торговцев, посредников, коммивояжеров, банкиров и т.п. и являлись для трудового народа чуждым элементом. Кроме того, евреи держались обособленно от русских, избегали браков с русскими, не делились бытовыми вещами (например, у еврейской семьи русским нельзя было взять, хотя бы временно, нож, кружку, тарелку), не входили в тесное общение с русскими ни в работе, ни в быту, словом, не имели общих интересов, связывающих людей даже различных рас.

Такое положение вызывало рознь, недоверие, даже ненависть, выливавшиеся в погромы. Теперь же, при советской власти, русские и евреи работают плечом к плечу, празднуют одни и те же праздники,

знакомятся семьями, еврейские дети играют и учатся вместе с русскими детьми, смешанные русско-еврейские браки самое обычное явление, интересы русских и евреев, радость, горе — общие.

Следовательно, теперь нет стимулов к розни, к недоверию, к ненависти. Исходя из этого, следует, безусловно, исключить всякую возможность не только погромов, но и просто плохого отношения русских к евреям.

Вы сами должны были убедиться за эти годы, что русские не шовинисты. Если немцы будут преследовать евреев, то русские будут всячески облегчать участь их».

Анна Соломоновна воскликнула: «Да! Да! Мы знаем это. Мы думаем так же как и вы, Александр Гаврилович». Рувим Израилевич подтвердил, обращаясь к жене: «Вот видишь, — ведь я говорил тебе то же самое». «Да, да, говорил, говорил, и я то же самое говорила, но нас, Александр Гаврилович, беспокоит вот какой вопрос: как вы, русские, сможете помочь нам, если немцы будут преследовать и вас самих?» Я рассмеялся и ответил: «Ну, тогда, Анна Соломоновна, будем помирать уже все вместе, я обещаю вам пойти вместе с вами на смерть, в компании умирать веселей». «Нет, вы живите, и передайте детям нашим о нашей судьбе». ...

22.XI.41 г.

Я как-то рассказал Розенбергам о том случае, когда немец не ударил меня только потому, что я самозванно объявил себя дворянином. Анна Соломоновна тотчас же придралась к этому случаю: «А почему бы вам, Александр Гаврилович, и не стать дворянином? У вас такое интеллигентное лицо, что вы можете сойти и за князя».

Я со смехом поблагодарил ее за комплимент, но Анна Соломоновна оставалась серьезной: «Вот если бы найти портреты каких-нибудь высокопоставленных лиц со звездами и лентами на груди и повесить их в вашей квартире? Имейте в виду, что немцы воспитаны на чрезвычайном чинопочитании и на уважении к титулам. Такие портреты могли бы избавить вас от многих неприятностей».

Я вспомнил, что у меня есть журнал «Вокруг света» за 1904 год, где находится портрет какого-то генерала Лашкевича. Я нашел соответствующий номер журнала и принес его Розенбергам.

Анна Соломоновна обрадовалась и вырезала этот портрет совместно с портретом генерала Мейендорфа. «Первый будет ваш отец, а второй — дядя по матери. Смотрите, вы схожи с вашим отцом как две капли воды». Две капли воды были моложе, не очень похожи, причем моя капля была

даже старше капли моего отца, но я положил портреты моего «папы» и «дяди» в паспорт и ношу с собой постоянно.

Однако они меня пока не избавили от неприятностей, да и я не сумею ими воспользоваться, черт бы их драл. Не до портретов тут, когда развиваются такие события.

Второго ноября немцы вступили в Симферополь. Немецкие приказы сразу отделили евреев от другого населения: евреи не должны занимать ответственных должностей, евреи подлежат посылке на физические работы, они обязаны носить на груди большую звезду, они должны выделить из своей среды совет старейшин, с каковыми будет сноситься германское командование.

С приходом немцев евреи старались заслужить себе их расположение, как впрочем, делали и русские: говорили с ними по-немецки, предлагали им свои квартиры. Но, надо сказать, что немцы вообще не общаются с евреями, стараются даже не разговаривать с ними.

По поведению немцев можно заключить, что они не только считают евреев низшей расой, но даже приравнивают их к каким-то гадким животным. Вот что мне известно: часты мордобития евреев немцами: избит какой-то 82-летний еврей-бухгалтер за то, что в своем дворе вышел вечером без положенной звезды отпирать калитку стучавшим немцам. Розенберга немецкий офицер трепал за воротник за то, что у него тепло было в комнате, тогда как у соседки русской (или, кажется, гречанки) нечем было затопить плиту. Он кричал: «Вы, юды, все имеете, а русские не имеют даже дров. Вы просто грабили русских». Из этих слов можно заключить, что мы, русские, обрели себе защитников в лице немцев. ...

Со мною произошло вот что. Надо сказать, что я ношу длинные волосы и бороду, так как у меня нет свободного рубля для парикмахера. Семья моя уверяет, что со своими длинными волосами я похож на раввина. Седой, изможденный болезнями, бледный, шел я по узкому тротуару, навстречу мне шли два здоровенных немца-гестаповца с цепями на груди. Я, старик, сошел с тротуара, но этого им показалось мало: один из них с размаху ударил меня в грудь, так что я еле удержался на ногах.

Я в негодовании начал его упрекать по-русски: «Как не стыдно? Вы, германцы, унижаете сами себя такими действиями». Немцы что-то кричали мне по-немецки и делали угрожающие жесты в мою сторону. Я не уходил, со злобой смотрел на них и продолжал пререкаться. Эти скоты ушли. Обернувшись, я увидел двух офицеров, пересекавших улицу.

Долго я доискивался причины, почему они так обошлись со мной, и только случайное замечание в семье объяснило мне, что гестаповцы

приняли меня за еврея. Теперь я понял, что не проходи случайно через улицу два офицера, которых побоялись гестаповцы, они избили бы меня до смерти.

Кроме избиений, немцы применяют реквизиции у частных лиц. Произведен учет всех евреев города Симферополя. Оказалось евреев от четырнадцати лет — двенадцать тысяч человек. Вывешенным приказом евреям велено доставить для немцев шесть тысяч одеял. Затем это количество по следующему приказу возросло до двенадцати тысяч.

То и дело появляются приказы о доставке скатертей, полотенец, простынь, ковров, тарелок, и т.п. тысячами штук. Евреи беспрекословно и немедленно исполняют эти приказы. Кроме реквизиций по приказу происходят и реквизиции по личному почину. Немцы ходят по дворам и спрашивают: «Где здесь живут юды?». Русские жильцы обыкновенно уверяют, что «здесь евреев нет». В нашем дворе, по моему убеждению и по моему почину, взрослые жильцы внушают детям скрывать от немцев, что у нас проживают еврейские семьи. Но все-таки кто-то из соседних дворов указывает эти семьи, и немцы до сего времени навелили несчастных много раз и отбирали у них разные вещи. Часто заглядывают немцы и к Розенбергам. По моему совету Розенберги предлагали немецким офицерам одну из двух своих комнат, но никто из немцев не пожелал селиться у «юдов». При мне произошел первый случай грабежа.

Немецкий офицер вошел в квартиру с двумя солдатами, и, не поздоровавшись, не сказавши ни одного слова, как будто вошел в коровник, бросился к разложенному на столе столовому прибору, велел солдатам сорвать с кровати белое покрывало и две простыни и увязывать в них посуду.

Я был удивлен, поражен и возмущен и громко требовал, чтобы хозяин квартиры спросил — по какому праву производится этот грабеж (я так и выразился — «грабеж»), но Розенберги были пришиблены происходящим и, бледные, молча смотрели на грабеж, перебегая с места на место.

Возмущение мое достигло предела, когда офицер начал шарить в шкафах, я стал прямо перед его лицом и спросил, задыхаясь: «Имеете вы приказ?» Это была одна из немногих немецких фраз, заученных мною на днях. Офицер вынужден был заговорить, но ответил вопросом: «Вы юда?» Я сказал по-немецки, что я русский. «Имеете вы приказ? Покажите мне приказ». Ответа я не дождался, однако грабеж прекратился. Немцы ограничились захваченной посудой и ушли. Розенберги горячо благодарили меня: «Если бы Александр Гаврилович не вмешался, то немец забрал бы из шкафов нашу одежду».

Подобные грабежи у евреев — обычные случаи. Почти каждый вечер к Розенбергам являлись немцы и забирали что-либо из мелочи: духи, пудру, зеркало, лампу, ножи, вилки, простыни, скатерти и т.п. Приходили офицеры с солдатами, офицеры единолично, солдаты без офицеров. Офицеры спрашивали требующуюся вещь, а солдаты просто смотрели, что бы стянуть. Розенберги научились отстаивать свои вещи, но в каждое такое посещение что-либо у них отбиралось.

При грабежах я теперь всегда молчал, но усвоил манеру сидеть, развалившись на стуле и смотреть в упор на немцев, стараясь сохранять все время ироническую усмешку. На солдат мой вид не производил ни малейшего впечатления, но офицеры смущались, заикались и спрашивали у Анны Соломоновны: «Кто это такой?» Тогда она торопилась представить нас: «Князь Александр Гаврилович Лашкевич, профессор...». Офицер, растерявшись, называл свою фамилию. Я вставал со стула, сгонял с лица усмешку, и мы обменивались рукопожатием. Узнав, что у «юдов» есть друг-профессор, да к тому же и князь, немцы прекращали реквизицию. Я спокойно разрешал Розенбергам эту мистификацию, убедившись, что она приносит им пользу.

Анна Соломоновна говорила мне: «Александр Гаврилович, когда вы сидите, развалившись на стуле, и смотрите с такой иронией на немцев, у вас такой, простите за это слово, дьявольский вид, что если бы я не знала, что вы наш друг, то я смертельно боялась бы вас. Я сейчас же вспоминаю Мефистофеля из «Фауста». Прорепетируйте еще раз». Но в присутствии немцев репетиция у меня не удалась.

Три или четыре офицера после знакомства со мной начали даже покровительствовать Розенбергам, запрещая солдатам являться в их квартиру. Эти офицеры стали приходить к ним как «гости» и простерли свою любезность до того, что принимали приглашение на чай, но только в моем присутствии. Когда двум таким «гостям» предложили чай до моего прихода (я запоздал минут на десять), они категорически отказались, но с моим приходом придвинули стулья к столу и выпили по четыре стакана чая.

Через Анну Соломоновну, хорошо говорившую по-немецки, офицеры с удивительной наглостью спросили меня: как это я, ариец, образованный человек, к тому же дворянин, нахожусь в дружбе с «юдами»? Я ответил так: «У нас в России евреи, в отличие от западноевропейских евреев, являются не эксплуататорским или посредническим классом, но трудовым элементом, с которым не зазорно дружить, мы считаем евреев такими же людьми, как и мы сами. Что же касается частного случая со мной, то моя

дружба с Розенбергами объясняется их культурностью, джентльменностью Рувима Израилевича и обаятельностью бесед Анны Соломоновны». Такой ответ произвел на них впечатление. До сих пор они не подавали руки Розенбергам, теперь же, уходя, оба они по моему примеру поцеловали руку Анны Соломоновны, но Рувиму Израилевичу руки так и не подали, отметивши свое расположение снисходительным кивком головы.

7.XI.41 г.

Надвигается что-то ужасное. Среди населения распространяются слухи, что всех евреев немцы будут расстреливать. ...

Конечно, это вздор. Как бы ни были жестоки немцы, они не решатся на уничтожение мирного населения, хотя бы и еврейского. Как выяснили Розенберги, в Польше, давно оккупированной немцами, евреев не убивали, но создали им тяжелые условия жизни: гетто, концлагерь, физические работы, уменьшенный паек. Я предполагаю, что и в СССР будет то же самое, но с той разницей, что тогда, как в Польше население усугубляет страдания евреев своим отношением к ним, у нас русские люди, более сердечные и никогда за свою историю не проявлявшие шовинизма, будут всячески облегчать участь своих сограждан-евреев.

За истекшие пять недель русские люди явно проявили высокие гражданские качества. Продолжается в полной мере общение с евреями, никто из русских людей не прекращает с ними знакомства, русские отказываются показывать немцам квартиры «юдов», отзываясь незнанием таковых. Они спешат предупредить евреев об обходах немцев с реквизициями, берут к себе еврейские вещи на хранение, чтобы спасти их от реквизиций, хотя всем известно, что немцы запрещают населению прятать еврейские вещи.

На улицах я сплошь и рядом встречаю русских, путешествующих рядом и совместно с евреями, носящими звезду, сам ежедневно делаю то же самое. Русские дети продолжают играть с еврейскими детьми, и не было случая, чтобы взрослые это запрещали. Дети нашего двора при появлении немцев уже заранее кричат: «У нас во дворе нет «юдов». ...

Итак, я не верю, что немцы будут расстреливать евреев. Однако, ввиду упрямых слухов об этом, я думаю, что немцы сами распространяют эти слухи, чтобы услышать от русских, как они относятся к еврейскому вопросу, а на самом деле немцы готовят по отношению к евреям какие-то репрессии, вернее всего, поголовную высылку из города куда-нибудь на Украину, в концлагерь. Того же мнения держатся и Розенберги, и другие

евреи.

Розенбергам я обещал, что буду заботиться о них: узнать, куда их вышлют, пересылать им вещи и вообще делать все возможное для облегчения их участи.

Вчера, 6.XII, вывешен приказ, чтобы все евреи-крымчаки явились в указанные пункты с пропитанием на четыре дня. Среди евреев начался переполох, паника, все предполагают высылку на Украину. Евреи стали раздавать русским свои вещи на хранение. Розенберги давно предвидели этот случай и давно умоляли меня прятать к себе их вещи. Я всей душой рад был бы сделать это, но вынужден был отказывать вследствие категорического запрещения моей семьи: квартира у нас маленькая, живем мы бедно, и появление у нас более богатых вещей возбудит нежелательные толки многочисленных жильцов нашего двора. И так уже розенберговская, хотя и старая и побитая молью, шуба обратила на себя внимание. Хорошо еще, что я начал носить ее с начала октября, за месяц до прихода немцев, это не возбудило тогда подозрений. Вследствие моего отказа Розенберги начали раздавать вещи соседям — кому попало.

По моему совету они стали отбирать наиболее ценные и емкие вещи на случай принудительной эвакуации. Анна Соломоновна показала себя совершенно непрактичной: она берет с собой и лишние одеяла, и лишнее постельное белье, и даже посуду.

Я принужден собственноручно выбрасывать из готовящейся поклажи многие вещи, но зато посоветовал взять с собой побольше ниток, которые пригодятся для меня.

Крымчаки потянулись пешком и на подводах в указанные пункты. Одновременно с ними поехали согласно приказу и цыгане. Почему цыган собираются высылать, я не понимаю. Ведь они, согласно расовому распределению немцами людей, не относятся к семитическим племенам.

Цыгане прибыли толпами на подводах к зданию Талмуд-Торы, недалеко от моей квартиры. Они зачем-то высоко выставили какой-то зеленый флаг (символ магометанства) и во главе своей процессии посадили муллу. Цыгане стараются уверить немцев, что они не цыгане, некоторые выдают себя за татар, другие — за туркмен. Но протестам их не вняли и посадили их в большое здание.

Ползут зловещие слухи, что всех явившихся по приказу расстреляют. И все-таки русские люди не избегают евреев и теперь. Уже две недели я провожу у Розенбергов весь день, уходя домой только обедать и на ночь. Моя тревога растет. Слухам о предстоящем расстреле я не верю, но невольно берет оторопь от проявляемой немцами жестокости, и невольно я

задаю себе вопрос: а вдруг немцы, считая себя высшей расой, а других людей — даже не людьми, а полуживотными, доведут до логического конца свое мировоззрение и начнут истреблять и евреев, а вместе с ними и нас, русских, как вредных животных?

Что они не считают русских полноценными людьми — это они доказали и различными приказами (за одного убитого немца — расстрелять без суда и следствия пятьдесят русских), и личным бесцеремонным, нахальным и грубым отношением с нами.

Каждый день я слышу, что в учреждениях, на предприятиях, на разных работах немцы по малейшему поводу и даже без повода, по настроению, занимаются мордобоями, бьют и плетками. Бьют и офицеры, и солдаты, и начальники работ и предприятий. Они — люди, мы — животные, вывод такой: нас можно бить, и ... нас можно как животных и убивать. Но я гоню от себя такие мысли.

Предстоящая евреям высылка, при жестоком обращении немцев, грозит многим из них гибелью. Я думаю об Иосифе Альберте: что, если погибнет этот 12-ти летний мальчик, обещающий в будущем проявиться гением? С какой радостью я употребил бы все старания, чтобы спасти его. Но куда я его дену, я и сам занимаю только угол в чужой квартире.

8.XII.41 г.

Вчера, когда я писал свои записки, а семья укладывалась спать, раздались оглушительные удары прикладами в нашу дверь. Спрятав трясущимися руками свою тетрадь в наволочку подушки, я бросился к двери и крикнул: «Кто там?» Грубый голос ответил.

Думая, что наше спасение, быть может, зависит от немецкого языка, я спросил по-немецки: «Есть у вас приказ?» Голос сразу стал мягче, и немец ответил уже как бы извиняющимся тоном, что приказ есть у капитана. Я сказал: «Мы спим, но сейчас откроем дверь». За дверью произошел какой-то разговор, и тяжелые шаги удалились.

Бросаясь к двери, я крикнул семье: «Немедленно укрывайтесь и спите». Теперь же, предполагая, что немцы пришли с облавой на партизан, что они уже делали в других дворах, и боясь, что нас заберут как заложников, а может быть, и погонят на казнь, я велел семье одеваться потеплее и захватить с собой деньги: может быть, мы ночью как-нибудь удерем.

Во дворе всех жителей построили в две шеренги. Я попытался еще говорить по-немецки, но бывший с немцем переводчик-немец, знакомый мне по психбольнице, оборвал меня: «Вы много разговариваете. Зачем вы

требуете какой-то приказ? Не видите разве, что это военный отряд. Господа офицеры действуют по данной им инструкции».

От господ офицеров несло сильным запахом коньяка. Нас долго устанавливали и несколько раз пересчитывали. Я стал рядом с Сережей, рассчитывая, что в случае отбора немцами по счету на расстрел, если счет упадет на Сережу, я толкну его назад и выступлю вместо него, или заслону его собой от выстрела, или подтолкну его к бегству, или, наконец, окажу ему моральную поддержку. Сережа, напротив того, старался, чтобы члены нашей семьи были разобщены, в надежде, что, авось, счет по выбору не упадет на нас.

Наконец нас установили. ... Затем немцы объявили нам через переводчика, что в городе убит партизанами один немец. ... Нам было объявлено, что за укрывательство не прописанных лиц нас могут казнить. Затем, в каждую квартиру заходили по два немца с обыском, а потом нас выпустили по домам.

Мне известно, что многих жителей, особенно на окраинах, после таких облав немцы забирали, — мужчин, женщин, детей, стариков, эти люди бесследно исчезали, т.е. их казнили. Мы живем в постоянном страхе, беспомощные, вне всяких законов, приравненные к животным. Жизнь наша зависит от прихоти немцев.

... 9.XII.41 г. ^[87] был объявлен приказ собраться остальным евреям с припасами на четыре дня. К Розенбергам приказ пришел при мне. И Розенберги, и я были потрясены. При Анне Соломоновне мы старались быть спокойными, обсуждали этот приказ как обыкновенное военное мероприятие. Но когда она вышла в коридор, я в порыве сострадания обнял Рувима Израилевича, он кинулся в мои объятия, и мы крепко расцеловались, не произнеся ни слова.

Едва Анна Соломоновна вошла в комнату, мы начали спокойно обсуждать положение. Рувим Израилевич проявил мужество и стойкость. Он очень нежно относился к жене, успокаивал ее страхи, серьезно разрабатывал планы — как я буду следить за их высылкой, оба они давали мне поручения, смысл которых не укладывался тогда в моем сознании. Не так вели себя их соседи — они постоянно прибегали к Розенбергам, прося у них поддержки и помощи на время предстоящей эвакуации.

Настал последний день, 10.XII. В два часа дня я провожал своих друзей. В их квартире собрались какие-то женщины, которым Анна Соломоновна раздавала вещи на хранение и в подарок. С тремя громадными тяжелыми узлами мы двинулись к указанному в приказе

пункту, бывшему Дворцу труда.

Шли пешком человек десять евреев со звездами, я и какая-то русская женщина. Анна Соломоновна настолько ослабела, что не могла нести свой узел, и Рувим Израилевич взвалил его себе на свободное плечо. Я нес чемодан. Встречные русские женщины плакали, причитали, обнимали и целовали Анну Соломоновну и говорили: «Дай Бог вам остаться живыми». Я думал, что это знакомые Розенбергам люди, но Анна Соломоновна сказала мне, что она их не знает. Только русские люди могут так тепло выражать свое сочувствие чужим и даже незнакомым людям. Таких сочувствовавших, причитавших, целовавших и обнимавших нас (в том числе и меня, чему я не противился) попадалось на пути все больше. Некоторые даже крестили нашу группу.

И только теперь, видя слезы встречающих и слыша их благословения, я прозрел. Я понял, что провожаю своих друзей не в дорогу для эвакуации, а, может быть, на смерть. Может быть! Но как узнать это наверное? И вот я сделал то, за что упрекаю себя, как только вспоминаю события тех дней: я не довел Рувима Израилевича и Анну Соломоновну до места назначения. Я распрощался с ними на Советской улице, объяснив, что я пойду хлопотать о них перед германскими властями. Они не протестовали, может быть, даже и обрадовались. Мы обнялись, и я побежал с кошелкой в руках в комендатуру. Чемодан взял мальчик-армянин — сосед, который проводил их до самого места назначения.

В комендатуру меня не пускали. Я спорил, кричал. Наконец, меня пропустили. «Для чего собирают евреев? Что будут делать с ними?» — спрашивал я. Переводчик в немецкой форме спросил меня: «Кто вы такой?» Несмотря на волнение, я сообразил, что должен придать себе значение и ответил, что я русский дворянин, профессор. «Какое Вам дело до евреев?» Я выкрикнул: «Среди них мои друзья, Розенберги. Я предлагаю за них поручительство — прошу отпустить их со мной». И я добавил: «Ходят слухи, что евреев будут уничтожать, я не могу этому верить. Я не верю тому, что культурные германцы уничтожают невинных людей, прошу опровергнуть этот навет на германскую нацию».

Пока я объяснялся с переводчиком, сам комендант рассматривал мой паспорт и вложенный в него портрет генерала Лашкевича с кучей орденов через всю грудь и вдруг спросил меня по-русски: «Кто это такой?». «Мой отец», — ответил я по-немецки.

После этого мне предложили сесть, обращались вежливо, заверили, что уничтожать евреев не будут, только выплут их как вредных людей и виновников войны, пояснили, что со своей просьбой я должен обратиться к

военным властям, что комендатура помочь мне не в состоянии, однако обещает мне свое содействие. Фамилию Розенбергов записали, обещали облегчить их участь, переводчик проводил меня до выхода, на самый тротуар, называя меня «Ваше сиятельство». А вид-то у меня был совсем не сиятельный, да еще с этой проклятой кошелкой, как я не догадался ее бросить по дороге! Дома я не говорил о своих хлопотах, так как это повергло бы всю семью в ужас.

12.XII.41 г.

11-XII я нашел мальчика-армянина, провожавшего за обещанную плату Розенбергов до самого места назначения. Несмотря на все мои просьбы и убеждения, меня не пропустили вовнутрь этого здания. Я обращался ко всем входившим и выходившим из здания немцам, просил, требовал, но от всех получал отказ. Несколько часов я ходил перед зданием.

...

На следующий день, 12-го, я пришел к зданию с заготовленной запиской такого содержания: «3-й этаж, 4-я комната направо, Розенбергу. Рувим Израилевич! Я второй день пытаюсь войти к вам, но меня не пускают. Я буду следить за вами и узнаю, куда вас вышлют. Немцы не уничтожают евреев. По месту вашей высылки я буду заботиться о вас».

В этот день я так же настойчиво пытался пройти в здание, но так же неудачно. Громадный немец то и дело прогонял от здания русских мужчин и женщин, собиравшихся большими толпами. Я обратил внимание на то, что здесь были исключительно русские.

Они приходили с вещами и едой для заключенных, вещи немцы принимали. Несколько человек русских просили, чтобы им выдали из заключения еврейских детей, таким отказывали в просьбе. «Зачем им дети?», — недоумевали просящие. «Ну, взрослых евреев вышлют, посадят в лагеря, а детей зачем высылать. Чем дети мешают?» Некоторые пришли с готовыми заявлениями, некоторые тут же на улице механической ручкой писали просьбы о выдаче им еврейских детей. Просящие обыкновенно добавляли в своих прошениях, что они готовы усыновить выданных им детей и крестить их. Одна пожилая, но крепкая еще чета просила «господина начальника» дать им мальчика по выбору самого «господина начальника», так как они бездетные. Другие просили дать им знакомых им детей. В разговорах слышалось общее сочувствие евреям, были слезы....

Опоздавшие явиться в срок еврейки и евреи входили в здание. С такими входящими ожидавшие на улице люди передавали записки, узелки, поручения на словах. С одной такой еврейкой я передал мою записку. ...

После несколько часов бесплодных попыток добиться чего-либо я отошел в сторону присесть и отдохнуть. Тут меня встретила свояченица Богданова А.И. с необыкновенной красивой девушкой: овальное лицо, громадные удлиненные темно-голубые глаза, прямые брови, прямой нос, средней величины чистый лоб, нежные щеки и уши, слегка припухшие губы и прелестные зубы. Я долго любовался ею. Звали ее Миррой. Она должна была также отправиться в заключение со своей матерью. Я горячо уговаривал ее скрыться куда-нибудь. У нее был русский паспорт, были знакомые в отдаленной части города. Я советовал ей спешно найти русского мужа и за его фамилией скрыться от преследований.

«Женитесь вы на мне», — сказала она. «Детка моя! Я с радостью пошел бы на это, но у меня нет отдельной квартиры, нет средств для найма такой квартиры». ...

... Только много месяцев спустя я сообразил, как можно было найти выход из этого положения: у этой Мирры были, конечно, средства для того, чтобы найти квартиру и прожить со мной некоторое время. Но врожденный и воспитанный во мне принцип — никогда не пользоваться чужими деньгами, помешал мне даже помыслить о таком выходе. А жаль! Только несколько позже я понял, что бывают времена, когда некоторые принципы являются не только лишними, но и вредными. Ну что мне стоило сказать этой Мирре: «Голубушка! Заберите с собой ценности, какие имеете, для себя и для меня, пойдемте к священнику (есть такие, которые из сострадания к вам повенчают нас), повенчаемся, вы примите мою фамилию и мы переселимся куда-нибудь жить на ваши средства, пока я не устроюсь и не обеспечу нас обоих». Жить с ней как с женой я, конечно и в мыслях не имел бы, но спасти ее я был обязан. Погибла бедная девочка...

В эти жуткие дни я видел русских мужей, оплакивавших своих жен-евреек, видел русских жен, оплакивавших своих мужей-евреев, видел я и посторонних людей, которые, подобно мне, часами торчали у здания, выпрашивая у немцев как милостыни разрешения увидеться с заключенными или передать им вещи или еду.

Я слышал вздохи, сожаления, выражения печали и сочувствия к евреям, но не слышал ни одного вслух высказанного протеста, ни одной угрозы, ни одного ругательства по адресу немцев — настолько был силен страх перед немцами. ...

13.XII.41 г.

Я так безрезультатно проторчал у места заключения несколько часов. Некоторым людям удавалось видеть своих знакомых евреев в окна здания и

обмениваться с ними знаками, даже словами, но я, к сожалению, не видел Розенбергов. Среди собравшихся шли разговоры о судьбе евреев. Все предположения сводились к одному: немцы отвезут евреев на Украину в концентрационные лагеря и заставят их работать физически. Никто не придавал значения появившимся слухам о предстоящем истреблении евреев немцами. ...

Опоздавшие с явкой евреи и в этот день шли в заключение.

14.XII.41 г.

14.XII я опять пошел к Дворцу труда. В этот день я решил не отлучаться от места заключения весь день, чтобы не прозевать отправки евреев из города. Когда я проходил Совнаркомовским переулком, мимо меня с шумом, с необычайной быстротой промчались несколько громадных длинных грузовиков, закрытых со всех сторон. Из грузовиков неслись дикие женские крики. В последнем грузовике задние занавески были сорваны, мелькали какие-то лица и множество размахивавших рук. Из грузовика неслся неразборчивый вопль. И вдруг в прорез этого вопля я услышал женский крик: «Александр Гаврилович!» Я окаменел. Вот когда я впервые в своей жизни испытал, что значит это литературное выражение — «окаменеть». Мыслей у меня не было никаких. Я только смотрел и видел пятна белых лиц в темноте черного грузовика. Грузовик домчался до перекрестка с Салгирной улицей и внезапно остановился. Осознание положения еще не проникло в мой мозг. Я хотел рвануться к грузовику, но ноги мои не двигались, как приросшие к месту.

Раздался еще крик: «Леночка!» и грузовик ринулся налево и мгновенно исчез из вида. Как во сне, бессознательно я начал передвигать ноги и тут только заметил, что пальцы мои скручивают папиросу. Несколько очнулся я у порога комендатуры.

Я осознал, что разговариваю с переводчиком. Как будто со стороны услышал собственный голос: «Меня уверяли, что евреев не будут уничтожать. Я хочу видеть коменданта». Переводчик ответил: «Комендант вас не примет. Уходите».

Переводчик ушел. Я чувствовал себя, как просыпающийся от тяжелого сна, и обратился к часовому: «Меня уверили, что немцы евреев не будут уничтожать». Часовой повернулся ко мне спиной. Я постоял, тупо воспроизводя крик из грузовика: «Александр Гаврилович!» — и пошел вниз по улице.

Наконец я сумел закурить скрученную папиросу и пришел в себя. Я начал рассуждать. Вероятно, из грузовика мне кричала Анна Соломоновна,

ее крик «Леночка!» обозначал, что я должен сообщить ее дочери о судьбе матери. В этот день я не сомневался, что евреев в автомобилях увозили на казнь. Итак, фашизм довел свое учение до логического конца: только избранная немецкая нация достойна жить, а люди других наций должны быть истреблены. ...

Я начал собирать справки, расспрашивать. Мне передавали, что шоферы, возившие в автомобилях евреев, рассказывают жуткие подробности их казни. ...

Мне передавали такие подробности: евреев мужчин отвозили на казнь отдельно от женщин и детей, всех казнимых немцы раздевали, оставляя их в одних только рубашках. ...

Мне рассказывали, что крестьяне слышали выстрелы при расстрелах, слышали крики евреев, что они видели засыпанные окопы, в которых похоронены евреи. И все-таки я не верил: это были передачи от третьих лиц, но не рассказы самих очевидцев. В таких сомнениях прошло две недели.

26.XII.41 г.

В течение этих двух недель я слышал толки о том, что некоторые евреи не пошли на регистрацию и попрятались, а немцы их вылавливали. Так, я слышал, что инженер Кругликов прятался у своих знакомых до 23.XII, но, возвратившись на квартиру своей сестры, где у него были тайники ~ шкафы или сундуки, был захвачен немцами.

Встретился я в это время с доктором Языджи Татьяной Давидовной (караимка), она рассказала, что у нее во дворе на чердаке прячется еврейка, которую Языджи кормит по ночам, у этой еврейки есть паспорт, который надо только подправить, переделать национальность и имя. Эта женщина думает с кое-каким золотом уехать в район и выдавать себя за русскую.

Я принимал участие в подделке паспорта. Паспорт был готов, женщина перешла жить с чердака на какую-то квартиру, но прожила там недолго и сама явилась в полицию. Нервы ли ее не выдержали, или она надеялась спастись с помощью полиции, — не знаю, но она предала саму себя и, кстати, выдала Языджи как соучастницу. Немцы таскали Языджи в гестапо. ...

Прятавшиеся евреи вылавливались на чердаках, в подвалах, в окопах, в щелях. Значит, находились люди, которые помогали евреям скрываться в своих дворовых тайниках, но находились, очевидно, и специальные ищейки, которые, случайно заметив такого прячущегося, доносили о нем. Под воздействием таких фактов я перестал сомневаться: итак, немцы —

истребители чуждых им наций! ...

7.I.42 г.

12 часов ночи. Сильный стук в дверь и безапелляционный приказ: «Немедленно освобождайте квартиру». Нам нечего было расспрашивать, в чем дело, — мы знали, что наши завоеватели не терпят не только возражений, но и расспросов. Насильственная очистка квартир от жильцов в течение одного-двух часов давно практиковалась немцами. Знали мы также и то, что не имеем права брать с собой из квартиры «лишнего» имущества, которое поступало в полное распоряжение немцев.

Сборы были недолги, мы оделись, собрали постели и приготовились уходить. В час ночи нам милостиво разрешили: «Можете оставаться на месте». Немцы заняли только три первых квартиры нашего двора, выкинувши из них в час ночи три семьи с детьми, с больными, со стариками.

Таким же образом были очищены от жильцов Пушкинская улица, часть Кантарной и другие. ...

В конце 1941 года^[88] немцы заполнили здание Пединститута, занятое под гестапо, заключенными. Были там и выловленные евреи, и пойманные «грабители» (грабеж, конечно, по понятиям немцев) и преданные доносами партийцы.

Но, несмотря на весь ужас положения, угнетенное население находило в себе мужество укрывать и спасать обреченных на смерть. ...

Так, священник Кладбищенской церкви и священник другой церкви, находящейся на улице Розы Люксембург, крестили несколько евреек, которые как христианки на некоторое время спаслись от угрожавшей им смерти. Эти и другие священники крестили много еврейских детей, которых приютили у себя соседи и русские родственники погибших евреев.

...

Некоторых знаю и я. Упомянутые священники пострадали за свое человеколюбие. Оба были посажены немцами в тюрьму и просидели в ней по несколько месяцев. Мы ожидали их расстрела, но немцы все-таки выпустили их. В течение этого года я встречал и встречаю и теперь евреев: значит кто-то, рискуя своей жизнью, спасает своих ближних. Есть же счастливые люди, которые могут это делать. Такими соотечественниками можно гордиться.

О звериной жестокости немцев ходит много рассказов. Были такие семьи, в которых мужья-евреи эвакуировались, а жены-русские остались с детьми полуевреями. Таких детей немцы выискивали и увозили в гестапо.

Матерям немцы разрешали жить дальше, но, как общее правило, матери следовали за детьми, не желая жить без них, подвергаясь казням вместе с детьми.

Называли мне и мужей-русских, погибавших со своими детьми от жен-евреек. По некоторым причинам я не могу теперь обосновать свои воспоминания именами, но будущий исследователь восполнит этот пробел.

Профессор Балабан был пощажен, как крещенный до революции еврей, имеющий жену бывшую княжну. В конце декабря 1941 года он высказал мне свое опасение насчет своей собственной судьбы. Я тотчас вынул свой паспорт и дал ему: «Возьмите и бегите с ним, приклейте только вместо моей свою карточку».

Он разговаривал со мною, держа в руках мой паспорт: «А как же вы будете без паспорта?». «Я подожду месяц-два после вашего отъезда, и когда немцы придерутся ко мне, объявлю, что паспорт утерян. Самое большое, что они могут сделать, это оштрафовать меня, да и то, едва ли успеют, так как возвращение наших войск не за горами». «Так вы верите в поражение немцев?» «Я убежден в этом». «А я не верю. За услугу спасибо, но воспользоваться ею не могу».

Он, вероятно, был так уверен в своей застрахованности на том основании, что он как доктор был необходим немцам и что его жена русская (или грузинка), княжна, будучи переводчицей, имела у немцев влияние. В апреле 1942 года немцы забрали Балабана. Жена не пожелала расстаться с мужем. Говорят, что чета Балабан садилась в ожидавший их автомобиль в веселом, как бы повышенном настроении, как будто после приема вина или эфира. В квартире до последней минуты играл патефон. Оба они почувствовали себя дурно, стоя перед следовательским столом в гестапо: это была смерть. ...

Аналогичный случай был и с доктором евреем Мириновым, погибшим тогда же, жена разделила его участь. Так же не пожелала отстать от мужа и русская жена еврея доктора Штейнгольца. О, русские матери и жены! Вы поддерживали честь русского имени. Но есть и теневые стороны моих соотечественников. Кто доносит немцам на скрывающихся евреев? Кто предает немцам партийцев? К какому племени относятся эти гнусные полулюди-полуживотные?

Я думаю квалифицировать их как интернациональное племя предателей, являющихся противоестественными вырожденками человечества. Каждое человеческое племя с отвращением и с брезгливостью будет отмежевываться от родства с этими полуживотными. ...

8.I.42 г. (сохранившийся лист дневника).

... С 27 декабря получаем ежедневно по 200 грамм хлеба, приготовленного из облитого керосином зерна, от такого хлеба нас тошнит, сватья и свояченица ругаются. Сережа совершенно справедливо благодарит наши войска за то, что они при своем уходе пообливали зерно керосином: такое испакощенное зерно немцы не будут употреблять себе на еду и отдают нам, а если бы зерно не было обрито керосином, то немцы не дали бы его нам, и мы остались бы совсем без хлеба.

После двухнедельных жестоких морозов с 6-го января наступила оттепель. Немцы объявили награду в 10 тысяч рублей за поимку предводителя партизан Мокроусова. Маловато. Для того, чтобы население охотнее боролось с партизанами, немцы внушают нам через газету «Голос Крыма», что мы сидим без припасов потому, что все припасы захватили с собой в леса партизаны, и что если мы поможем немцам уничтожить партизан, все эти запасы пойдут населению, а запасов этих так много, что их хватит на несколько месяцев. Но никто уже не верит, что немцы такие добрые, что могут отдать нам то, что попадет в их руки.

Наши самолеты летают и бомбят, но бомбы по большей части не разрываются. Недалеко от нашего двора упала неразорвавшаяся бомба. Жители, у которых начинает проявляться патриотизм, скрипят зубами от негодования. Они говорят: «Лучше эта бомба разорвалась и нас поубивала бы, чем нам наблюдать такой позор: неразорвавшиеся бомбы означают, что у нашей армии оружие не годится ни к черту».

Действительно, позор: уже десятки неразорвавшихся бомб упали на город.

В декабре-январе немцы вылавливали скрывавшихся евреев сотнями. В декабре, когда уничтожались евреи, немцы не трогали евреек, находившихся в замужестве с русскими мужьями. Но на днях (дней пять назад) последовал приказ: всем таким еврейкам явиться с вещами в гестапо. Это значит — на казнь. Ходят слухи, что расстреляны те священники, которые крестили евреек и пытались этим спасти их. Теперь очередь за крестившимися. Воображаю чувства людей, которым приказано «явиться»! Спрятаться негде: после фактов вылавливания прятавшихся евреев нельзя больше найти людей, способных на самопожертвование, без надежды принести этим самопожертвованием пользу. Едва ли найдется кто-нибудь настолько благородный, чтобы под страхом собственной казни стал прятать обреченных евреев. Но кто знает, может быть и есть такие люди. Я, безусловно, сделал бы это, если бы у меня были возможности, т. е. место, где прятать этих несчастных. Обреченным бежать некуда: согласно

немецким приказам, всякий приютивший у себя какого-либо человека без прописки, будет наказан вплоть до расстрела. Кто рискнет принять к себе постороннего под угрозой собственного расстрела?

Из татар составляются войска для борьбы с Красной Армией и с партизанами. Вояки из татар выйдут, конечно, паршивые. ...

Сережа принес сногшибательную новость, имеющую почтенную давность. Какой-то шофер, прибывший из Феодосии, рассказал, что в ночь на 1 января с.г. немцы встречали новый год с елками, танцами с патефоном и ровно в 12 часов ночи в честь нового года, палили из ружей, из револьверов и горланили песни. Поднятый ими шум и гам прекрасно замаскировал выстрелы высадившегося русского десанта, который застал врасплох уверенных в своей безопасности немцев. Наши войска легко завладели городом. О сопротивлении немцы не думали. Многие были убиты на месте, но были и спасшиеся, которые без пиджаков и без оружия бежали пешком или на наспех захваченных автомашинах.

Лечившиеся от ран в лазаретах немцы бежали в одном белье и босые. Теперь я вспоминаю, что слышал уже рассказы о том, что некоторые наши жители видели внезапно возвратившихся и иногда полураздетых немцев, которые рассказывали, что они бежали от русских, захвативших Феодосию. Но, одурманенные немецкими реляциями о совершенной небоеспособности разгромленной Красной Армии, обыватели думали, что события в Феодосии — дело партизан и большого значения не имеют. ...

На базаре есть продукты питания. Колхозники денег не берут, подавая им носильные вещи. У вozов торгуются: за хорошие брюки колхозники дают полпуда зерна. Жиры недосыгаемы. Еще в декабре 41 года я продал валенки с галошами за два пуда муки. По базару ходят немецкие офицеры и солдаты. Жиры и мука их не соблазняют, этим они снабжаются, очевидно, исправно. Скупают они по преимуществу женские безделушки, золотые кольца, серьги, шелк, перчатки. Немецкие солдаты продают часы, вероятно, снятые с убитых евреев.

Я купил часы «Сима», или как говорят барышники, «Сума» за 1010 р. Покупая и перепродавая вещи, я немного заработал, но недостаточно для оборота с жирами. Так я купил портфель. Продавец осторожно, с оглядкой, уведя меня подальше от немцев, показал хороший портфель. Он бы хотел показать его немцам для продажи и боялся, что они просто отнимут его, и без спору отдал мне его за 200 рублей, советуя перепродать немцам: «Это вам можно сделать, вы человек интеллигентный», — говорил продавец. Меня немцы уже били, несмотря на интеллигентный вид, но я решил рискнуть. Я предложил портфель немцам. Портфель им очень понравился,

но они заинтересовались вопросом — как он ко мне попал, не украл ли я его? Это меня так возмутило, что я, забывшись, закричал: «Как вы смеете высказывать такие подозрения?» Немцы заулыбались и приятельски похлопали меня по плечу, их рассмешила попытка завоеванного, беспомощного и беззащитного старика поддержать свое достоинство перед стоящими выше законов завоевателями. За портфель дали 500 рублей, масла на это не купишь, но если я буду так оборачиваться и дальше, то, может быть, сумею как-нибудь прожить до прихода наших войск. ...

Без числа. Февраль 1942 г.

В декабре 1941 г. объявили о регистрации на бирже всех мужчин и женщин до 55-летнего возраста. Без отметки на бирже население не могло получать свою норму хлеба 200 грамм в день. Приказ грозил уклоняющимся от явки на биржу наказанием по военному времени. Биржа труда, где распоряжались немцы, рассылала людей на физические работы, игнорируя специализацию и совершенно не считаясь с желанием рабочих, посылали рыть землю (окопы) в городе, за городом, в районы Крыма, за пределы Крыма, на Украину, и в Донбасс. Я, конечно, заранее предвидел такое положение, и семья моя была весьма озабочена участием Сережи. Старые его сослуживцы устроили его кладовщиком в МТС, за городом, в северо-восточной части. Еще затемно Сережа ежедневно ходит на службу, а к 4-м часам дня мы уже с тревогой смотрим на часы, придет ли он вовремя, или не вернется совсем?

В это время можно ожидать всего, могут арестовать патрули, могут его просто убить на дороге, а то могут взять прямо с работы и послать в неизвестном направлении. ...

14.V.1942 г.

Идет кампания набора рабочей силы в Германию. Всюду вывешены плакаты, восхваляющие культурность, красоту и богатство Германии. Биржи труда усиленно вербуют молодежь, совсем зеленых мальчиков и девочек.

Немец насмешливо треплет по плечу или по щеке подростка и приказывает: «Записать в число добровольцев на работы». Готово! Ребенок записан, оформлен, у него отнят его документ, без которого он никуда не скроется, дальнейший отказ его вызовет крики, угрозы, наказания, обвинения в большевизме, арест и его и семьи, обыски. Никакие протесты не помогают, если на биржу явится мать «рабочего добровольца» с протестом или просьбой освободить от этой кабалы, то ее вышвыривают. ...

Затем в «Голосе Крыма» появляется статья о радости наших детей, едущих в Германию, о счастье работать на наших спасителей, о культурной и радостной жизни Германии, где нет стахановщины, где немцы так хорошо относятся к русским рабочим.

Но были случаи и действительно добровольной записи на работу в Германию. ...

Семья такого добровольца сразу попадает под покровительство немцев, даже получает льготы по снабжению продуктами. ...

21.VII.1942 г.

Кошмарный ужас, который я переживаю, не поддается описанию, обессиливает меня. Но все равно я должен писать: это мой тяжкий неизбежный крест. Не победы немцев на фронте занимают меня, не наши поражения, даже не судьбы народов, а нечто, на взгляд уравновешенного и беспристрастного наблюдателя, может быть, являющееся незначительным эпизодом развивающихся событий.

Несколько дней назад, когда именно, я не могу установить из-за пережитого потрясения, я шел домой и на Студенческой улице увидел группу людей. Один немец и один татарин, с ружьями за спиной, гнали в гестапо старуху с ребенком на руках. Женщина русская, лет пятидесяти, полная, простоволосая, в сером платье, в стоптанных комнатных туфлях, очевидно, захваченная как была. Лицо ее было мокро от слез, глаза закатывались под лоб, она непрерывно всхлипывала и что-то пыталась говорить на ходу. Наконец, у нее вырвался вопль: «Не отдам!» Проходя по мостовой мимо меня, она вторично крикнула высоким воплем: «Не отдам!» Прелестная девочка лет 4-х была у нее на руках и ручонками крепко обнимала шею женщины. Испуганное и тоже мокрое от слез личико смотрело из-за плеча женщины на шедшего за ними мужчину. Это был еще крепкий старик лет шестидесяти, но до того расстроенный, что у него тряслись руки, ноги спотыкались, палка в руках тыкалась в разные стороны, и он следил больше за тем, чтобы не упасть, чем за шедшими вперед людьми. Он торопился из-за всех сил, чтобы не отстать и только изредка поднимал глаза на девочку. Лицо его выражало такое отчаяние, что жутко было смотреть на него.

Конвойные не обращали на него никакого внимания, но на меня было обращено благосклонное внимание — татарин крикнул мне: «Уходи, уходи!» и схватился за висевшее за спиной ружье. Но они так спешили, что татарин не снял ружье, и вся группа почти бегом промчалась мимо меня.

Я был не особенно поражен виденным. Мало ли я наблюдал зверств и

горя за это время. Следуя за ними, я наткнулся на женщин из нашего двора. Они стояли по двое, обнявшись, что меня очень удивило, потому что женщины нашего двора постоянно грызутся между собой как собаки. Все они плакали и смотрели на подконвойных. «В чем дело?» — спросил я. «Это немцы потащили еврейского ребенка на казнь. А с ним идут бабушка и бабушка — не хотят его отдавать. Да как не отдашь? Все равно заберут силой». Я был расстроен. Подумать только! Только расстроен! До чего же огрубели наши чувства, что даже такой чувствительный человек, как я, только расстраивается от зрелища казни немцами русских (полуеврейских) детей.

Издали опять послышался как будто насильно прорвавшийся вопль женщины: «Не отдам!»

Я вернулся домой, погруженный в размышления по поводу падения Севастополя. Только военные события владели моим вниманием, ничем другим я не интересовался. Но сегодня соседка Хомянина начала рассказывать об уничтожении немцами русских-полуеврейских детей. Татары приходят в квартиры, очевидно, имея на руках точные приказы, безошибочно указывают на полуеврейского ребенка и требуют его выдачи. Тут происходят душераздирающие сцены. Русские матери и бабушки с бабушками прикрывают детей и с воплями заявляют, что они не отдадут их. В ход пускается сила.

Несчастные старики, не в силах сопротивляться, сами несут в гестапо своих внучат, надеясь вымолить у гестаповцев жизнь внучонка. Что происходит в гестапо, какие сцены ужаса, отчаяния и безнадежности разыгрываются там — нам неизвестно. Я думаю, что во всем мире нашелся бы только один человек, который способен описать их — это Достоевский, если бы он жил в наше время. Дедушек и бабушек немцы выгоняют, а ребенка уничтожают посредством отравы. Но всех ли дедушек и бабушек немцы выгоняют? Сомневаюсь. Уверен, что многие старики не выносят сцены расставания и погибают от разрыва сердца или сходят с ума. Разве можно безнаказанно для своей жизни переносить такой ужас? Но трупов из гестапо не выдают, а сумасшедших, конечно, тут же уничтожают.

Хомянина рассказывает детали одного услышанного ею случая. Дело заключается в том, что немцы раздевают обреченных детей — не пропадать же одежде и обуви. Эту одежду и обувь уничтоженных русских детей будут носить немецкие дети в Германии, будут радоваться обновкам, присланным их отцами из варварской России.

Маленькую девочку немецкий офицер посадил на стул и начал раздевать ее. Снял платице, рубашечку и туфельки. Девочка подчинялась

всему и, не понимая, к чему ведет эта процедура, спросила немца: «Дядя, а чулочки тоже снимать?» Немец, подготовлявший уничтожение ребенка и бывший, вероятно, в напряженнейшем состоянии, не выдержал вопроса ребенка и тут же сошел с ума.

Я верю этому. Несмотря на мою ненависть к немцам, несмотря на мои убеждения в зверином уровне немецкой морали, я верю в то, что среди немцев находятся единичные, очень редкие личности, еще не потерявшие духовного содержания человека. Да и как тут не сойти с ума?

Да, до конца жизни я буду помнить рассказ о чулочках.

27.VII.1942 г.

Кругликов — техник-мелиоратор, еврей, его жена русская, дети маленькие — мальчик и девочка — полуарийцы. Сам Кругликов Аркадий Юрьевич, как еврей, подлежал уничтожению. Жена его, как арийка, «имела право на жизнь», а о детях смешанной крови определенного постановления еще не было. Кругликов не явился на регистрацию евреев на сборный пункт 10.XII.41 г. Он прятался. А семья его жила в квартире его расстрелянной сестры, еврейки Файбисович с Крымской улицы. Кругликов прятался в платяном шкафу, на чердаке, под кроватями, уходил к своим русским знакомым, где проживал по несколько дней, не высывая носа из комнат, чтобы не попасть на глаза соседям.

Знакомые держали его у себя непрописанным по несколько суток, но надолго оставлять при себе не решались, так как за укрывательство посторонних лиц без прописки рисковали сами быть казненными. Русские приятели подделали Кругликову паспорт, обозначив его национальность как русскую.

Но беда Кругликова заключалась в том, что он имел ярко выраженный еврейский тип, сразу выдававший его «неарийское» происхождение, и никто не решался на риск — прописать его жильцом в своей квартире.

Однако, никто из знакомых, конечно, не мог и выдать его немцам. Бояться надо было посторонних, не связанных с Кругликовым знакомством лиц. Вот почему Кругликов прятался целыми днями в комнатах, не показываясь не только на улицу, но и во двор. В этих прятках прошло две недели.

Немцы искали Кругликова на его квартире, но безрезультатно. Однако к 23.XII.41 г. Кругликов был пойман и, конечно, казнен. Нет, не казнен! — этот термин не применим в данном случае, так как казнь применяется в наказание за преступление, а Кругликов преступления не совершил. Он был уничтожен.

Вдова Кругликова Валентина Александровна Пациорина, нервно потрясенная фактом уничтожения мужа, дошла почти до состояния сумасшествия, искала утешения и помощи у знакомых. ...

Наконец страдания Пациориной прекратились. 10 июля 1942 года гестапо потребовало детей Пациориной.

Пациорина-мать не пожелала отпустить детей на уничтожение, тогда немцы забрали к себе Пациорину вместе с детьми. Пациорина как арийка сама уничтожению не подлежала, но, ввиду ее отказа расстаться с детьми, немцы уничтожили и ее.

При знакомстве с повестью о Пациориной необходимо помнить, что Пациорина постаралась скрыть от немцев своих детей, переменяя место жительства. Дети числились русскими. Немцы не могли уследить за полуарийскими детьми, жившими при своей русской матери, однако, дети были схвачены и уничтожены.

Следует предположить, что Пациорина с детьми была предана немцам. Но кем? Возможно, что этому содействовала русско-татарская полиция, которая, вероятно, вела учет лиц неарийского происхождения, а возможно, что саму полицию навел на след какой-нибудь человеконенавистник или тот человек, которому было выгодно это сделать. ...

Инженер-мелиоратор Маковер Михаил Абрамович, еврей, проживавший по Пушкинской улице №34, уехал из Крыма при отступлении Красной Армии, оставив дома русскую жену Екатерину Николаевну с маленькой дочерью. 10 июля 1942 года немцы взяли дочь Маковер для уничтожения. Сама Маковер, как арийка, могла остаться жить, но Екатерина Николаевна была не немецкая арийка — она была русская арийка, а как русская, а не немецкая арийка, она предпочла умереть вместе со своей восьмилетней дочерью — не арийкой. Русские матери не делят своих детей по расам!

28.VII.42 г.

Когда я узнаю, что какой-нибудь мой современник, обладающий благородной душой, умер, я упрекаю судьбу за то, что умер он, а не я: я с радостью бы пожертвовал своей жизнью, если бы эта жертва спасла жизнь благородному человеку. У меня был благородный друг, теперь умерший, и я с гордостью говорю своим знакомым: «Этот человек был моим другом».

Самого себя чувствуешь чище и благороднее от сознания, что благородный душой человек был твоим другом. И как хочется иметь побольше благородных душой друзей!

Ефремова теперь не возвратит к жизни, но, может быть, у него есть

друзья, которые смогут в будущем сказать: «Ефремов был нашим другом!» На обязанности этих друзей лежит — осветить наиболее полно благородство его натуры. Я не знаю не имени, ни отчества Ефремова, ни его бывшего адреса и повесть о нем передаю с чужих слов.

Ефремов, русский инженер, был женат на еврейке. Как и все не преступные по натуре люди Ефремов не предполагал, что приказ немцев о явке евреев 10.XII.41 г. на сборный пункт является преступной и гнусной ловушкой. Ефремов, как и большинство жителей, как и сами обреченные евреи, был уверен, что сбор евреев на 10.XII производится для какой-то особой регистрации. Вот что говорил впоследствии Ефремов своим знакомым: «Я не могу успокоиться от той мысли, что сам лично передал свою жену в руки палачей на казнь.

Когда мы пришли на сборный пункт, жену мою зарегистрировали как еврейку и очень быстро увели от меня из комнаты. Меня же немцы любезно спросили — желаю я или не желаю остаться вместе с женой? Я не понимал смысла происходящего, но прежде, чем успел ответить, из-за двери раздался категорический и протестующий голос против возможного моего согласия, голос моей жены. «Нет! Нет! Я не остался с женой», — с горечью оканчивает свой рассказ Ефремов.

Да, инженер Ефремов не понимал смысла регистрации евреев 10.XII, и поэтому не остался с женой для уничтожения немцами, но зато Ефремов хорошо понимал смысл сбора нацистами полуеврейских детей 10.VII.42 года. И когда немцы явились в этот день за его пятнадцатилетней дочерью — отец Ефремов не захотел, чтобы дочь его умерла без отцовской поддержки и отправился вместе с нею на смерть. Ефремов — русский ариец — пожелал умереть вместе со своей дочерью — не арийкой. Русские отцы не делят свои детей по расам!

Я не был знаком с Ефремовым и, к сожалению, не могу сказать, что он был моим другом, но я с гордостью буду говорить: «Ефремов был моим соотечественником!» Чувствуешь себя чище и благороднее от сознания, что твои соотечественники проявили благородство души. Маковер, Пациорина, Ефремов, жена Балабана и многие десятки и сотни русских жен и мужей, матерей и отцов, добровольно умерших со своими еврейскими супругами и детьми, самые обыкновенные, ничем не выдающиеся граждане СССР, представляют собой массовый образец благородства русского народа. Да сохранится о них память в нашей стране, да будет их памяти вечная благодарность нашего народа за оставление нам такого образца благородства души! ...

30.VII.1942.

Немцы уничтожили у нас евреев в декабре 1941 года, а через семь месяцев начали уничтожать детей смешанных браков — полуевреев. Почему они это делали?

Согласно немецкой идеологии — евреи, во всей своей массе, имели намерение владеть всем миром. Немецкий народ также имеет цель — овладеть всем миром, следовательно, немцы и евреи являлись соперниками в одном и том же деле и, чтобы евреи не противодействовали немецким планам, немцы решили их уничтожить.

Дети полуеврейского происхождения могли бы в будущем подрывать основы немецкого мирового господства, поэтому немцы решили уничтожить этих детей.

Немецкая логика последовательна, правильность ее я сейчас не разбираю, вопрос же о нравственности такого взгляда разбирать нечего, все человечество, за исключением обуянных зверским инстинктом немцев, содрогнется перед фактом истребления несопротивляющихся людей, к какой бы расе эти люди не принадлежали.

Меня в данное время занимает другой вопрос. Евреи нашей страны, «русские евреи», находятся вне какой бы то ни было зависимости от законов и установлений Германии. Граждане СССР, и евреи в том числе, подлежат законам и установлениям нашего государства.

Немцы не имеют ни в моральном, ни в юридическом праве, ни в международных постановлениях и обычаях оснований для расправы с неволеющими гражданами другой страны. Почему же немцы не считаются ни с законами нашей страны, ни с желаниями русского народа? ...

31.VII.1942.

Семь месяцев немцы не трогали детей смешанного полуеврейского происхождения, проживавших при своих русских родителях. Почему? Возможно, потому что эти дети были полуарийского происхождения. Но я думаю, что здесь играло роль следующее соображение: немцы не хотели лишней жестокостью возбуждать против себя негодование русских людей. Одно дело, по их мнению, уничтожить евреев — людей обособленной расы, к каковому уничтожению русский народ мог отнестись, по немецким соображениям, без протестов, и другое дело — уничтожить детей, принадлежащих хотя бы и на половину к русскому племени, что могло привести к нежелательному возбуждению всего русского народа.

Но раз немцы сделались нашими хозяевами, то чего же им было бояться покоренного народа? Бояться, оказывается, было чего: сильная

русская армия захватила Керченский полуостров и угрожала южному немецкому фронту; Севастополь ожесточенно сопротивлялся, у Харькова большие силы Красной Армии представляли большую угрозу. Военная обстановка не благоприятствовала проведению в жизнь полностью немецких идеологических установок: а вдруг русские окажутся победителями? Тогда русский народ будет мстить немцам. Немцам казалось, что русский народ не будет мстить им за уничтоженных евреев, но за уничтожение русских детей мстить он будет. Так, вероятно, немцы рассуждали, основываясь на своем собственном подлом мировоззрении.

Немцы не могли взять в толк, да и теперь еще не понимают того, что русский народ считает все племена своей страны равноценными и составляющими единую семью СССР. Немцы боялись и потому не приступали к уничтожению русских, хотя бы и полурусских, детей.

Но вот военная обстановка переменилась: армию на Керченском полуострове немцы разбили, разбили также Красную Армию у Харькова, взяли после восьмимесячной осады Севастополь, — разгром Советского Союза казался немцам неотвратимым, а может быть, и совершившимся.

Теперь, при несомненной своей победе, немцы могли делать все, что угодно, не боясь возмездия. Главное — безнаказанность! Чувствуя свою безнаказанность, преступник по натуре готов совершить любое преступление. И немцы приступили к уничтожению русских — полурусских, полуеврейских детей. Это уничтожение было проведено 10.VII.42 года. Взяли немцы на уничтожение детей у многих десятков русских матерей, в том числе и у Пациориной. ...

1.VIII.1942 г.

Итак, 19-го июля немцы показали, что они уничтожают не только евреев, как представителей особой расы, но и русских детей — полуевреев, и не только полуарийцев, но и чистокровных отцов и матерей этих детей и чистокровных арийцев — русских жен и мужей, соединенных браком с евреями.

Немцы объявили себя идеологами борьбы с еврейством, но, попутно, уничтожают и русских — «чистокровных арийцев». Из этого факта следует сделать простой вывод: немцы делают различие между расами только на словах, в действительности же они истребляют как семитов-евреев, так и арийцев, они не только ненавистники евреев, они ненавистники всех вообще народов не немецкого племени.

И если немцы щадят в Крыму татар, армян и людей прочих национальностей, то это происходит потому, что они не успели еще

завоевать всей нашей страны и им выгодно пока пользоваться услугами национальных меньшинств. ...

27.VIII.42 г.

Цыгане, как и еврей-крымчаки, явились 6.XII.41 г. на свой сборный пункт. Цыгане старались внушить немцам, что, будучи магометанами, они как правоверные находились и находятся во вражде с Советской властью. Ничего не помогло. Вот два рассказа цыган, переживших ужас истребления народностей.

Первый мой знакомый (имени его не знаю) рассказывал: «Я уже сидел в машине со своей дочерью, и мы ждали отправки. Увидевши разговаривавшего с немцами знакомого татарина, я закричал ему: «Спаси меня — скажи немцам, что я не цыган, а татарин, ведь мы с тобой друзья». И этот татарин стал говорить немцам, что я не цыган, а туркмен, и они выпустили меня и мою дочь. Тогда я стал просить, чтобы отпустили мою жену и других моих детей и внуков, сидевших в других машинах. Но другие цыгане, видя, что меня отпустили, стали все разом кричать, что они не цыгане, а тоже, как и я, туркмены и просили их отпустить».

Тогда приятель мой, татарин, сказал мне: «Спасайся скорее сам, а то и семью свою не спасешь, и тебя самого возьмут обратно в машину, да и мне достанется за мое заступничество». И я убежал с дочерью, а моя жена со всеми моими детьми и со всеми внуками погибли...»

Алим Джилял (Курбацкая, 5) рассказывает: «Я был в районе и ничего не знал об истреблении цыган. Когда я возвратился, то узнал, что погибли моя жена, мои три сына, мои дочери, мои братья и сестры, — все мои родственники, ни одного родного человека не осталось, теперь я один на свете».

Я спросил: «А где же твой сын, Джилял, первенец, комсомолец, окончивший семилетку, которым ты так гордился? Ведь он служил в Красной Армии. Он будет тебе утешением».

«Этот мой сын тоже погиб вместе с остальной семьей».

Из этого я понял, что старший сын Джиляла дезертировал из Красной Армии, и что его дезертирство не спасло его от гибели.

Измена Родине несет гибель и виноватым и невинным... Много цыган спаслось от истребления своевременным бегством из города. Кроме того, часть цыган не успели захватить, а затем пощадили по неизвестным мне причинам и не стали больше их преследовать.

После такого разгрома цыгане стали очень скромными, перестали быть такими назойливыми, как были раньше, и потеряли всю свою

живость. За этот год я ни от одного цыгана не слышал ругательства по отношению к Советской власти. Очень уж показательным оказался урок, данный им немцами. ...

6.IX.1942 г.

... Когда немцы взяли на казнь евреев, они на каждой еврейской квартире вывесили приказ, запрещающий под страхом смерти заходить в эти квартиры. Затем, после казни евреев, немцы позабирали из еврейских квартир все имущество, до мебели включительно.

Пустые еврейские коммунальные квартиры немцы разрешили заселять, но частновладельческие дома еврейские, несколько сот, немцы оставили под запретом. Эти дома немцы затем начали разорять — выламывали двери, рамы, стропила, потолки и полы: все это шло им на топку. Из стен немцы выламывали годный камень, а с крыш брали черепицу для своих нелепых построек. ...

14.IX.1942 г.

В каждом учреждении, в каждом магазине, в витринах окон висят и выставлены большие портреты Гитлера. Это явление характеризует степень нашей приниженности, обреченности, рабства. «Гитлер-освободитель» — так подписан портрет. Под угрозой казни за протест мы выносим даже такие плакаты явно издевательского характера, как изображение в лицах нашей счастливой жизни при немцах или поражение красноармейца с зверским калмыцким лицом немцем благородного рыцарского типа. Чего не вытерпит раб под угрозой кнута палача? Чего не вытерпит пленный под угрозой дула наведенной на него винтовки?

Но чтобы дойти до такого душевного состояния, чтобы самому лично, без непосредственного воздействия, прославлять палача своей семьи... до вчерашнего я не мог этому поверить...

Бунжук, болгарин по национальности, был моим соседом по двору. При немцах он устроился заведующим хлебопекарным цехом: для бывшего рядового пекаря это неплохо, и был бы он безмятежно счастлив при богоданной ему власти, если бы его дочь, Елена Петровна, проживавшая по Малобазарной улице, не была замужем за евреем-крымчаком. Истекшим летом гестапо забрало для уничтожения полуеврейского сына Елены Петровны, Бориса шести лет. Матери, как обычно, было предоставлено право как арийке продолжать свою жизнь. Здоровая, цветущая, красивая женщина могла в дальнейшем, освободившись от позорной близости с мужем-евреем и сыном-полуевреем, связать свою судьбу с чистокровным

арийцем, с представителем высшей расы и, будучи происхождением от племени, правительство которого дружит с Германией, жить беспечно, весело и в полном довольстве с любовником-немцем.

Советская женщина не пожелала учесть выгоды от своего нового положения и открывающиеся перед ней блестящие перспективы и умерла вместе со своим ребенком. ...

Бунжук лишился своей любимой дочери. При встрече со мною, в ответ на мой безмолвный вопрос, он заплакал...

Со смерти его дочери прошло несколько месяцев, а в квартире Бунжука продолжает висеть портрет «Гитлера-освободителя». Это, кстати сказать, первый случай и пока единственный, о котором я знаю ...

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.31, л.56-150. Машинописная копия.

**ИЗ ДНЕВНИКА ЖИТЕЛЬНИЦЫ Г. ЯЛТЫ О.И.
ШАРГОРОДСКОЙ^[89] — О РАСПРАВЕ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ С
ЕВРЕЯМИ В ЯЛТЕ 10 ноября 1941 г. — 24
декабря 1942 г.**

10.XI.1941 г. Сегодня третий день, как мы в руках фашистов. Шесть дней пробыли на окраине города, т.к. близ дороги находиться было опасно. Из дома страшно выходить. Идешь и стараешься ни на кого не глядеть. На окрик немецкого солдата нужно останавливаться. Ждешь чего-то нехорошего. Требуется документ. На тебя смотрят злые недоверчивые глаза. Автомат наготове. На каждом перекрестке пулемет. Ловят молодых мужчин, куда-то уводят. Досадно за свою беспомощность. Как побитая собака идешь в свою конуру. В комнате все чужое, не находишь себе дела. Вокруг пусто, кушать нечего...

Изредка слышен далекий орудийный гул. Ловишь каждый звук. Сажу, пишу и боюсь, чтобы не вошли «арийцы» для расправы. Если услышу шаги, сожгу написанное.

Фред, измученный за эти дни, уснул как убитый. Муж, угнетенный происшедшим, безмолвствует. Не находишь темы для разговора. Удивляется, как я могу писать. Но это мое успокоение, и я хочу записать некоторые моменты. Уверена, что мой дневник когда-нибудь попадет в руки моих детей. Если меня убьют, его передадут мои соседи. Что-то будет с нами? Счастливы те, кто успел уехать и те, кто погиб в пучине морской. Им не придется переживать того, что ожидает нас.

Утром соседка принесла тарелку муки и немного картофеля. Значит, будем сегодня и даже завтра сыты. Вчера не ели ничего. На базаре купить ничего не удалось, так как не было никого. Да и не шла пища в горло. У Рейферов сегодня были «гости» — четыре германских офицера. Случайно зашла в тот момент и я. При виде немцев кровь застыла в жилах, но уйти было нельзя. Пьяный голос позвал: «Мадам, мама, иди сюда». Протягивая стакан с шампанским, тоном приказания сказал: «Тринкен зи битте^[90], мы не тигр, кушать не будем. Их тоже есть мама...» Невольно навязалось желание гибели и ему и его маме. Какое мне дело до всех вас? Пить

отказалась, сославшись на больное сердце.

Рейфер спросил у одного из них: «Что будет с нами, евреями, нас убьют?»

— Нет, зачем убивать? Все будете работать на своя земля, торговать и прочие блага, — обещал благодетельный офицер. Прощаясь с хозяевами, пожали им руки и, галантно раскланявшись, ушли. А во дворе слышался их наглый смех, и в разговоре между ними понятен был весь смысл их добрых обещаний.

После ухода господ никто не находил слов для бесед, и я ушла домой.

...

13.XI. Утром прошлись по городу, чтобы прочитать наклеенные на столбах приказы. Ноги подкашивались от ужаса. В каждой строке приказа слова «жидовско-большевистское правительство» наводили ужас. ... Каждый приказ дышал смертью для его нарушителей.

17.XI. Сегодня в 5 часов вечера послышались шаги по коридору. Сердце перестало биться. Все соседи сидели у нас и мирно беседовали. Никто не шевелился. Я решила выйти. Открыла дверь, и страх обнял меня всю. Шли четверо офицеров, впереди один со стеклом. В голове моментально пронеслось много вариантов расправы с нами. Поборов свое чувство, спросила по-немецки, что хотят господа офицеры.

Услышав немецкую речь, переглянулись, но ответили приветствием. Затем вошли в комнату, огляделись. Предложила им сесть. Сидят как идолы, выхоленные, надушенные. Поинтересовались, что мы делаем, что кушаем. И опять обещания хорошей жизни. ...

19.XI. Утром зашел один из вчерашних посетителей. В очень вежливой форме спросил, не могу ли постирать им белье или порекомендовать кого-нибудь. Пришлось взять на себя эту стирку, т.к. обещали принести продукты и хлеба за работу. Кушать совсем нечего, надеяться не на кого. Жаль Фреда. Проработала сегодня до опухоли рук. Обидно, что приходится мыть грязь наших врагов. На рубашке одного были следы крови. Невольная радость — все-таки тебя поцарапали малость, придет день, когда и ты отправишься к праотцам.

20.XI. Сегодня сдала белье. Работала вместе с Коварской. Работой остались довольны. Заработали по 2 куска мыла, по буханке хлеба и по 6 марок каждая. Один из офицеров за время посещения нас не проронил ни

слова и только присматривался ко всем нам. Несмотря на его молчаливость, он как-то выгодно отличался от своих товарищей. По их уходе, стало немного легче, но какая-то обида таилась внутри.

28.XI. Восемь дней не удалось ничего записать, да, пожалуй, ничего особенного и не произошло за эти дни, если не считать нескольких убитых граждан на улице. По утрам находили их убитыми на дорогах. Кто они, за что убиты — неизвестно. Спрашивать некого, да и опасно. Такой счастливцев оказался и в нашем переулке. Лежал вниз лицом, в голове зияла дыра. Проходящий немец ткнул палкой в голову. Не могла идти дальше, вернулась домой. Нет покоя и мертвым.

Вывешенный приказ о нашивке звезд на одежду евреям резанул по сердцу. Дрожат руки, слезы застилают глаза. Пришиваю «украшение» на одежду мужа. Фреду не сделала — он сын русской матери.

На улицах мелькают белые звездочки на спинах и груди многих граждан. Некоторые из них подвергаются насмешкам и побоям. Один румынский офицер избил одного еврея ни за что, германский солдат ударил в живот бывшего торговца на базаре. Все это не обещает ничего хорошего. Поговаривали мы с Аркадием удрать в лес, но ни тот, ни другой не может идти — оба больные. Фред очень удручен всем этим, никуда не выходит, на его голову тоже перепадают насмешки со стороны его товарищей. Сегодня была регистрация в еврейской общине семей. Зарегистрированы и мы. Что будет дальше?

29.XI. Вывешен приказ немецкого командования — все евреи должны переселиться в гетто — бывшая тюрьма. В течение трех месяцев они не имеют права никуда выезжать. Хожение по городу для них от восьми часов утра до двух часов дня. Работать могут. Кто может вообще не работать? Аркадий работает по приказанию командования по остеклению бывшего санатория БВО. За это имеет жалование (неизвестно еще, какое) и обеденную карточку в горстоловую. На завтра собираю его на жительство в «новой квартире». Договорился быть в одной комнате с Коварской. Тяжело, но неизбежно. Я не пойду, хотя решила быть с ними до конца. По совету старшины еврейской общины, нужно остаться и спасти мальчика.

2.XII. Тянутся обозы, тачки и просто люди с узлами на свое новое пепелище. Некоторые устраиваются комфортабельно — одна семья занимает маленькую, но отдельную комнатку. Едут или идут и плачут. Нарушена жизнь, не принадлежит человек больше сам себе. Завтра —

неизвестность. Тяжело смотреть, а каково быть в их положении. Уходит скоро Аркадий. Не могу думать об этом, не знаю, как переживу это. А может быть, все же уйти вместе?

3.XII. 2 часа ночи. Несмотря на только что происшедшее, я все же хочу записать. В девять часов вечера начался обстрел Ялты с моря. Рвались снаряды один за другим. Успели сбежать в подвал-клуб. Здание дрожит от каждого взрыва, слышится свист пролетевшего снаряда. Жутко. Кто плачет, кто молится. Когда кончился обстрел, послышались шаги в коридоре клуба. Открылись с шумом двери, и в дверях появились три румынских патрульных. После вопросов, кто мы и зачем здесь, начали готовить всех к обыску. Разбили на две группы — мужчин и женщин. Двое жильцов сорвали с одежды звезды. Сорвал и Аркадий, но на груди осталась маленькая предательская полосочка, под пальто. Отбирали разные ценности, деньги, карточки. Когда обыскивали Аркадия, обратили внимание на полоску и догадались, что он сорвал звезду. Его втолкнули в угол и приставили к нему караул. Он просил освободить его, доказывали все, что он здешний квартирант и тоже просили освободить его. Ничего не помогло. Пришлось молчать и ждать. Наконец, двое солдат приказали вести их к себе на квартиру. Я думала, что выводят, чтобы убить. Стала просить пустить и меня. Никого не выпускали. Наконец, милостиво отпустили всех. Зайдя в комнату, я увидела картину точно после погрома. Вскрыты шкафы, чемоданы. Все содержимое выгружается. Не оставили и дамское белье, духи, бинокли и прочие мелкие вещи. Остались почти без белья, не исключая и детского. Смотрели и молчали. Они ушли. Будьте прокляты! Мы остались одни среди разбросанных вещей в тяжелом молчании. Куда пойдешь, кому скажешь! Каждый день приносит новые сюрпризы.

Что ждет нас завтра?

4.XII. Новый день — новое горе. Сегодня в шесть часов вечера пришли вчерашние румыны и стали требовать водворения в гетто. Мы сказали, что еще можно быть дома один день и завтра перейдут все евреи в гетто. Мы сидели и пили горячую воду с сухарями, ничего больше не было. Потребовали чаю с сахаром. Где взять, когда ни у кого нет? Предложили то, что у нас есть. Фед. Ал. принесла сахар, Коварская предложила тогда тоже принести. Когда напились, то один из румын потребовал, чтобы Коварская повела его к себе в комнату. На отказ он грубо вытолкнул ее за дверь и пошел к ней. Бедная старушка подверглась насилию, не пощадили 73-летнюю старуху. Сейчас она у нас, боится идти к себе. Отобрали у нее все,

что она приготовила с собой в гетто — деньги, пищу, белье. Чем будет жить, неизвестно. Нет надежды на лучшее. Завтра все уйдут в гетто. Горе давит, нет слов выразить его.

5.XII. Мы остались одни, Аркадий в гетто. Уже поздно, но сон не идет. Сидим с Фредом и молчим, не смея взглянуть друг на друга, словно в чем-то виноваты. Сегодня приходили опять те же румыны, и сержант требовал у меня ночлега. Я обещала приютить его, но сама решила идти за защитой к коменданту. Немец внимательно выслушал жалобу и сказал, что бояться не нужно, т.к. румынские солдаты не имеют право ни на обыск, ни на ночлег в квартирах. «Если будет насилие с их стороны при отказе впустить их, кричите». Дал распоряжение следить за патрульными нашего района. Румын приходил, требовал открыть, но когда сказали, что были у коменданта, ушел с ругательствами. Нет дня без приключений.

8.XII. 11 часов ночи. Только что вернулись из подвала, пробыв в нем более двух часов. Взрывы кончились, но отчего — неизвестно. Ни самолетов, ни с моря ничего не было. В саду зарево от горящих машин. Как пережили эти часы, сами не знаем. Дрожала земля и здание. Люди молились, призывая на помощь Бога, а кто кого-то клял. Осколки от снарядов изрешетили всю крышу. Пока все стихло, нужно отдохнуть. Удастся ли уснуть? Завтра узнаем причину.

9.XII. Причина взрывов — от неосторожности немецкого шофера, влезшего под машину с горящей папироской. Произошел взрыв. В саду стояло много машин со снарядами, близко друг от друга. Сгорела машина с шофером, убито и ранено несколько человек. Сами себя убивают, вот молодцы. Говорят о том, что командование удивилось, почему взрывы. Ведь с моря и с воздуха нет опасности, и евреи в гетто. Если бы еще люди не ушли в гетто, то с ними бы учинили расправу, приписав все евреям, как это делается до сего времени. И война, по мнению немецкого солдата, из-за евреев. Идиоты!

15.XII. Неделью не записывала ничего. Все шло сравнительно гладко. Аркадий работает, я ношу ему кушать, встречая по дороге от работы в гетто. Работать ему тяжело, плохо чувствует себя после контузии. Милостиво разрешили ходить на работу с 8 часов утра до 5 часов вечера. Работать подгоняют. Спешат застеклить здание. Сегодня после работы меня удивил вид Аркадия и других с ним работающих. Один из них был весь в

ссадинах. На мой вопрос — что случилось? — ответили, что он порезался стеклом. Аркадий еле шел, объясняя усталостью. Не верю, что-то есть, но умалчивают. Когда нужно было уже расстаться, Аркадий захотел почему-то «особенно» проститься: «Мы с тобой расстаемся всегда, точно ничего не происходит, и мы живем в мирное время. Давай простимся как следует». Я насторожилась, мне стало не по себе. На глазах у него слезы. «Береги Фредика». Больше ничего не сказал, крепко обнял и поцеловал.

Не могу ни о чем думать, мысли разбредаются, не соберу никак.

16.XII. Сегодня утром не дождалась Аркаши в условном месте, прождав 3 часа. В Стройконторе узнала, что сегодня из гетто никого не выпускали. Послала на разведку Фреда Он пробыл у отца весь день. Уже стемнело, а его не было. Волнения были велики. Принес записку. Аркадий просил не волноваться, задержали для проверки документов. Возможно, что и завтра не выпустят. Что-то подозрительно, очень беспокоюсь. А почему запрещен вход в гетто русских? До сих пор туда ходили, кто хотел. Что-то ждет нас?

17.XII. Сегодня тоже никто не выпускался из гетто. И туда даже пробраться Фред не мог, принес обед обратно. Поставлена большая охрана. Как жутко! Неужели вывезут? Буду ждать утра. Сон не идет, и писать нет сил. Мысли работают в одном направлении — неужели конец?

21.XII. Три дня была в полусознательном состоянии. Не могу поверить случившемуся. За что?

18-го утром в шесть часов Фред пронес отцу кушать. В восемь часов вернулся домой, молча поставил не тронутые судки с едой на стол и, ничего не сказав, вышел. Где он — я не знаю. Уже совсем темно пришел домой бледный, осунувшийся, без пищи за целый день. Говорить не мог. Просил ни о чем не спрашивать. Только сказал: «Кончено все — папы нет».

Вечером пришла знакомая и сообщила о расстреле. Плакать не могла, да и нельзя было. Мы не имели права даже плакать и говорить. Только ночь была свидетельницей нашего горя. Мы могли плакать и тихо разговаривать. Неужели это правда? Не верю и сейчас. Есть надежда, что Аркадий жив, так как двести человек убежали из гетто. Быть может, и он в их числе? Смог ли он бежать, ведь он был очень плох. Боюсь думать о случившемся. Будьте прокляты, немецкие овчарки! Наказание за ваши злодеяния ожидает вас. Наши дети никогда не простят вам.

25.XII. Сегодня праздник Рождества. У многих стоят елки. Стоит и у нас елка. Сколько слез пролито над ней. Она нам не нужна, но делать нечего, приходится маскировать свои чувства. А как это тяжело! Фред не смотрит на нее. Немчура шатается по квартирам и смотрит, как кто проводит «праздник». Какой у нас может быть праздник! Наш праздник ушел от нас надолго, пока мы не будем свободны. У нас будут свои праздники, близкие и понятные для нас. ...

Сегодня вышла с Фредом на улицу. Встретившиеся ученики, идущие с немецкими солдатами, крикнули Фреду: «Эй, жид, ты еще цел?» Обидно и страшно. Неужели и нас ждет участь отца? Хочется дожидаться свободы, а она придет. Лучше смерть.

2.1.1942 г. Сегодня читала на улице газету. Хотелось сорвать ее с витрины. Какие все продажные! Как раболепствуют и продают своих людей. Красуются и приказы, несущие по-прежнему только смерть. А что еще можно ждать. Жители все еще в праздничном настроении, а у нас нечего кушать. Третий день я ничего не ела, и сегодня я отдала Фреду последние два сухаря. Что будет завтра? Обещали дать стирку. Опять проклятая немецкая грязь. Выхода нет. Отдала в обмен кожанку Аркаши, но пока еще ничего не привозили. Выручает соседка Галя, но и у нее сейчас ничего нет. По возвращении домой встретили группу скованных друг с другом людей. Это бежавшие из гетто. Вид их ужасен: бледные, исхудавшие, обросшие. Сопровождают полицейские. Почетная работа — гонять своих людей на смертную казнь. Предатели. С новой болью и силой открылась незажившая рана. Вспомнилась подробность расстрела, рассказанная очевидцами, бывшими на закопке и живых и мертвых людей. Не по доброй воле шли они на это дело. Ловили их на улице, вручали лопаты и гнали под угрозой смерти. Многие за отказ закапывать людей пошли к последним, а некоторые не выдержали и сошли с ума. Да и кто может быть равнодушным к таким зрелищам. Превзойдены нероновские времена. Нет сил писать.

15.I. Долго не записывала ничего. Не было ни времени, ни сил. Днем говорить с людьми не приходилось, и выходить никуда не могла. Остались с Фредом одни во всем коридоре — все ушли в «обмен». Мы присоединиться не могли. Сто с лишним верст пройти пешком не хватит здоровья, да и нести нечего — все обобрали и наши враги и «добрые люди». Интеллигентный труд забыт, переключилась на прачку. Не по силам этот труд, здоровье уходит, но и этот труд ничего не дает, все равно нищие

и голодные. Работать в «новых» учреждениях нет желания. Как-нибудь перебьемся до тепла, а там пойдем на далекое путешествие по селам, что-нибудь заработаю. Жаль Фреда, совсем изголодался.

20.III. Нет возможности вести запись дневника. Частые нашествия «высоких гостей» не дают покоя, а вечерами нет света, давно не имеем керосина. Несколько слов набросаю все же, пока еще не совсем стемнело. Опять переживания. Неделю тому назад дала знакомой кое-что из оставшихся вещей поменять в деревне на хлеб. Обещала привезти не менее 2-3 пудов зерна. Но она уже давно дома и ничего мне не принесла. Соседям передала, чтобы я не «рыпалась», а то буду там же, где муж. Как обидно, а когда-то этой женщине сделано мною очень много. Приходится молчать и питаться горем и обидами. Фред стал скелетом, а я... лишь бы хватило сил дотянуть до свободы и спасти мальчика.

Нужно хлопотать разрешение на право «похода» за продуктами. ...

14.IV. После долгого обивания порогов комендатуры, получила, наконец, коллективный пропуск на восемь человек соседей. Готовлюсь к походу. Выдержу ли? Далеко не пойду, только до деревни Чавки, где ждут меня с костюмом Аркадия. Это последняя надежда. Буду идти по деревням, нащупаю почву насчет жизни там, да и вообще ближе к лесу.

Если удастся — уйдем туда, где нас никто не знает. Люди понемногу уходят, как-то пробираются.

За последнее время, к нашему горю, очень много вылавливают партизан. Говорят, их расстреливают. Недавно выбросили воззвание к партизанам, чтобы спускались и приходили к командованию. Обещают хорошее обращение и прочие блага. Знакомое нам обещание. Партизан боятся, сами немцы не идут в лес, а посылают румын. Вместе с нашими «патриотками» благодушествуют в безопасности. Своим положением «фрау» гордятся. Есть чем гордиться, продажные души. Голод не может заставить порядочных людей продаваться. У них нет чести, потеряли совесть.

Итак, скоро в поход.

24.IV. Вернулись сегодня из похода. Сколько пережито за дни похода! Когда же кончатся наши мученья?

За два дня пройдено восемьдесят километров. Дошли до Чавков. Ноги как столбы, с пальцев сошли ногти. Насилу упростила коменданта разрешить ночевать у жителя деревни, к которому приехала с обменом. Не

поверил комендант — рыжая собака, что не могу идти дальше, обещал прислать врача для проверки моего состояния.

Пробыли в деревне четыре дня. За эти дни были сделаны облавы на партизан. Выловили около сто человек. Этим ознаменован праздник в честь рождения Гитлера. Многие солдаты и офицеры были пьяны. Жутковато. Всю ночь с 19-го по 20-е по лесу была перестрелка. 22-го числа нам предложили убраться из села. Идти не могла, ноги еще опухшие, и пальцы кровоточат. «Великодушно» комендант села дал распоряжение патрульному посадить нас на русскую машину. Мы опасные люди, и от нас необходимо избавиться. Машины прождали два дня, и к вечеру второго дня прошли две русские машины. На первую нас не посадили, т.к. на ней ехали румынские солдаты и офицеры, а вторую вел бывший сослуживец по редакции «Сталинское Знамя» — шофер Смолин. С радостью бросились мы к нему с просьбой посадить нас, предложили деньги, но мгновенно холод сковал кровь в жилах. Глянули на нас враждебные глаза Смолина. Его заявление патрульному, что он жидов не возит, почти лишили сознания. Фред еле держался на ногах, умолял идти пешком. Но было поздно, нужно было разрядить атмосферу. Смолин отвел в сторону патрульного и начал доказывать, что мы евреи, скрываемся, что муж расстрелян, и мы должны идти туда же. Пришлось убеждать патрульного, что мы русские и проч. Сколько пережито за эти несколько минут. На требование патрульного везти нас слышались новые угрозы — выбросить нас на перевале. Остаться в лесу ночью невозможно. Если бы попались к партизанам — было бы избавлением от всех бед, но после шести часов вечера по лесу, вернее, по дорогам, шныряют румынские и немецкие солдаты и ловят всех, кто попадает по дороге из запоздавших путников. Разрешалось ходить только до 6 часов вечера. Встречающиеся по дороге жители в более позднее время принимались за партизан, в лучшем случае отправлялись в комендатуру, а чаще всего убивались на месте. К нашему счастью, выехав за деревню (все же пришлось по настоянию патрульного сесть на машину), удалось вылезти из машины, т.к. она вынуждена была остановиться из-за поломки. С трудом дойдя до Ангары (1,5 км), с разрешения румынского коменданта ночевали в деревне. На рассвете пешком двинулись в путь, без хлеба и почти без денег. За оставленный костюм не пришлось ничего взять с собой, обещали подослать или как-нибудь частями соседи подвезут мне. Словом, ни костюма, ни хлеба, опять голодовка. Но все это ничто по сравнению с тем, что нас может ждать впереди. Каждый старается тебя предать. А за что? Такие, как Смолин — хозяева положения. Ведь он теперь «большой» человек. Уволок к себе оставленную нашими войсками машину и на ней

зашибает деньгу, стал богатым человеком, а когда-то просил у мужа помочь ему заработать. По дороге в Ялту узнали от жителей, что на набережной Ялты есть повешенные. Стынет кровь от зверств.

28.IV. Наши «соколы» загнали нас в подвал. Немножко привезли подарков для «чистокровных». Собравшиеся в подвале группами люди ведут беседы на военные и политические темы. Не хочется слушать. Обвиняют наших солдат, что бомбят по своим. Выходит по-ихнему, что нельзя воевать в занятых немцами городах. Наивные, если не сказать больше, люди. Мы в руках судьбы — суждено, будем жить и ждать освобождения, а нет, так придется умереть среди врагов. Обидно, что не удалось уйти к партизанам. Там люди умеют умирать с гордо поднятой головой за свою Родину.

30.IV. Не могу опомниться от зверства. На Набережной повешена семья партизан — Горемыкины (муж, жена и дочь). Мне хочется пойти и преклониться перед ними — они герои. Удивляют меня наши люди. Как они могли смотреть на процесс казни. Что глумились немцы — это понятно, но свои русские люди так спокойно созерцают это. Они сами еще не знают, что с ними будет, как оценят их поступки сами немцы.

Завтра на нашей земле будет большой праздник. В честь него будут большие события повсюду. Что-то ждет нас. Тихонько договорились с соседкой Галей отпраздновать его. Из района привезли немного продуктов в обмен на вещи. Можно будет в этот день позволить себе сытнее поесть. Во всяком случае, в душе праздник вместе с далекими своими людьми, несмотря на тревогу вокруг.

2.VI. Целый месяц не брала пера в руки. Сегодня случайно подслушала разговор начальника отделения полиции с жильцами дома. Сообщил важную новость: будут расправляться с кодлом еврейским — добивать их русских оставшихся жен и детей. Ждем ареста... Вояки хоть куда.

Хлопочу в комендатуре пропуск на выезд в деревню на работу. Кажется, скоро удастся. Еду с одной соседкой по дому. Кушать нечего, продать тоже, а про обмен и говорить не приходится. Поеду обшивать население. Говорят, нуждаются в портнихах. Много всего крестьяне наменяли. Буду за кормежку работать, а то Фред очень плох.

1.XII. Получен пропуск, собираюсь в путь. Как-то будем жить на

новом месте. Еду с охотой. Подальше от разных слухов, зрелищ и проч. В деревне, говорят, этого нет.

15.XII. Прикована к постели. Попала под легковую машину. К счастью, отделалась сильным ушибом ног, кости целы. В чужой избе, на топчане. Хозяйка хорошая, много уделяет мне внимания. Поправлюсь, отблагодарю.

23.XII. Хозяйка, где пробыли почти три недели, просит нас скорее уехать от нее. Очень осторожна стала со мной, чувствую что-то недоброе. Нашли комнату в другой деревне, завтра перебираемся туда. Опять новая жизнь.

24.XII. Устраиваемся комфортабельно. Есть даже кровать, но только без матраца, и нет сена, чтобы набить мешок. Ничего, как-нибудь. Только маленькая неприятность — в хате так сыро, что со стен течет и одежда влажная. Топлива нет, нужно идти в лес за 4 км. Есть неудобства, но все это можно исправить. Начинается трудовая жизнь. Работа уже в руках, а значит, и сыты будем...

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.31, лл.151-165. Машинописная копия.

ВОСПОМИНАНИЯ.

СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЕМ СИМФЕРОПОЛЯ ЕВСЕЕМ ЕФИМОВИЧЕМ ГОПШТЕЙНОМ, СКРЫВАВШИМСЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ.

16-17 августа 1944 г.

16 августа 1944 г.

Немцы пришли в Симферополь утром 2 ноября 1941 г., заняли они под свой штаб здание мединститута по Вокзальной улице, и население центрального района узнало о входе — вступлении в Симферополь от жителей, которые по тем или иным делам стали появляться в разных частях города. Часов около 9-10 утра 2 ноября в городе стали появляться первые немецкие фигуры.

Первое, на что население обратило внимание — подчеркнутая щеголеватость: все были свежевыбриты, одеты щеголевато в новые чистые костюмы, словно они явились для парада, а не из-под Перекопа. Оказывается, сюда были брошены части из тыла, это было сделано для того, чтобы у жителей появилось другое впечатление. Об этом впечатлении долго в городе говорили. Говорили: «Воевали, воевали, а смотрите, какие они чистенькие, аккуратные». Так, в течение первых часов 2-го ноября, они распространились по всему городу, начали мчаться мотоциклисты с какими-то поручениями, чувствуется, что они являются хозяевами города. В центре районов начали появляться дощечки с указанием маршрута. День был тогда солнечный, погода была еще не осенняя, просто прохладная, неработавшее население высыпало на улицы, по углам были группы народа, начинался разговор с солдатами, кое-кто понимал по-немецки, еврейское население начало разговаривать.

Я вышел из дома часов около двенадцати, прошел по центральным улицам города, заглянул на Пушкинскую и натолкнулся около театра на толпу, когда подошел поближе, то увидел, что висел первый приказ на трех языках: русском, украинском и немецком.

На стене висел приказ с тремя параллельными полосами, оформленный ярко-красной рамкой. Совершенно очевидно, что толпа в несколько десятков человек приказа читать не могла, поэтому кто-то зычным голосом читал приказ вслух, читал громко, и если не все, то общий

смысл приказа я усвоил сразу. Надо сказать, что приказ был довольно большой и сразу же произвел жуткое, удручающее впечатление, чувствовалось, что жизнь Симферополя как будто топором обрублена. Весь тонус жизни, взаимоотношения людей друг с другом разных национальностей, атмосфера была дружелюбная. Симферополь был многонациональным. В Крыму по переписи насчитывалось 80 национальностей, ...^[91] тысяч жителей. Такое громадное количество национальностей на сравнительно небольшое количество жителей. Если люди не жили по-братски, дружелюбно, то элементы национальной борьбы отсутствовали. Но этот приказ вносил в эту атмосферу какое-то новое начало. В приказе слово «еврей» не употреблялось, а говорилось — «жиды».

Первый приказ говорил, что германская армия вступила в пределы Крыма. Насколько помню, говорилось так, что германская армия вступила не как завоевательница, не для захвата территории, а вступила на борьбу с «жидами» и большевиками. Половина приказа была отведена «жидам», и слово «жид» склонялось на все лады — жида, жидам, о жиде.

На всем протяжении приказа из этого чувствовалось, что тут таится что-то новое, закрадывалось болезненное чувство. Я почувствовал это как еврей, и другие почувствовали, что жизнь Симферополя начинает двигаться по нездоровому курсу. Когда содержание приказа стало ясно — мало кто говорил, большинство молчало. В этом приказе говорилось о военнопленных, чтобы не давать приюта, что всякий укрывающий военнопленного будет отвечать по закону. Я перестал слушать приказ и стал всматриваться в лица толпы. Она была пестрая, разношерстная — армяне, татары, евреи и русские. Меня заинтересовало, как реагирует толпа, как она воспринимает этот приказ, самую основную идею. Мне хотелось увидеть, встречаются ли элементы сочувствия, можно ли это заметить на лицах населения, и надо сказать, что я ошибки не делал и не делаю теперь, когда говорю, что настроение было не в пользу приказа. Люди стояли с опущенными головами, сосредоточенными лицами, нахмуренными бровями. Видно было, сколько я мог видеть по окружающим, что сочувствия нет. Они рассчитывали, публикуя этот приказ, на зоологические инстинкты, они рассчитывали встретить старую закваску, и должен сказать, что я в первый момент этого не видел. Толпа стояла огромная, молчаливая, никаких обменов впечатлений. Вот первое впечатление от вступления немцев в город. Вот первый приказ.

Помню, что в этом приказе обращало на себя внимание то, что «жиды» должны привлекаться на физическую работу — засыпку котлованов,

уборку мусора, уборку трупов, как немецких, так и с нашей стороны, для чего должны были привлекаться евреи, обязанности по привлечению возлагались на старост, которые назначались германским командованием, а частично были избраны населением. На все физические работы должны были привлекаться «жиды».

Около 8 ноября по улицам города были развешаны громадные объявления о создании еврейского комитета: «Распоряжением господина германского коменданта создан Еврейский комитет в составе 13 человек». Какие функции комитета этого, что он должен делать, представляет ли интересы еврейского народа — ни о задачах, ни о функциях ничего сказано не было. Сообщалось, что такие-то лица избраны в состав комитета и в числе их такой-то избран председателем. Из них никто не сохранился, так как они погибли, как и все.

Через несколько дней после организации этого комитета появилось распоряжение — распоряжения писались от руки и, надо сказать, громадным количеством добровольцев-евреев, которые окружили Еврейский комитет — интеллигенция, адвокаты, инженеры... Чувствовалось, что они объединяются вокруг Еврейского комитета как центра, вокруг которого можно держаться, они пошли в Еврейский комитет, чтобы помочь в работе.

Состав Еврейского комитета был простенький, серенький. Я скажу о путях его комплектования. Здесь, в Симферополе, был человек без определенной профессии, раньше участвовал в первой мировой войне — Зельцер, служил в жилищной кооперации. Зельцеру германским командованием было поручено формировать Еврейский комитет. Что его натолкнуло? Думаю, что Зельцер имел соприкосновение с германским командованием, и поэтому его назначили.

Немцы пришли с большим количеством готовых адресов, либо эмигрантов, или получили адреса родственников и близких коренного населения, но, так или иначе, тот политический аппарат, который пришел с командованием, имел адреса нужных людей. Может, так и Зельцера отыскивали и поручили ему организацию Еврейского комитета. Может быть, на него натолкнулись другим порядком — человек пошел за чем-либо в комендатуру.

Среди немцев было много людей, хорошо говоривших по-русски. Может быть, Зельцер был первым человеком, который с ними связался. Совершенно естественно, что он и по культурному уровню и по бытовым условиям из своего мирка — мирка мелких спекулянтов, бухгалтеров. Я уже сказал, что состав комитета был серенький, простенький и по

культурному уровню не подходил для той роли, на которую его выдвинули. Вот это и побудило еврейскую интеллигенцию сплотиться с тем, чтобы, если понадобится, помочь. Эта интеллигенция переписывала объявления, несмотря на то, что требовалось распространить в громадном количестве экземпляров. Как только понадобилось, писались объявления, и еврейская молодежь с банками клейстера ходила по всему городу и расклеивала объявления, и через несколько часов германские распоряжения висели по всему городу. Например, приказ о скоте. Писалось: все еврейское население обязано по распоряжению германского командования представить сведения о всех коровах, овцах. Или дальше: все еврейское население обязано предоставить в распоряжение германского командования персидские ковры. Еврейское население обязано представить 3000 комплектов одеял, матрацев и белья — это собирали для госпиталя. Наряду с этими требованиями начали поступать и устные распоряжения. Я, как и большая часть интеллигенции, заходил в Еврейский комитет — делать нечего было, не работал, нужно было уточнить положение, хотел знать, чем пахнет в атмосфере. Я, как и многие другие, заходил, беседовал и сам был свидетелем, или мне рассказывали члены комитета о требованиях, которые поступали, о бесчинствах германского командования.

Были такие требования: представить германскому командованию девять отрезков синего шевиота. При мне приходил полицмейстер, что нужно к такому-то числу, сегодня к вечеру, 40 столовых приборов и столько же столового белья — скатертей, салфеток. Оказывается, генерал Манштейн, который взял Крым, давал банкет старшему офицерскому составу, и нужна была сервировка. Где мог взять Еврейский комитет 40 приборов — приборы должны были быть одинаковые. Обратились тогда к Балабану — это директор местной психиатрической лечебницы, это был еврей, у него было большое количество посуды. При мне написали записку, послали двух человек и просили выручить комитет. Посланцы ушли, я тоже ушел, а на следующий день (как известно, хождение было только до 5 часов вчера) я узнал, что посуда и белье были даны доктором Балабаном.

И были такие распоряжения — еврейское население должно сдать свитера, фуфайки, шарфы, рукавицы... Дело подходило к зиме, они начали чувствовать, что нужно подготавливаться. Они начали на улице снимать с прохожих зимние рукавицы, а если под рукавицами оказывались часики, то и часики снимали совершенно спокойно. Мне рассказывали случай, когда с одного инженера сняли перчатки и часы в самом начале зимы, а он уже был на службе в каком-то германском учреждении, и после того, как с него сняли перчатки, показал удостоверение со свастикой, и сразу ему вернули и

перчатки, и часы.

12 ноября начали визитацию по квартирам: входили во двор и спрашивали, где проживают евреи. Ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру и начали первые эксперименты по грабежу.

В первое время было объявлено, что движение гражданского населения разрешается до 5 часов вечера, и к этому времени движение прекращалось.

Итак, заходили немцы из квартиры в квартиру, если в квартире евреи, откровенно, совершенно без стеснения подходят ко всем вещам: комодам, сундукам, буфетам, шкафам и начинают шарить. Приходят, сидит семья за чаем, сахар был тогда предметом не свободным к покупке, стоит сахарница с мелко нарубленными кусками сахара для чая вприкуску, подходит немец и высыпает содержимое в карман. Если найдет баночку с вареньем, маслом — все это было предметами не особенно встречающимися — забирали, точно так же забирали картофель во всех случаях. Вот первые шаги в течение первой недели — общая линия их поведения от грабежа к грабежу. Одновременно с этим вывешивали объявления от имени германского командования, что грабежи запрещены, — с одной стороны, они запрещены, с другой — проводятся официально. Немцы занимались самым низменным бандитизмом — начали с картофеля, сахара, с мелких запасов, а потом стали брать женские рубашки, платье, белье и все это вывозили в Германию. Обувь и женская одежда — все шло в Германию, о детском я не говорю — все забирали.

2 ноября еврейское население обязано было носить на обоих руках повязки со звездой. Я сам носил. В первые дни я носил, а потом перестал носить. Комендатура заметила, что перестали носить, и требовала беспрекословного выполнения приказа.

Иду я по Советской улице, идут немецкие солдаты, щелкают семечки, смеются между собой, разговаривают (на мне было неплохое зимнее пальто), идут и говорят: «Хорошо бы снять с него пальто». Это было днем. Ко мне один раз пришли около часу дня, обычно я уходил, чтобы не портить нервы в ожидании судьбы и не получать сцен. Если они вошли в квартиру, начинали шарить. У меня ничего для них не было ценного: библиотека была научная, но она не могла привлечь, продовольственных запасов не было, семья моя выехала в августе.

Работал я экономистом в системе НККХ^[92], научный работник, состою на учете специалистов народного хозяйства, по профессии экономист, кроме того, занимаюсь научной работой, литератор по библиографической группе.

У меня почти никаких запасов продовольствия не было — было около пуда муки, пуда полтора картошки, одна бутылка подсолнечного масла.

В одно воскресенье я был дома, стук в дверь, открываю — два солдата. Я по-немецки говорю: «Что Вы хотите?» «Здесь евреи живут?» Он делает движение войти в квартиру (я не трус, может быть, было большой опасностью встречаться), когда он сделал движение войти, я отодвинул его руку в сторону и сурово говорю: «Что Вам нужно в моей квартире?» «Мы желаем посмотреть». Чего смотреть — нечего. Один из них был зеленый парнишка, еще не очерстневший, а другой постарше. Парнишка говорит: «Ищем комнату для себя». Несмотря на то, что было запрещено жить по квартирам, они устраивались, старались устроиться в семье. Я говорю: «Я живу один, Вам не подойдет, затем Вам нужно обратиться в комендатуру, если нужна квартира — есть квартира пустая с мебелью, где жил инспектор Госбанка. Кроме того, хочу Вам напомнить, что висит объявление коменданта, что кражи по городу запрещены. Со мной приходится разговаривать как с человеком грамотным, в случае чего я беру Вас за воротник». Они извинились, щелкнули каблуками и вышли. Для видимости посмотрели пустую квартиру через комнату, извинились и ушли. Через несколько дней — было темно, и я завешивал окно одеялом, горела лампа, поэтому завешивал — слышу характерный стук костяшками. «Что нужно?» «Откройте». Открываю — гестаповец. «Тут евреи живут?» Направляется в первую, затем во вторую комнату. «Устройте свет». Я полез снимать ставни, начал снимать одеяло — устроил свет. Он осмотрелся, и первое, на что обратил внимание, — обилие книг. Книги на столах, диване, стульях. «Ваша профессия?» Я говорю: «Экономист, кроме того, занимаюсь литературой». «Это Вы все написали?» Вопрос показался странным, так как по внешнему виду он должен быть культурным. Я мысленно удивился и усмехнулся: «Нет, это было бы слишком много для одного человека». Говорю, что имею печатные работы. Он провозился несколько минут — потрогал книги, завернутые в бумагу от пыли, подергал плечами и ушел.

Примерно через неделю — числа 18-го ноября — появилось распоряжение Еврейского комитета, который, ссылаясь на распоряжение германского командования, извещал о регистрации всего еврейского населения. Объяснялось, что взрослые являются сами, о детях дают сведения родители. Комитет помещался на Фонтанной площади — напротив городской лаборатории. Потянулась очередь еврейского населения для регистрации, пошел и я.

При регистрации требовались такие данные: имя, отчество, фамилия, адрес, возраст, профессия. Я не помню, было ли еще что, на паспорте

делалась отметка от руки. Цели этой регистрации никто не знал: ни еврейское население, ни Еврейский комитет.

Что спрашивали профессию — мы думали, они хотели восстановить рабочие кадры, направление рабочей силы. Так еврейское население жило вплоть до 8 декабря.

Ежедневно поступали требования в комитет о присылке рабочей силы, приходило бесконечное количество народа. Приходили солдаты, офицеры и требовали послать женщин молодых, здоровых для уборки помещений, дайте столько-то десятков мужчин для физической работы. Там всегда толкалось большое количество народа. Кроме того, я вспоминаю, что еврейское население города являлось обязательно в комитет. Здесь было зарегистрировано около 12 тысяч человек, и всегда около комитета была громадная толпа.

Поступало требование дать полтора-два десятка женщин, выходил кто-нибудь и выбирал: «Вы, вы, идите за мной». Приводил в канцелярию и говорил: «Вот вам 15-20 человек». Людей брали на уборку помещений, на кухонные работы, на очистку от завалов улиц. Вся Севастопольская представляла сплошную свалку. На 3-4 день вся улица была завалена камнями — последствия бомбардировок, трупов не видел, потому что они были убраны, валялась масса лошадей.

Я шел по улице Розы Люксембург, где помещалась германская комендатура. Стоит немец и, когда я проходил мимо него, он говорит: «Заходи». Я недоуменно посмотрел и спрашиваю: «Для чего?» «Там тебе расскажут». Направляюсь, встречаю одного (из местных немцев), в свое время он скрылся от высылки, как многие делали, и оказался в роли распорядителя. Оказывается, нужно было переносить мебель из одной комнаты в другую, и мне пришлось участвовать в этой операции.

Когда они увидели, что еврейское население бедное, — они пришли из Варшавы, где еврейское население богатое — и спрашивают: где богатые евреи. Им говорят: «У нас нет». «Покажите», — говорили на разных языках немцы, не верили Еврейскому комитету, а евреи удивлялись, до какой степени они мало представляют еврейское население. Прошло несколько времени, они говорят: «Мы сами найдем». Гурвичу поручили сопровождать, чтобы он указывал наиболее зажиточных. Они должны были ходить и грабить. Посадили его в автомобиль, он говорит: «Думал, думал, куда везти, вспомнил, что есть юрисконсульт, потому что они хорошо зарабатывали, был Довгалеvский — вспомнил о нем и повез к нему».

Так и протекала еврейская жизнь, понемножку они вошли во вкус грабежа еврейского населения. Пришли к доктору Казасу, увидели бинокль

Цейса и забрали.

Здесь жил бухгалтер Фидлон. 2 ноября к нему пришли два немца и спросили, где живет еврей. Когда пришли к нему — предложили сдать вещи, он протестовал. Они говорят: «У тебя есть золото». Вытащили кортик и пригрозили. Не то сам отдал, не то сами взяли...

Так примерно шла жизнь до первых чисел декабря.

После переписи, о которой я говорил и которая проходила в течение 24 дней, комендатура потребовала от Еврейского комитета разработки материала сводки, и для этого дела дали несколько дней. Я был начальником сектора городского хозяйства УНХУ^[93] с девятилетним опытом, правда, я работал в области городского хозяйства, а не демографии. Я хотел помочь комитету, но меня опередили, проделали эту работу до меня. Здесь был полубухгалтером, полуэкономистом и работал в Госплане Нисселиович, он имел желание помочь комитету и много работал, не пропускал никакой работы, был значительно моложе, и этот Нисселиович взял материал в разработку. Он консультировался по кое-каким вопросам. Так ему приходилось иметь дело с вспомогательной рабочей силой, с людьми, хотя и культурными, но статистической работы не знающими. Составление сводки несколько затянулось, и ежедневно из комендатуры приходили и требовали эти сводки. С составлением сводки запаздывали, и ее требовали с угрозами.

Я переписал себе результаты. Результаты были такие: всего еврейского населения было 14 тысяч человек, включая крымчаков тысячи полторы. Это не было прежнее еврейское население города Симферополя, потому что в период военных действий из города Симферополя и других городов часть населения эвакуировалась, а с другой стороны, здесь оседали бежавшие из Херсона, Днепропетровска, естественно, они оседали, главным образом, в городе Симферополе. В Симферополь хлынуло население еврейских деревень Фрайдорфского, Лариндорфского района, Евпатории — все это осталось в Симферополе, потому что они повисли в воздухе. Здесь они считали, что будут в своей среде, в гуще еврейской общины, и в результате этого процесса мы обнаружили около 14 тысяч человек.

Не знаю, сколько было по переписи 1939 г., потому что данные еще не были опубликованы.

Таким образом, здесь оказалась часть местного населения, а часть из прилегающих районов.

7-го декабря зашла крымчачка — соседка, старая женщина, сыновья у которой были в Красной Армии, невестка работала в кооперации. Эта

соседка была женщина малограмотная, относилась ко мне хорошо и в трудную минуту пришла посоветоваться. В чем дело. Оказывается, из общины — Еврейского комитета — поступило распоряжение, основанное на распоряжении германского командования, чтобы все крымчакское население 8 декабря не позже 9-го декабря явилось на сборный пункт, который был назначен на площади Гельвига, где было студенческое общежитие педагогического института. Старуха плакала и говорила: «Это, несомненно, наша гибель». Я пробовал успокоить. Разговоров до этого никаких не было — не верил в возможность массового уничтожения.

Сюда приехал в составе германской армии профессор Карасик, профессор Венского университета, специалист по народоведению, я знал о его присутствии из связи с библиотеками. Библиотекари были добрые знакомые, и я узнал от них, что для него делается такая-то работа в Центральной библиотеке пединститута. Я заходил к ним и знал, что делают такую-то работу в трех библиотеках. Делалась работа по подысканию литературы. Я не знал существа его работы, но знал о задании библиотекам, но его задача была, очевидно, не ознакомление с населением в данной области. Когда пошел слух, я разъяснил ей, что ни о каком уничтожении не может быть и речи, он, может быть, ведет научную работу. Я думал, что он дойдет до измерения черепа. Крымчаки, несомненно, евреи, но отличаются языком, обычаи татарские, смешанные, молятся в еврейских синагогах на древнееврейском языке. Бытовая обиходная речь татарская. ...

Я слышал эти слухи и сам считал, что не может быть уничтожения целой национальной группы в 1,5 тысячи человек. За что же уничтожат, в моем сознании и понимании это не укладывалось.

На следующий день приходит соседка и говорит: «Было распоряжение взять теплые вещи, теплую одежду и продовольствие на восемь дней и явиться на сборный пункт». Старуха говорила: «Это гибель, мы с Вами больше не увидимся».

Какая-то тень начала падать и на мое сознание — я начал вдумываться, вглядываться, связывать одно с другим. Жидоедство висело в воздухе. Моя соседка попрощалась и ушла. Это было с 8 на 9-е декабря.

Затем оказалось, что такое же распоряжение имеется в отношении всего еврейского населения — явиться 9-10 декабря в студенческое общежитие на Госпитальной площади, в общежитие медицинского института против парка Ленина и здания обкома партии по Гоголевской улице (улица Гоголя, 14) — сборные пункты. Сроки явки 10-11 число.

Никаких объявлений совершенно не было ни для караимского, ни для

еврейского населения. Узнавали друг от друга. Я пошел в Еврейский комитет. Я мог узнать то, чего не могли узнать другие. Больных мест у нас было много, и в Комитете были всякие люди, которые рассказывали о грабежах. Узнал, что распоряжение поступило явиться на сборные пункты, захватив теплую одежду и продовольствие — это верно. 9 декабря я пошел узнать, и мне сказали, что это правильно, такое распоряжение получено от германского коменданта, что явиться нужно. В город уже проникал целый ряд слухов.

10 декабря было пять вариантов, смысл их сводился к следующему:

1) что еврейское население пошлют впереди германской армии, которая наступает на Севастополь, в качестве заслона;

2) что их пошлют на работу в Бессарабию;

3) что пошлют в колонии Фрайдорфского и Лариндорфского районов, так как озимые еще не засеяны, словом, пошлют для работы;

4) что всех евреев вышлют в СССР за фронтовую полосу;

5) и последнее — всех уничтожат.

Эти пять вариантов бродили в умах всего населения и в еврейской и русской части. Русская часть — окраинное население — тесно соприкасалось с военнопленными или людьми, которые пошли в порядке вольного найма: железнодорожные рабочие, рабочие с производства, некоторые производства уцелели, как завод №9, на железной дороге работало депо. Люди самым ходом жизни были втянуты в германизацию. Какой был вариант правильным, кто мог знать.

Я не верил в уничтожение.

10 декабря по городу утром разнесся слух, что явка отменена. Моя сестра жила отдельно, работала химиком горлаборатории, с высшим образованием, говорила по-немецки. Мы условились идти вместе. 10 числа утром я ее ждал, но она долго не являлась, затем пришла часов в 11 или 12 и говорит, что в городе есть слухи об отмене этого распоряжения, что слышала от соседки и еще от кого-то. Она решила, что нужно узнать из первоисточников, и обратилась в гестапо на Госпитальной площади. Она пошла туда узнать, нужно ли являться, и на нее набросились с криком (по-немецки она говорила не совсем свободно), что распоряжение пока не отменено. Она говорила, что должен быть приказ, говорила, что никаких распоряжений нет, предложение о явке — тоже только слухи. С этим она и пришла ко мне.

Мы решили, что если завтра пойдем, тоже ничего не потеряем, может быть, действительно что-нибудь изменится. Так прошел день 10, наступило 11-е число — последний день явки.

С 10-го на 11-е число ночь была тяжелая, нервы были напряжены до последних пределов, чувствовалась какая-то катастрофа, что ничего хорошего это не предвещает, даже отправка на работу, лучше во Фрайдорфский район (Крым. АССР), хуже в Бессарабию. Не укладывалось в голове, что могут послать на фронт впереди своих войск, допускали, что могут выслать за пределы СССР. Я совершенно не допускал мысль о расстреле. Люди собираются с детьми, стариками. Все, что было здорового, ушло в армию, честные, добросовестные люди ушли в армию.

Я говорю, когда я читал в течение летних месяцев газету «Красный Крым», это все мало отражалось, а центральные газеты редко попадали, потому что трудно было достать. Если освещалось, то в «Правде», «Известиях», а в «Красном Крыму» слабо, центральные газеты были малодоступными. Так что о том, что делали немцы, которые уже оккупировали территорию, было мало известно.

Я считал, что, несомненно, преувеличение политически нужно для создания в массе определенного настроения, но несколько краски сгущены.

По-видимому, окраина больше знала из своих соприкосновений с немцами, либо путем работы. Что бы ни было из пяти вариантов, но все они грозят катастрофой. Мне почти 60 лет, сестре тоже около 45, к физической работе она была не приспособлена. Мне почти 60 лет — какой из меня работник в условиях сельского степного района при отсутствии теплой одежды? Ничего у нас теплого нет — значит, мы «свернемся» быстро.

Я знал положение наших районов, особенно степной части, бывал в селах в 1931 г. Я экономист-плановик, мне приходилось докладывать на заседаниях РИКа^[94], и знал, что лучше кучи соломы на земляном полу там ничего не будет, и решил не идти и не пускать сестру. Для себя я наметил возможность пристанища у одного знакомого. В прошлом я оказал этому человеку очень большую услугу и на протяжении жизненного пути оказывал разного рода мелкие услуги и был вправе рассчитывать, что этот человек не откажет помочь.

Население двора было смешанное: русские, евреи, татары — там было до двадцати квартир. Я жил в этом доме 28 лет, ко мне все люди нашего двора относились хорошо. Я зашел к этому человеку 11 декабря и сказал о своем намерении и надежде. «Хорошо, приходите». Я сказал: «Сегодня в два часа дня я приду к Вам с постелью, Вы должны дать приют на некоторое время, как долго придется, не знаю». Договорились. Теперь нужно было подумать о сестре. У нее отдельный мир знакомых людей из химиков. Я решил, когда придет — я передам ей свое предложение и после

этого пойду на обеспеченную квартиру.

Жена уехала с семьей сына, он летчик, трижды орденосец, жена его — молодой профессор, русская, состоит в смешанном браке, жена — врач, работала на южном берегу. В августе все получили предписание выехать из Симеиза, жена с невесткой и двумя девочками-внучками выехали. У невестки была какая-то армейская бумажка, которая давала право рассчитывать, что ей будет оказано внимание в городе Турткуль, для сына это была база. До мобилизации он был в армии, а затем был командирован 19 августа — жена, невестка и двое внучат уехали.

Я решил, что уйду из квартиры — мебели нет, вещей нет, соседи поближе жили хорошие, относились по-хорошему в тяжелую минуту. Уходя из дома, я предполагал официально передать свою квартиру этому самому знакомому, он будет формально жить здесь — специалист, русский человек. Написал, что эта квартира принадлежит русскому человеку.

Староста пришел попрощаться и напомнить о явке, потому что кто-то из полиции обходил этот район города и давал распоряжение проследить, ушли или нет. Это было примерно около 12-ти часов. Сестры не было. Я уже начинал чувствовать, что нужно поторапливаться, потому что нужно зайти за ней, чтобы не нарушать срока. Староста пришел, я рассказал в чем дело, он скрепил подписью, что эта квартира принадлежит русскому человеку, расцеловались с ним, и я пошел к сестре, но сестры дома я уже не нашел. Когда я спросил, то оказалось, что на Архивной улице с 10-го по 11-е русская вспомогательная полиция ходила из дома в дом, из квартиры в квартиру и все еврейское население забирала. Значит, она была взята, вот почему она не пришла. Ждать я не мог, должен был спешить. Я вышел с портпледом, в котором было две смены белья, кусок мыла, взял думку и одеяло, квартиру закрыл на ключ, и ключ положил в карман. Я собирался ключ передать человеку, который впоследствии и будет там жить.

17 августа 1944 г.

... Было около часу дня. В моем распоряжении не оставалось времени для поисков сестры, и я вынужден был пойти туда, куда направлялся — скрыться от немцев. В этот день я ничего не мог предпринять. На следующий день, по моей просьбе, лицо, которое меня приютило, начало обходить сборные пункты с тем, чтобы установить связь с сестрой, но эти попытки ничего не дали, потому что сестру найти не удалось.

Остались последние часы, назначенные для явки, и по всем улицам города тянулись вереницы еврейского населения на сборные пункты с багажом в руках, в редких случаях — на линейках. Из нашего дома группа

жителей взяли линейку, нагроутили ее до отказа узлами, чемоданами, свертками и — направились. Потянулись и молодежь, и детвора, и старые люди. Тягостно было смотреть. Я вспоминаю лица, смотрел и на русских людей, тяжелое было впечатление.

12 числа, по моей просьбе сделать последние попытки разыскать сестру, мне было сообщено, что побывали на Гоголевской (здание Обкома партии), в здании Мединститута, но сестру встретить не удалось.

По городу висели трупы, висело 7-8 человек. В районе городского сада, на Ленинской улице, висел труп старика, на груди доска с надписью: «За неявку в срок».

12-го обнаружить сестру не удалось. 13-го — тоже не удалось. 13-го числа мне передали записку от нее, которая была передана одной еврейской женщиной, отпущенной немцами, сделавшими у нее на паспорте странную отметку: «Вирт нихт умгебрахт», — не должна быть уничтожена или не подлежит уничтожению, что-то в этом роде.

Был профессор Клепинин — автор целого ряда почвенных карт, который был женат на девушке из семьи Фригов. Семья Фригов состояла из пяти сестер, и все были за русскими. Одна сестра за Бобровским, другая — за Клепининым. Две или три пошли на эти сборные пункты и вовремя явились. Они сообщили о себе, что замужем за русскими людьми, и кто-то сделал им всем такие отметки в паспортах: «Не подлежит уничтожению».

Через нее сестра передала моим знакомым записку, в которой спрашивала обо мне. Эта записка у меня и сейчас имеется. Это было последнее, что я от нее получил. Между прочим, мне с этими сведениями принесли сообщение о повешенных на улицах города. Принесли сообщение, что доктор Русинов на территории больницы повесился, не желая делать жену свидетельницей этого акта. Его вынули из петли, и товарищи-врачи тут же на имя германского командования написали заявление, чтобы его не брали. Его привели в чувство, а затем за ним приехали и забрали.

После этого связь с внешним миром была прервана. Я стал жить ожиданиями, что делать.

В первые дни явки один из немцев, который жил в этом доме и имел соприкосновение с жителями этого дома и с лицом, у которого я жил, под влиянием настроений, которыми жил город, и, безусловно, косвенным образом это влияло на всех остальных, сообщил, что он был свидетелем массового расстрела евреев в Бухаресте и что у него был там приятель, врач в румынской армии, так он его не то из дома вывез, не то с места расстрела. Этот немец был начальником авточасти автопарка, а его

приятель-шофер был фашист. Он заставил его подать машину, посадил врача-еврея и вывез с семьей, куда я не помню, но спас его от расстрела. У меня явилась мысль, что, по-видимому, нечто в этом роде будет и здесь. Я говорю о том, что происходило в городе. Состояние, естественно, было подавленным, я чувствовал, что схожу с ума, мне стало очень тяжело. В сознании не укладывалось — понять чудовищное намерение германского командования об уничтожении 12 тысяч человек евреев. Город, население было терроризировано, люди просто боялись выходить на улицу, даже русские. Казалось, воздух даже изменился и был насыщен ужасом, кровью. Одним словом, все это произвело тягостное впечатление на все национальности, все люди тягостно переживали это явление.

В эти первые дни от явки уклонились многие, за что были повешены.

После этого по городу начались облавы только на улицах. Сначала действовала полевая жандармерия, задерживала прохожих и требовала предъявления паспортов. Совершенно очевидно, многие были задержаны, и не только евреи. Это были первые попытки прочесывания населения на улицах города. Происходили они довольно часто, по отдельным районам, улицам, в различное время дня, с небольшими интервалами. Так было в течение всего декабря 1941 г., а в начале января 1942 г., после 5-го, была первая массовая облава на все население города. Город был оцеплен по кварталам, районам, всюду были расставлены посты, которые направляли население в определенные пункты. С рассветом из улицы в улицу, из дома в дом, из квартиры в квартиру шли с обходом. Была сплошная, массовая, одновременная проверка населения, поиски оружия. Эта была первая проверка населения, а пришлось пережить пять. Тягостно было.

Лицо, которое приютило меня, уходило из дома. Я, стараясь оставаться незаметным, закрывал окно из комнаты. Окно из комнаты выходило на улицу, а общая дверь из комнаты выходила в коридор. Дверь старинной стройки, крепкая, массивная, была с хорошим американским замком. Я старался закрывать замочную скважину.

Я каждый раз, когда мой хозяин уходил, закрывал замочную скважину щеколдой, что не давало возможности заглянуть в комнату. У окна стоял стол, за которым я читал или писал. Так что, если бы заглянуть оттуда, то я был бы на фоне окна. Нижнее стекло было забито фанерой.

Я уже знал, что в городе идет облава и что, вероятно, немцы могут прийти и сюда. Мы не знали, как это происходит, что делается, проверяют сплошь или на выборку. Я был на страже, выхода не было. Надо было принять предохранительные меры. Я об этом не мог думать, потому что всякое движение было затруднено. Выйти на чердак или в подвал не было

возможности. Не было представления о том, как они будут искать. Я собрал всю силу воли, чтобы держаться в равновесии, потому что от этого зависит сохранение головы. Часов около девяти слышу по необычайным шагам, что явились немцы. Я привык разбираться в звуках, во всякого рода шагах. Нет сомнения, что в дом пришли немцы. Местное население немного говорило по-немецки. Дом этот большой, там было много комнат, но я слышу по шагам, что они подходят к нашей комнате, зашли в смежную комнату, подошли к моей двери, и раздался неистовый стук. Я никак не реагирую. Стук повторяется. Я решил молчать, что будет дальше. Я слышу голос немца, который спрашивает, кто в этой комнате живет. Ему отвечает женщина, русская, учительница, одинокая, у нее никого нет. Население дома, которое владело немецкой речью, дает объяснение, и тут же ввязывается в разговор немец, который жил в нашем доме. Очевидно, он был неплохой человек, по профессии — трактирщик на Рейне, и этот Вилли был настроен очень благожелательно, и офицер удовлетворился его ответом, но все же хотел попасть в комнату. Сделали попытку открыть дверь, но дверь была массивная, крепкая, с американским замком, сильно толкнули в дверь, но дверь не поддавалась. И вдруг я слышу самое ужасное, что рядом с ним скребется собака. Офицер, оказывается, пришел с овчаркой. Вы сами понимаете — овчарка может почувствовать через дверь, и так или иначе, офицер мог распознать, что за этой дверью кто-то есть. Здесь произошло то, что я иначе как чудом не могу назвать. В этом доме у одного из обитателей была собака, громадная, породистая, молодая, жизнерадостная собака, здоровая, крепкая, весь день она бегала по улице, играла с детьми, прохожими и домой попадала только вечером. В последний момент, когда был решительный стук в дверь, собака соседей каким-то чудом появилась в квартире, то ли она была недалеко, то ли ее кто позвал, но между собаками началась такая кутерьма, что немец побоялся за судьбу своей собаки. Вилли и офицер бросились разнимать собак. Офицер боялся выпустить из рук пса, а солдат не мог оттащить в сторону второго; наконец, удалось оттащить на некоторое расстояние.

После этой комнаты в эту сторону оставалась только одна комната, а в этой последней комнате столовались немцы-зенитчики. Мы знали, что бывают целые группы немцев. Прошло несколько мгновений, они отошли в сторону, и все успокоилось. Это была первая облава.

О судьбе еврейского населения немцы с местным населением не беседовали. В первое время они с населением не соприкасались, были какие-то преграды. Конечно, население не могло не интересоваться, и слухи о том, что произошло, стали проникать в городскую среду, сначала на

окраинах, потом — в центре, и докатились и до меня. Что-то глухое, о какой-то катастрофе, о массовом уничтожении еврейского населения стало проникать и упрочиваться.

Пошел слух о том, что какая-то часть женщин, выводимая из здания по улице Гоголя №14, выходила с поднятыми вверх руками, причем у этих женщин у двери сопровождавшие вырывали дамские сумки. Говорили и о том, что какая-то часть была выпущена с чемоданами, а другая — уничтожена; что выводили без вещей, с поднятыми руками.

Расстрел производился около Курмана. Говорили, что братские могилы были военнопленные. Расстрел проводили из автоматов. Затем говорили, что расстреливали на 8-ом километре, а в каком направлении, я так и не установил. Только так, связывая отдельные корни, я думаю, что это было по Феодосийскому шоссе у противотанкового рва. Вот скудные сведения, которые исходили от населения города.

В марте стали проникать слухи о том, что лица, находившиеся в смешанном браке, которые были отпущены, как вдова Клепинина и другие, будут также вызываться на сборные пункты. По всему городу ходят лица и устанавливают смешанные браки и детей от этих смешанных браков.

Здесь был Михайлов, приват-доцент с женой-еврейкой. Когда пришли за женой, он не хотел ее одну отпустить и пошел вместе с ней. Судьба его неизвестна. Мне удалось установить, что он домой не вернулся.

Слышал, что погиб внук Щиrowsкого, инженера, мать еврейка, она разошлась с мужем, а ребенок воспитывался у стариков. Пришли и взяли ребенка.

Слышал об одном случае: муж армянин, жена еврейка. Он не отпустил ее и пошел вместе.

Через несколько месяцев слышал о таком случае: дочь отбилась от своей семьи во время выхода на сборный пункт, осталась на улице, и ее приютили знакомые караимы и продержали несколько месяцев. Потом девочку вывезли в Саки, там была русская женщина одинокая, хорошо знакомая им, которую посвятили в существо дела и просили приютить, потому что боялись держать в Симферополе. Надо сказать, что русская женщина, приютившая эту девочку у себя, не знаю, как записала, но даже устроила недалеко от себя на работу. Девочка жила, меня занимала судьба этой девочки, и я просил свою знакомую, когда она была в этой караимской семье, наводить справки о судьбе этой девочки.

После большого перерыва, когда совершенно не было соприкосновений с хозяевами, все было в порядке, эта девочка, помогая по хозяйству, пошла куда-то по улице и встретила своего знакомого по

Симферополью. Она по-детски поздоровалась, тот очень удивился и спросил, очевидно, каким образом она сюда попала. Она рассказала, и будто бы к вечеру девочки не стало. Какие душевные побуждения были у того человека? Трудно сказать. ...

Все облавы, которые происходили по городу, все прошли над моей головой.

Во время второй облавы, она, кажется, была в марте месяце 1942 года, мне пришлось из комнаты выйти. Там было много комнат с большим количеством темных закоулков. Была небольшая кладовая, в которую вход был закрыт. Во время первой облавы немцы прошли, не заметив этого помещения. Ключ от этой кладовой был у моей хозяйки. В кладовой хранилась очень большая медицинская библиотека, медицинский инструментарий, географические карты, а затем помещен всякий хлам: доски, кровати.

Мне пришла мысль укрыться в этой кладовой. Но это трудно было сделать, так как было непрерывное движение по всем коридорам. Нужно было уличить мгновение, чтобы попасть в эту кладовую. Эту операцию сделали вскоре после облавы. А облава была на рассвете. Часов около пяти прошел слух, что в городе идет облава, и мы решили, что нужно переходить из комнаты в кладовую. Перешел в кладовую. Движение в доме было слабое. Моя знакомая стояла в коридоре на карауле и дала знак о том, что можно из комнаты выйти, прошла в глубину и стала на пороге. Я зашел в кладовую в пальто, шапке, спрятался за шкафом с книгами, причем мы договорились, что, когда в доме начнется облава, я зайду за шкаф и заставлю себя диктовой доской. Ключ от кладовой был у моей хозяйки. Она закрыла за мной дверь и ключ положила в карман. В дом пришли немцы. Она подошла к кладовой, кашлянула. Я зашел за шкаф, заставил себя диктовой доской, передвинул книги; из книг устроил небольшое сиденье, сверху было заставлено, загромождено всевозможными вещами. Я слышу по движению, что приближаются шаги, слышу, что подходят к этой части квартиры, остановились около этой двери. Первый раз не заметили, а потом спрашивают по-немецки, что находится в этой комнате. Соседка говорит: «Кладовая небольшая, вся завалена книгами». «Где ключ?» — спрашивают. Говорит: «Сейчас принесу». Открыли кладовую. Он заинтересовался массой книг и инструментарием, чемоданами и начал брать книги на выдержку, начал двигаться по этой кладовой, хотя там буквально некуда ногу поставить. Отошел к щели, которая была заставлена, отодвинул стенку, взялся за диктовую доску и, по-видимому, как ни сумрачно было в этой кладовой, он увидел контуры моей фигуры и вдруг совершенно

явственно говорит: «А».

Я решил, что на этот раз, кажется, мне уйти не удастся. Нужно было собрать все свои силы, чтобы не подать вида, и чтобы не подумали, что «жиды» цепляются за жизнь и умереть не умеют.

В самую последнюю секунду произошло такое событие. Очевидно, на его сознание пала пелена. Книги не дали возможность видеть того, что было вокруг. Он совершенно спокойным движением поставил фанеру на место и заявил хозяйке, что через 15 минут придет солдата забрать книги, инструменты и т.д.; вышел из кладовой, закрыл дверь на ключ и ключ положил в карман и ушел. Через 15-20 минут пришло 5-6 человек солдат, но меня уже не было в этой кладовой. Представляете, какой был риск. Это было трудно сделать, потому что за мною могли наблюдать тысячи глаз. Мне нужно было выйти из кладовой, чтобы никто из соседей, немецких зенитчиков, не видел, и надо было уйти до истечения 15 минут.

Словом, меня не открыли, я вышел из этой комнаты уверенно, спокойно, прошел в дверь комнаты, которая предварительно была оставлена открытой, и закрыл ее за собой. Моя хозяйка закрыла кладовую, вернулась в комнату. Солдаты пришли с ключом и соседку хотели взять только в качестве переводчицы. Эти шесть человек солдат занялись самым тщательным образом работой, потому что забрали всю библиотеку, книги по медицинской части направили в лазарет, а остальные — в библиотеку для обслуживания госпиталей.

Я вспоминаю то, что мне пришлось пережить. Я был потрясен не тем, что ушел и второй раз. Был потрясен участием какой-то посторонней силы, которая вмешивалась в мое скромное существование. Таких случаев было пять. Один раз пришлось спрятаться в подвал, в четвертый раз — на чердак и один раз — на другой квартире, в которую хозяйка моя во время массовых переселений перешла: с Луговой на Крестьянскую. Нужно было сделать переселение так, чтобы не заметили ни старые соседи, ни новые, чтобы меня не видели, а также не видели те, которые будут выносить вещи. Пришлось продумать каждую мелочь. Пришлось уйти на чердак в тот день, когда хозяйка решила перебираться. Было два часа дня. Немцев-зенитчиков в доме уже не было. С самого утра на рассвете пришлось перейти на чердак с тем, чтобы вечером моя знакомая придет, дверь будет широко открыта, все могут заглянуть, посмотреть в комнату, а вечером она должна была прийти (движение было разрешено до семи часов вечера). Это было в конце сентября или начале октября. Все видели, что она перешла на жительство в другую квартиру. Она была единственная квартирантка у хозяев — двух супругов. Дверь была отдельная, словом, можно было придти, не беспокоя.

И во второй квартире на Крестьянской улице пришлось пережить посещение немцев. Они весной 1942 г. в солнечные дни облюбовывали жилые помещения. По квартирам ходили немцы, зашли и в эту квартиру. Хозяева были старые люди. Они пытались всякими поводами отвадить немцев, говорили, когда приходили немцы: и печи развалены, и то плохо, и это плохо. Это было в начале пятого, уже близко к темноте. Пришли в коридор, раздался стук в дверь. Немец спрашивает, не найдет ли он здесь для себя подходящую комнату. Хозяйки не было. Я стеснялся подходить. Они подошли к двери, и немец просит открыть эту дверь. Хозяева говорят: «Как же быть, дверь закрыта, ключа нет, открыть нельзя». Офицер подошел к двери и начал стучать. Тогда хозяйка говорит: «Может быть, попробовать нашим ключом открыть». Муж говорит: «Открой». И хозяйка пошла за ключом. Передо мной стала задача, как быть. У нас были такие возможности: у моей хозяйки были два шкафа, один — платяной, другой — буфетный. Эти шкафы стояли друг от друга на небольшом расстоянии, таким образом, чтобы можно было зайти, между шкафами было небольшое расстояние, но такое, что я мог стоять. Комната была небольшая, загромождена кушеткой, кроватью, столами, стульями, шкафами, а шкафы стояли на другом конце комнаты. Когда хозяйка пошла за ключом, я стоял неподалеку и зашел за шкаф и спрятался за ним. Если бы немец вздумал подойти ближе, то обнаружил бы меня, но и на этот раз дело обошлось благополучно. Хозяйка чувствовала себя неважно, что в отсутствии жилицы открыли комнату. Когда открыли, все стояли у входа. Комната, правда, непрезентабельная. Хозяева говорили, что в этой комнате живет учительница. Дверь закрыли. Домохозяйка чувствовала себя неловко, почему я говорю это, что даже не сообщила моей хозяйке о том, что заходили немцы. Вот это была последняя тревога.

Занимался я книгами, читал, писал; я занимался библиографическими работами. Обо мне как о библиографе, есть отзывы, у меня есть печатные работы по библиотечной группе. Были составлены целые каталоги-картотеки по разным вопросам, что представляло большую ценность для меня и известную научную ценность. Часть библиотечного материала удалось вынести. Это давало возможность держаться и работать спокойно.

Общее настроение было тяжелое. ... Тяжело было после взятия Керчи и еще более тягостно после взятия Севастополя. Пока Керчь и Севастополь были советскими, как-то теплилась надежда на скорое освобождение. Когда немцы взяли Керчь, Севастополь, проводили перешивку железной дороги, переименовали улицы на немецкий лад, я почувствовал себя похороненным.

Конечно, взятие Керчи — не конец войне. В войне возможны всякие изменения. Немцы знали, может быть, что придется Крым отдать. Советские люди были уверены, что Крым будет освобожден, но нужен был отрезок времени, чтобы проделать мозговое усилие, чтобы привести себя в известное равновесие.

Было голодно, холодно — всему населению вообще и моей хозяйке в частности. Даже наши скудные запасы, которые удалось сохранить: пуд муки, пуда полтора картофеля, бутылка постного масла, начатая баночка смальца, которую мне принес один знакомый русский плотник, встретил я его как-то в районе Феодосийского моста. Спрашивает: «Как вы поживаете?» Это было 3-4 декабря. Я говорю: «Голодно и трудно со всех сторон». Он говорит: «Я вам кое-чем могу помочь, я зарезал кабана и вам немножко принесу сала». И действительно, принес. Даже было так дело, он не застал меня дома и отдал моим знакомым Кенифест, и просил мне передать. Вечером я возвратился, и они принесли смалец и еще кое-что. Кроме того, у меня было крупы килограммов 12. Этим мы жили месяца три. Ели один раз в день, картошку варили в кожуре, из муки делали клецки, клали немного крупы, ложку масла и получалась какая-то пищевая бурда.

Затем начались усилия по восстановлению пединститута, и мою хозяйку привлекли в качестве библиотекаря, она приводила в порядок библиотеку, получила хлебную карточку, и мы делили хлеб по 150 грамм; затем она получила частные уроки, давала их за продукты. Жили впроголодь, трудно рассказывать. Варили только вечером, плита была без тепловых ходов, кончил топить — и все тепло улетучивалось. Я боялся шевелиться, чтобы не было никаких звуков. Вечера приходилось сидеть в темноте из-за того, чтобы не было признаков света.

Так протекала жизнь в течение двух с половиной лет.

Газеты я читал регулярно, не только «Голос Крыма», но и немецкую «Дойче Крым Цейтунг». В немецкой газете, а она была рассчитана на обслуживание средней массы, там были антисемитские выпады в ничтожном количестве, они обслуживали среднюю массу, и пропаганда была, очевидно, направлена по другим каналам. ... Антисемитскую литературу дореволюционного периода я знал, но то, что собой представлял «Голос Крыма», не идет ни в какое сравнение. Это было что-то жуткое. Если вы читали газету из номера в номер, то вы видели, что из себя представляла эта газета, одна за другой статьи антисемитского характера. Трудно себе представить, до какой степени изощрялись, до какой степени были сосредоточены высказывания, например, под руководством

германского представителя Маураха, который здесь возглавлял бюро пропаганды. Отец был хороший врач-окулист. В 1920 году выехал в Германию, сын воспитывался в Берлине. Этот мальчишка попал в Германию в 1920 году, а сейчас уже приехал как деятель бюро пропаганды. Гитлер в 1920 году только начинал делать первые шаги. Доктор Маурах умер, семья попала в тяжелое положение, и мать пристроилась к фашистскому движению, и на этом фоне сын Маурах воспитался в Германии и явился сюда в качестве представителя бюро пропаганды. Сынок этот давал до того концентрированную антисемитскую продукцию, что трудно себе представить. С каждой строчки проглядывал антисемитизм площадной, грубый, вульгарный, рассчитанный на низменные наклонности. Это был основной лейтмотив, который проглядывал во всем материале: в статьях, в фельетонном материале. Чувствовалось, что та группа людей, которая представляла эту газету, совершенно ясно ставила цель — создать психический заслон тому, что делали немцы в Крыму. Это была какая-то маскировка, жидоедство, это была ширма, которая поддерживалась целым рядом координированных усилий. Они все каналы жизни подчинили этой газете. У них в редакции в кабинете замредактора сидела барышня, просто технический работник, сидела и внимательно выписывала из дневника писателя Достоевского, где были антисемитские высказывания, затем Суворина, Розанова, Шмакова — это были солидные книги, и барышня целыми днями выписывала этот материал для статей Быковича^[95] и других.

Гитлеризм наступал не только на хозяйственную жизнь, но и на психику населения. Это была лаборатория, в которой изготовлялся яд. Этот яд не прошел бесследно. Этот антисемитизм отравил население — не то, чтобы все принимали всю лживость, но вбирали в себя это печатное слово.

Совершенно исключительно, что произошло в Симферополе 12 апреля^[96], когда горело около 400 крупнейших зданий. Весь горизонт представлял сплошное море огня, горели архивы. В разных частях города горели здания, склады, и, в довершение всего, вечером по городу начали разъезжать автоматчики и бросать бомбы в жилые здания. Чувствовалось, что они в какой-то лихорадке.

13 апреля были партизаны, которые дали небольшой, в течение одного часа, бой.

В районе Архивного моста партизаны сделали заслон, а вечером 13 числа я вышел в первый раз из своего 28-месячного заточения. Прошел по городу, встретил нескольких знакомых русских, которые встречали меня со

слезами, объятиями, пожатиями, а 14-го я пошел на свою старую квартиру. Настроение встретил хорошее. Русские люди обнимали, плакали, удивлялись, встречали поцелуями и объятиями. В своей квартире я застал татарскую семью. Немцы взломали квартиру, уничтожили часть книг, то, что было на столах, стульях растаскали, часть книг была продана в комиссионном магазине, а часть, та, что была в шкафах, сохранилась. Они в начале в моей квартире устроили для небольшой группы людей казино. Казино существовало шесть месяцев. Все имущество было вывезено жилотделом, а книги сданы в центральную библиотеку. Сейчас я получаю их обратно. На моих книгах есть значки. В центральной библиотеке подбирают книги для пединститута, парткабинета и выбирают мои, откладывают в сторону, а вообще моя библиотека состояла из 2000 томов — это труд сорока лет работы, ценность всей моей жизни. Очень много книг погибло, часть рукописей, коллекция планов города Симферополя, которые я собирал продолжительное время. Все это, к сожалению, погибло.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.37, лл.71-106. Подлинник.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЕМ Г. СИМФЕРОПОЛЯ СИРОТОЙ ИЛЬЕЙ ИСАЕВИЧЕМ, ПЕРЕЖИВШИМ ХОЛОКОСТ.

16 февраля 1945 г.,

28 мая 1945 г.

Родился на Украине, в Запорожской области, Новотроицкий район, село Николаевка в 1891 г., в Крыму живу с 1926 г. По социальному положению служащий. Война застала меня в Симферополе, я работал в Аптекоуправлении, до последнего момента не мог эвакуироваться ввиду того, что меня назначили заместителем заведующего базой, и на моих руках была база до последнего момента. База снабжала воинские части. До последнего момента я не получил разрешения на выезд. Семья не уехала, жена работала в том же складе, правда, она могла без меня уехать, но не хотела, а так же и дети.

Мы переживали большие налеты немецкой авиации, бомбежка началась с числа 25-го, то есть, дней за пять до прихода немцев, налетало самолетов по 30-40.

Я жил в Советском переулке, там, где проходит Нижне-Госпитальная улица. Поблизости бомбы падали, так, например, в дом Крылова упала бомба, все дома вокруг были разрушены, а наш маленький дом остался.

После бомбежки 2 ноября я вышел из убежища часов в 10 утра, в это время я находился в Доме специалистов на Жуковской, семья моя была в каменоломнях за Сергеевкой^[97]. ... Тут я увидел немцев, вид у них был зверский. Я хорошо знал, что нас ждет, ничего хорошего не ожидал. Мы знали, что мы обречены. Несколько наших сотрудников были евреями, и они хорошо знали, что их ожидает. Особенно я хорошо знал. Один командир нашей армии, отступавшей с Перекопа, был мне знаком, он рассказывал, что когда немцы высаживались в разведку в Геническе на Арабатской стрелке, то там они расстреляли евреев. Как только немцы вошли в Геническ, там сразу, на второй или третий день, все еврейское население было расстреляно, оно там было небольшое, несколько тысяч. Так что я хорошо знал, что нас ожидает. Плохо то, что я пропустил случай уйти в лес к партизанам, можно было уйти в лес. Многие из моих знакомых ушли в лес из армии. ...

2 ноября, когда я увидел немцев, я пришел в квартиру на Жуковскую к

сестре ... Мы с зятем не пошли в город, а послали женщин на разведку. Сестры еще не пришли, а во дворе дома учителя стал собираться кучкой народ. Я спустился вниз, пришла одна учительница и говорит: «Господа, я могу сообщить вам приятную новость. Есть приказ Гитлера, в котором говорится, что он воюет не с нами, а воюет с жидами и коммунистами». Большинство присутствовавших реагировало на это заявление плохо. Но были и такие люди, которые радовались, целовались и обнимались. Вернулась сестра, я поднялся наверх. Младшая сестра ударилась в панику и стала кричать на меня, что я столько лет работаю и не достал яду, чтобы отравиться. Она сама видела этот приказ, читала его. Это, вернее, был не приказ, а воззвание, пунктов сорок, каждый пункт оканчивался и начинался словами «жид» и «коммунист». Говорилось, что Германия воюет исключительно с жидами и коммунистами, что русский народ может быть спокоен, его не тронут.

С этого началось. До 10 ноября были созданы общины, которые должны были зарегистрировать всех евреев. Председателем комитета общин вошел Бейлинсон, скрипач из кино «Большевик», и второй из Жилсоюза, я вместе с ним работал, и он не знал, что я еврей, и удивился этому и спросил меня, почему я пришел на регистрацию. После регистрации все евреи должны были носить знак Соломона^[98] на левой стороне груди, величиной 10 см в квадрате. Я не носил знак Соломона, также и моя семья не носила. Зять носил и был избит немцами. Приказа такого не было, что евреям нельзя ходить по тротуарам, но когда навстречу немцам попадался еврей, то они всегда его избивали. Зятя избили около того места, где была милицейская столовая на базаре. Там была и регистрация евреев со двора. Народу на регистрацию приходило много. Проверяли паспорта, записывали фамилию, имя, где живет и год рождения. Случаев избиения евреев было много.

В здании автостанции был большой склад. В воззвании было сказано, что на самые тяжелые и грязные работы мобилизуется еврейское население. На этом складе в автостанции работали евреи. Работа была тяжелая, заставляли нагружать и разгружать тяжелые мешки по 6-8 пудов. Поднимет мешок и упадет — его тут же избивают. Раз упадет — значит, избивают.

На второй же день после вступления в город немцы повесили несколько человек, на Малобазарной около здания автостанции. Пять человек висели около городского сада на столбах. На большинстве трупов было написано «За грабеж»...

После регистрации евреи одели знак Соломона. В общину все евреи

обязаны были являться ежедневно, отсюда немцы забирали их на работу. Я сам на работу не ходил, знака не носил, и до самого приказа не ходил на регистрацию. В паспорте у меня указано — «еврей». Евреи выполняли самую грязную работу. Чистили картофель, уборные. Сестра моя, учительница, почти все время была использована на работе по очистке уборных, убирала уборные на базаре. Женщин возили в госпиталь, где была раньше первая советская больница, там они чистили уборные, на консервном заводе работали по очистке картофеля и нечистот. ...

Немцы дали общине приказ собирать вещи. Кроме того, немцы сами ездили с машиной и ходили по еврейским квартирам, забирали всякие вещи. Был дан приказ собрать десять коверкотовых костюмов. Бейлис, председатель общины, был за невыполнение этого приказа избит. Дальше последовали приказы о сборе посуды, подушек. ...

10 декабря появился приказ. Наша соседка, она сейчас жива, русская старушка, ей, наверное, лет 90, она видела на столбе в нашем Советском переулке небольшую бумажку, в которой было написано, что все еврейское население, невзирая на возраст, должно явиться в обозначенные пункты — в мединститут и в здание бывшего Обкома, имея с собой носильные вещи и на пять дней запас продуктов. Это у меня запечатлелось на всю жизнь. Мы обдумали все это, у меня собрались все русские, мои знакомые, в большинстве русские. Они мне советовали не идти, и, во всяком случае, не идти моей семье. Я все-таки побоялся. Ко мне пришел брат, он совсем создал панику, и мы 11 числа пошли. Я явился в Обком партии, здесь как входишь, в вестибюле сидел переводчик немец и двое русских полицейских. Забирали паспорт и документы, а выход был один — во двор. Когда мы туда пришли, там народу было очень много. Мы с братом имели только продукты на пять дней. Вещи при входе в здание тотчас же отбирались. Один из моих знакомых привез вещи на двух линейках. Он верил до последнего момента, что поедет в эвакуацию. Были такие, которые требовали расписку о приеме вещей, многие не хотели отдавать. Но им говорили, что вещи будут отправлены отдельно.

Когда мы вышли во двор здания, народу было очень много, и уже были крики и слезы, потому что вещи были отобраны, и вообще, по обращению немцев с евреями было видно, что это конец. Разговор был такой, что евреев увозят, потому что уже увозили народ с этого двора, отсчитывали по 40 человек на машину и вывозили со двора. Детей отобрали там же. Сказали, что есть специальные детские дома, туда будут детей направлять. Матери детей не давали, их вырывали насильно. Днем было еще кое-как терпимо, а ночью был ужас, женщины плакали.

Вечером часов в девять пришел офицер и солдаты с фонарями, отобрали молодых девушек. Мы сидели в темноте, а кое-кто жег плошки. Офицер отбирал девушек, а солдаты уводили их, куда они потом направлялись и где они — неизвестно. В особенности грудных детей матери не давали, это была ужасная картина.

В тех семьях, где были матери с девушками, при отборе девушек офицером, были ужасные сцены прощания. Помню один случай, двое стариков и дочь у них была очень красивая. Мать ее не хотела отпускать, офицер схватил мать, а двое солдат девушку, и таким образом оторвали ее от матери.

Из нашего двора была одна еврейка, у нее были четверо детей, муж ее работал в клубе НКВД киномехаником, звали ее Эсфирь. У нее забрали всех детей, это было ужасно, она маленькая, тщедушная, обхватила всех четверых, ее немец чуть не задавил, когда отрывал от детей.

Я всю ночь ходил по двору. Там же была моя сестра, детей у них не было, у одной сын был тогда же эвакуирован... Мой дядя имел большую семью, но они были в другом пункте сбора — в мединституте.

Особенно ужасна была ночь: дети просили воды, воды не давали, и нас патруль не пропускал за водой, били прикладами. Патруль был немецкий.

Настроение было такое, что все ожидали конца. Утром часов в десять я попал в число 40 человек. Эта обстановка, женские крики и слезы, эта ночь убила в нас все. Ни о чем не думал, знал, что сопротивляться бесполезно, только думал — скорей бы конец. Хорошо знал, что расстреляют. С этим я смирился с момента выхода из дома. ...

Когда нас отсчитали 40 человек, вывели через садик на Пушкинскую улицу, и через калитку вывели на улицу, там стоял автобус. День был пасмурный, падал снег, а лежавший на земле снег таял. Нас посадили в автобус, с нами два немца, они сопровождали нас. При входе стояли два солдата, около ограды стояли также солдаты.

Ночью, когда были в здании, среди некоторых евреев был спор и упреки друг другу, почему не уехали. Некий Фукс мне говорил, что он виноват в том, что я погибаю. Он человек с высшим образованием, до высшей степени человек умный. Я его как-то спрашивал: «Вы человек старше меня и изучали книги, скажите, как быть?» Он мне сказал, что согласен, что будут гонения, но он никак не согласен с тем, что будут расстреливать. И теперь, находясь в здании обкома, он мне сказал, что я погибаю из-за него. Я ему сказал, что теперь уже поздно. Я вполне сознательно шел на смерть, своего личного «Я» у меня не существовало. Страшно больно было попрощаться с домашними, это был тяжелый момент,

но как только мы вышли на Малобазарную, я сказал брату: «Витя, все кончено, чем скорее — тем лучше. Дай Бог только, чтобы нас не мучили». Я был подготовлен. Мы с братом ходили всю ночь, думали достать воды.

Выводили партиями то женщин, то мужчин, немцы садились в автобус — один впереди, другой сзади. Задушить их никто не подумал, как-то не пришла такая мысль в голову, но если бы решились, то могли бы это сделать.

Ехали мы по Феодосийскому шоссе в направлении через Сергеевку. На Феодосийском шоссе стояли женщины и махали нам руками, прощаясь с нами. Они кричали «прощайте». Это было на повороте трамвая на Красную Горку.

Нас довезли до противотанкового рва против совхозного птицетреста, примерно на 13 километре. Недавно я там был с работниками НКВД, в яме там видел куски морского бушлата.

Когда нас подвезли к противотанковому рву, машина остановилась. В левой стороне рва стояли женщины, там я увидел сестру. Нас подвезли, сбросили и велели раздеваться, снимать верхнее. Я снял галоши, а сапоги не снял, снял пальто. Против нас, может быть метрах в десяти, стояли военнопленные, человек сорок, их привезли, как я думаю, чтобы зарывать трупы.

... Над рвом стояли женщины без головных уборов, но одетые, без пальто. Напротив женщин стояли станковые пулеметы и ходили немцы с бляхами, страшно пьяные, разговаривали между собой. У старшей сестры поднялись волосы от ужаса, а остальные стояли и смотрели в ров, из рва были слышны крики и стоны.

Когда я снял галоши, ко мне подошел немец и сказал: «рус, ком». Я пошел за ним. Когда я повернулся идти к нему, раздался пулеметный залп, все повалились. Он повел меня сзади пулеметов, там лежала груда одежды, хорошие пиджаки, женские платки, теплые кофточки. Он заставил меня бросать вещи на машину, машина была пятитонная. Когда я стал это делать, у меня появилась мысль: если я буду в машине, и меня увидят, то меня снимут и расстреляют. Я решил так: если кто сядет на машину, он меня убьет, а если никого не будет, то, может быть, я спасусь. Я навалил полную машину и зарылся сам в эти вещи, минут через пять машина тронулась. Я подождал несколько минут и стал вылезать, посмотрел — никого сверху не было. Заглянул в окно — проводник сидел рядом с шофером. Я захватил чье-то пальто и соскочил с машины под Сергеевкой. Я разбил колено, но сгоряча не почувствовал боли. Пошел я в город на Гоголевскую, 60, там жил татарин, он артист, работал в татарской труппе. Пришел я к нему и

спрашиваю: «Примешь меня?» Он меня с радостью принял. Он жил не в своей квартире, а в квартире ответственного работника, коммуниста, квартира хорошая, татарин ее занял при немцах. У него я жил два дня, квартира имела два выхода. Когда он уходил, то меня запирали, вешали замок. Рядом была еврейская квартира, туда приходили немцы, искали евреев. Как только я слышат шорох, я выскакивал в другой коридорчик.

Этот татарин пошел и сказал моей семье, что я жив, отнес им мою записку.

В записке к семье я написал, что остался жив. Он обратно возвратился в тот же вечер и сказал мне:

— Дядя Илюша, немцы вешают за сокрытие евреев.

Это сообщение на меня сильно подействовало. Было уже четыре часа, и уходить было нельзя, немцы разрешали хождение только до четырех часов. Я решил остаться до утра. Он меня запер и ушел. В эту ночь приходили опять рядом в квартиру, искали еврейку, которая жила рядом, я слышал все разговоры и думал, что если вздумают открывать дверь, то я выскочу через другую дверь. Ночь прошла благополучно, утром он пришел. Я увидел по его лицу, что мне нельзя здесь оставаться. Он мне сказал, что видел уже повешенных за сокрытие евреев. Когда он пришел, я сказал ему:

— Знаешь, Рефат, я пойду домой, потому что ты из-за меня можешь пострадать и меня не выручишь.

Он меня не пускал, но я сказал, что все-таки я пойду домой. Я только попросил его, чтобы он шел позади меня, в случае, если меня схватят, чтобы он мог сообщить моей семье о моей судьбе.

Так мы пошли с ним по внешней улице, я впереди, он сзади шагов на двадцать. Дорогой нас никто не задержал, и мы дошли благополучно до «толкучки», свернули на Севастопольскую. Там, на углу Фонтанной, я увидел — висел один повешенный с надписью «За скрывание жида». Я благополучно дошел домой (Советский переулок, 10). Рефат хотел зайти, но я ему сказал, чтобы он не заходил, может быть, кто из соседей увидит. Он вернулся. Я пришел в дом и стал с женой советоваться, что делать дальше.

Я шел спокойно, но каждый переулок мне казался засадой. Я не боялся, что меня убьют, но впечатление от висельников осталось тяжелое. По улицам народ бежал, не смотрели друг на друга. Чувствовалась растерянность, это было тяжело видеть.

Жена мне сказала, что в течение этих двух дней, что я не был дома, она сделала разведку через одну русскую женщину, которая жила у нас до немцев, она была нам очень предана и ходила к нам и теперь. Она сделала разведку и убедилась, что кругом города стоят заставы, выйти из города

нельзя.

Разговаривая с женой, я вспомнил, что хозяин дома когда уезжал, то сказал мне, что в доме есть двойная стена, выходящая к соседям рядом, потолок общий, примыкает непосредственно к соседской стене, если будет нужно что-либо спрятать, вещи или продукты, то можно туда спрятать, там сухо и все сохранится. Это две фундаментальные стены и между ними сухое место, где можно сохранить и никто не догадается, но для этого нужно прорубить фундаментальную стену в конце дома и можно пролезть в пустое место между соседями и нами.

Когда эта мысль пришла мне в голову, я сказал жене, и мы решили посмотреть, что это за место. Дождалась вечера, то есть четырех часов, когда по разговору на улице мы догадались, что уже пошли патрули, значит, четыре часа и всякое хождение по улицам прекращается. Мы прорубили стенку, там оказался узкий проход, лежать было нельзя, только сидеть и стоять. Жена втокнула мне туда перинку, в бутылку налила воды, я туда залез, меня замуровали, жена замазала стенку, побелила на чердаке (мы пробрались туда через чердачный ход). Потом жена слезла вниз, и мы с ней договорились что она будет стучать в стену, чтобы я указал ей место в стене. Я стучал, и в полуметре от потолка она пробила дырку, чтобы можно было переговариваться. Вырубила кусочек дерева, обмазала его глиной и затыкала эту дырку после разговора. Между стенками я взял с собой лом, топорик, и, когда не видела жена, я взял бритву. Я решил, что живым оттуда не выйду, чем сдаваться — лучше умереть. Так начался день. Там было темно, я постучал, она открыла отверстие, я говорю:

— Утро, а у меня темно.

Я пробуравил отверстие шириной в большой палец, и луч света ударил прямо в стенку. Жена спросила: «Ну, как тебе?» Я сказал, что мне хорошо, я выспался.

Часов в десять утра залаяла собака во дворе, я глухо услышал топот ног. Оказалось, что пришли из полиции русские. Сделали повальный обыск, искали, где муж. Жена сказала, что муж ушел давно. Он ушел, а через часа два пришли и забрали жену и дочь. Я этого ничего не знал.

Мы с женой условились. Рядом с этой стенкой была темная комната, в которую ход был из сарая, в комнате висел рукомоиник. Мы уговорились, что если ее будут забирать, то она придет туда и будет стучать рукомоиником, закричит «Верочка, собирайся, пойдем». Но этого она не успела сделать, когда пришли первый раз. Когда же пришли через два часа за ними, она пришла в темную комнату и стала стучать рукомоиником и кричит: «Верочка, собирайся, пойдем!». Я все понял, их забрали часа в два

дня. Я решил, что раз их забрали, значит — все. Жена моя русская. Можно себе представить мое состояние. Но выбраться оттуда я не решился. По узкой полоске света я наблюдал, что наступает конец дня, и часа в четыре свет совершенно пропадал, я понял, что наступает ночь. Патрули кругом громко разговаривают, собака принялась жутко выть, ведь во дворе никого не осталось, я в эту ночь чуть было не рехнулся, но все-таки решил еще подождать. Думаю, если утром не вернутся, то надо кончать. Выбраться я все-таки решил. Но день этот переждал, смотрю — луч света уходит, а никого нет. Не знаю, чем объяснить, но я все-таки переждал еще ночь. Это уже была вторая ночь без семьи. Собака эту ночь так выла, что нельзя было места найти. Тут самому не знаешь куда деваться, а еще собака воет. Свет у меня появился не раньше девяти часов утра.

В бутылки у меня было литров шесть воды. Во рту все высыхало, воду пил, а есть не хотелось, даже о еде и не думал. Первый день ел, когда семья была тут, а когда уже их забрали, то только пил.

Стал ждать, думаю: ну, если сегодня не придут, значит, все. Решил твердо кончать это дело, что же жить без семьи?

Часа в два дня слышу: собака залаяла, хлопнула калитка быстро. Я решил, что наша знакомая русская женщина имела ключ и она пришла проведать меня, она знала, что я там нахожусь. Рядом со мной был большой сарай, слышу: дверь отворяется в сарай — а в сарай ход знала только одна жена. Она через сарай пробежала и вскочила в темную комнату и стала кричать: «Илюша!»

У меня дыхание остановилось, слезы душат меня и ответить я не могу, а она меня зовет: «Илюша!»

В это время опять хлопнула калитка, опять кто-то прибежал, слышу шаги, но не знаю кто это. Слышу, жена крикнула: «Верочка, папы нашего нет». А я ответить не могу, только за стенку хватаюсь. Прошло некоторое время, волнение улеглось, и я ответил:

— Ой, родненькие, вы живы!

Жена вынула деревяшку, я спрашиваю их, что с ними было? Жена говорит: все расскажу, только не волнуйся.

Я немного успокоился и пришел в себя. Жена говорит:

— Прежде всего, мы не ели и ты тоже, я приготовлю покушать, а потом все расскажу.

Я кое-как дождался, пока наступил вечер, жена постучала и втокнула в отверстие пробирку с бульоном, грамм тридцать бульона с рисом, я из пробирки выливал в чашку, так она мне дала пробирок двадцать, и, пока теплое, я поел. Она рассказала, что их забрали в полицию пятого участка.

Там было несколько евреев. Ночью их вызвали на допрос, спрашивали, где жили раньше. Раньше мы жили на Розы Люксембург. Откуда приехали, кто такие? Жена сказала, что я у ней второй муж, и дочь от первого мужа, указала адрес. Все-таки им не поверили и отправили обратно в камеру. Вызвали людей из того двора, где они жили раньше. Они сказали, что дочь эта от еврея. Больше всего жена мучилась из-за дочери. У дочери брали на исследование волосы, измеряли голову. Дочь держалась смело, она очень смелая у нас, я даже не ожидал. Она сказала, что это не ее отец, что ее отец русский, можете узнать по метрике. Она родилась при советской власти на Украине, и в метрике записали — «украинка». Метрическая сохранилась, немцы ничего не могли сделать и выпустили их обеих. Мы немного успокоились. Так прошло несколько дней. Всего я там прожил порядочно.

Не могу сказать точно, но наверно, дней через четыре-пять опять залаяла собака, а до этого целые дни никто не приходил. Зашло порядочно людей, было слышно по шагам. Я решил, что опять обыск начинается. Условились, что жена даст мне знать в случае чего. Опять начался обыск.

Как я узнал позже — оказалось, что в полицию пришла русская женщина, которая работала в Аптекоуправлении бухгалтером. Она жила у нас, знала, какие вещи и сколько чего у нас есть, так что все это она сделала с корыстной целью. В полиции она заявила, что жена и дочь еврейки. ...

Она была неимущая, мы ее пожалели тогда. Теперь она подтвердила, что моя жена и дочь еврейки, и опять забрали обеих. Жена прибежала в темную комнату и опять начала стучать кулаком и кричит: «Верочка, идем!». Опять я две ночи просидел один. На раз было хуже, потому что их повели не в полицию, а в гестапо на Подгорной. Там, в основном, стали проверять дочь, жену признали, что она русская. Дочь исследовали, измеряли во всех направлениях голову, отрезали волосы, но не издевались, не били. Сказали, что жена свободна, а дочь оставляют. Жена набросилась на немца. В это время в комнату вскочил русский немец. Спросил:

— Девочка, в чем дело?

Жена рассказала, что хочет идти вместе с дочерью. Рассказала, в чем дело. Оказалось, что этот русский немец из-под Каховки, из немецкой колонии, знает жену, ее отца. Дошел к какому-то большому чину и долго разговаривал с ним, немец все приговаривает: «гут, гут». Потом немец подошел к дочери, пощупал голову и сказал: «ничего», — и вышел. А русский немец сказал им: «Идите за мной». Жена думала, что он их поведет в камеру. Он вывел их в коридор и сказал: «Идите домой, счастье ваше, что я случайно наскочил на это дело, а то было бы вам капут».

Дочь сначала думала, что он шутит. А он подтвердил, чтобы мы шли

домой и не беспокоились. Дочь сказала:

— Я не пойду домой. Если вы меня признали русской, дайте мне документ, что я русская, потому что я приду домой, а через час опять явится полиция, и опять надо мной начнут издеваться.

Русский немец вернулся, а им сказал, чтобы они подождали в коридоре. В комнате, куда зашел русский немец, сидел офицер, из этой комнаты русский немец принес дочери метрическую, а жене паспорт и написал там, чтобы их не трогали, что они проверены. Вот таким образом они вернулись домой. Мне было очень тяжело без них, но я почему-то жил надеждой, знал, что они вернуться, потому что дочь нисколько не похожа на еврейку, она вообще только в Симферополе узнала евреев, а на Украине их не знала.

Положение мое было ужасное, лечь нельзя, жуткий холод, одеяло, правда, у меня было, но движений никаких делать было нельзя, эта неподвижность была ужасна. Приподнимешься немного, переступишь с ноги на ногу и все. Я чувствовал, что там сидеть долго будет нельзя, просидел я одиннадцать дней.

23-го декабря опять залаяла собака, я решил: опять начинается. Кто-то зашел, по разговору не слышно, только слышен гул. Слышу, стали опять рыться везде, даже в сарае все перевернули, рылись долго. Потом все стихло, мне не подают никаких знаков, собака тоже не лает. Потом опять залаяла, я стал слушать — или ушли, или опять пришли. После этого жена открыла дырку и сказала, что приходили из полиции два человека, сделали тщательный обыск, обстукивали стены, в яме была картошка, и туда лазили, словом, везде. Сказали уходя, чтобы ничего не трогать, оставить так как есть разрытым, пока опять не придут. Залазили на чердак, там смотрели, но стенка была забелена и ничего не заметно. Слезли с чердака и перед уходом сказали, что у нас с домом что-то ненормальное, снаружи дом большой, а внутри меньше. Сказали, чтобы не трогать их следов, после праздников они придут с инженером и сделают замер дома. Жена говорит: что же делать будем? Я решил вылезать. Сказал жене:

— Знаешь, пойдешь сегодня к Паше на Красную горку, и пусть она прощупает, что делается за городом. Прошло уже одиннадцать дней и, может быть, заставы сняты, я выберусь и раненько уйду.

Так и решили.

23-го я не выбрался оттуда, еще ночь просидел. Паша сообщила, что кругом заставы. Я решил: так или иначе надо вылезать, все равно сцапают. В ночь на 25-е в час ночи я вылез. Жена помогала долбить стенку с этой стороны, а я со своей, стучать громко было нельзя. Когда я очутился в

комнате, как я глянул в зеркало — так и не узнал себя: голова за эти дни совершенно облысела, все волосы вылезли, зарос весь, борода вся белая, прямо старик, но жена виду не подала, что я страшный. Она приготовила мне воды. Но идти я не могу, сделаю шаг и падаю. Они меня под руки вывели во двор подышать воздухом, голова кружится, я посидел на камне, хочу встать — и падаю. Но я потом вымылся, переоделся, она мне приготовила кусок хлеба, сала и я пошел. План был — выбраться за город, а куда идти, сам не знал. Пошел я по Малобазарной, меня никто не остановил. Пошел через Кирова, на Пушкинскую и по Карла Маркса до Ленинского садика к вокзалу. Через Перекопскую улицу шли несколько женщин. Здесь же проходит железная дорога и будка переезда. Я решил, что буду идти в отдалении от женщин, которые шли с котомками, возможно, менять продукты. Я их пропустил, остановился посмотреть, что будет. Они прошли через переезд. Я видел, что там стоят два гестаповца впереди переезда. Я заговорил с будочником, он спросил: «Куда идешь?» Я ответил, что иду на Украину, на работу. В это время женщины подошли к гестаповцам, они их остановили, задержали и отвели. Тут я решил, что этой дорогой не пойду. Повернулся от будочника к заводу КИМ и по разбитым переплетам моста перешел и переправился на ту сторону речки. Завод КИМ сгорел, лежали обгорелые столбы. Я ползком стал перелезать на ту сторону между обгоревшими стенами. Весь завод КИМ перелез ползком, потом поднялся во весь рост и пошел к селу Жигулина роща. Вошел в село, там было полно немцев, все переполнено, многие умывались, натирались снегом, раздетые молодые парни, меня никто не остановил. Я пересек Жигулину рощу и пошел по шоссе на Сарабуз, никто меня не задержал. Вид у меня был старика, жена дала мне русский паспорт. Один наш русский отдал ей свой паспорт, она ему заплатила за это. Фамилия моя была теперь Нагленко Фома Гаврилович, под этой фамилией с этим паспортом я и прожил два с половиной года.

Я вошел в Сарабуз, шел долго и устал. Там было полно немцев, в какой двор не зайдешь, везде немцы, везде написано «штаб». Ближайший поселок был Китай, надо было дойти туда. Я насколько возможно ускорил свой шаг, а грязь была невылазная. Дошел до Китая, стало темнеть. В самом Китае стояла рота немцев, там немцы не разрешили оставаться. Тут встретились еще два военнопленных с Украины. Целый день шел дождь и все, что на мне было, промокло до нитки, а ночью стал я замерзать. Нам не разрешили остаться здесь, сказали: «Идите в село, через три километра есть русское село, там будете ночевать». Я чувствую, что сил у меня совсем нет. Эти военнопленные оказались хорошими парнями. Я им сказал, что у

меня есть что покушать, я вам помогу, только вы меня не бросайте. Ребята были голодные, взяли меня под руки и почти все эти три километра тянули меня.

Пришли мы в село, обратились к старосте, он сказал, что у него полно румын. Правда, в каждой хате по 10-15 румын стояли, места не было. Просили его хоть как-нибудь, чтобы нас пустили. В это время пришел один румын и спрашивает: в чем дело? Ребята рассказали, что они военнопленные, а я сказал, что с подвод возвращаюсь, что я подводчик. Этот румын оказался хорошим, он завел нас в одну хатку, там была печка, показал, где есть солома. Ребята набрали соломы, затопили печь, стало тепло, мы обогрелись, сбросили с себя всю мокрую одежду. Я расспросил ребят, как пройти на Украину. Они сказали, что дорогой задерживают, но не особенно; как пройдешь Чонгарский мост, там не спрашивают и там жить можно. Я им отдал все продукты, какие у меня были, за ночь мы узнали друг друга, наутро мы распрощались, они пошли на Симферополь. Один был евпаторийский, один из Алушты, а я пошел на Украину. Дошел до Джанкоя. Под Джанкоем нас остановила румынская застава, спросили, кто такие (по дороге до Джанкоя нас собралась компания в пять человек). Забрали всех нас, повели в Джанкой, это было часа в два дня. Нас повели в здание кино, что возле станции, и туда бросили, там были военнопленные. Оттуда нас вызывали по пять человек. Когда моя очередь пришла, я в числе четырех военнопленных пошел. Сидит переводчик русский, комендант и жандарм и два конвоира, которые нас привели. Пленных допрашивали: кто такие, как попали в плен, бежали или с фронта? Они все говорили, что их отпустили с фронта. Пришла моя очередь. Спрашивают, кто такой. Я молчу. Переводчик перевел. Отвечаю: с Украины.

— Из какого места?

Вынимаю паспорт. Переводчик показал немцу, немец ничего не понял, я сказал адрес, что я из Киевской губернии, с Васильковского района, из какого села, сколько мне лет.

— Как же ты попал в Крым?

— Меня забрали с подводой на Украину, и я со своими лошадьми до самого Симферополя, а меня два месяца держали, вши меня заели, я стал проситься, меня не отпускают.

— А где пропуск?

— Я убежал. Просился два месяца, командир меня не отпускал. Ну, я и ушел сам, меня никто не останавливал.

Комендант все говорит: гут, гут...

— А ты верующий?

— Как же старик может быть не верующим.

— А молитвы знаешь?

— Как же не знать.

— Прочитай молитву.

— Какую молитву, вечернюю, утреннюю?

— Все равно какую.

Я ему прочитал, они посмеялись, а немец говорит: гут, гут.

А жандарм все сидит и головой качает, не верит. Комендант говорит с жандармом, что этого старика надо отпустить. А жандарм говорит: нет, надо его поставить налево. Военнопленных двоих поставили направо, двоих налево. Может быть, это значило, что меня надо проверить, я не знаю.

Переводчик говорит: «Ты не беспокойся отец, завтра пойдешь домой». Я решил, что в левую сторону попали проверенные. Когда нас вывели, то тех двоих повели назад в кино, а нас налево в здание комендатуры. В здании комендатуры было человек 50, все мужчины, стали друг друга расспрашивать, но никто ничего не знал, что будут делать с ними. У меня было какое-то плохое предчувствие, я подумал, тут что-то есть. Эту ночь, несмотря на усталость, я совершенно не спал.

Часов в десять утра зашли к нам офицер, и двое сопровождали его. Сказали, чтобы мы раздевались и вставали к стенке редко друг от друга. Мы все стали раздеваться, я остался в кальсонах, мне сказали, что надо раздеваться совсем. Нам сделали осмотр, и офицер как закричит: «юде!» Меня одного забрали в комендатуру, велели одеваться. Этот офицер меня забрал опять в комендатуру, и опять там сидит жандарм с бляхой, который все головой качал. Он стал смеяться (я по разговору понял), я, говорит, знал. Комендант схватился: «Не может быть!» Стали меня спрашивать:

— Старик, в чем дело?

Я не растерялся и сказал, что был на войне, был ранен осколком, лежал в госпитале, и врач сказал, что надо сделать операцию.

Комендант схватился за это, и стали они с жандармом спорить. Комендант кричит: «Никс юде. Ни один еврей не знает русские молитвы, по разговору видно, что он русский».

Меня оттуда забрали, дали конвоира-солдата, он повел. Привел меня в бойню с огороженным двором, вошли в здание, солдат сдал меня коменданту. Во дворе бойни были евреи, женщины и дети и очень мало мужчин. Я их спросил, они сказали, что расстрелы здесь были раньше, а это были уже такие евреи, которых собирали после, которые прятались по погребам и кладовым. Они находились в этом дворе несколько дней и

говорят, что их было 800 человек. В этой бойне есть помещение, где собирали и травили собак, там же забивали животных. Двор окружен высоким деревянным забором высоты полтора человеческих роста. Лежали и сидели на земле, у кого была солома, у кого трава постлана. Кушать не давали, детей было очень много, особенно подростков.

Там я пробыл до вечера и всю ночь.

Часов в десять утра, это было или 28 или 29 декабря, мы услышали шум машин, подъехали немцы, и нас выгнали пешком ко рву. В балочке есть артезианский колодец и около него противотанковый ров. К этому рву нас погнали кучей. Тут разыгрались жуткие сцены, многие не хотели идти, их избивали. Когда подогнали ко рву кучей, тогда стали разбивать группами по 20-25 человек. Справа от меня стояли двое детей с матерью. Когда меня гнали, я был очень спокоен, думал, чтобы скорее только конец, расстреливали из станковых пулеметов. Я оглянулся и увидел пулемет, а мне немцы махнули рукой — не оглядывайся. Раздался залп. Боли я не почувствовал. Пуля рассекла кожу головы, но кость не тронула. Я потерял сознание, наверное, от сильного удара в голову, и свалился в яму. Этого момента я не помню, только помню, что очнулся я от удара в спину, на меня навалилось три человека, которые упали сверху после очередного залпа.

Я вывернулся из-под этих трех, а сверху на меня опять стали падать люди после каждого залпа, я вывертывался из-под них, чтобы не задохнуться. Осмотрелся, направо мне показалось ближе, а налево дальше ползти. Я стал отползать направо, яма была не полная. Я посмотрел, наверху стояли два наших солдата как раз у ямы, и один из них сказал другому:

— Дывься! Лизе живий.

— Нехай лизе, вин жить хоче.

Я вижу, что дальше ползти нельзя, меня могут увидеть, на меня еще упало два человека. Я от них развернулся и лежал до тех пор, пока не прекратились выстрелы. Минут через пять (я лежал вниз головой) начала на меня сыпаться земля, я понял, что нас засыпают. Когда начали засыпать, я опять потерял сознание, потому что не помню, что было дальше. Я стал задыхаться и последним сознанием понял, что вот-вот задохнусь, мне не хватает воздуха, земли много. Я копнул, и струя воздуха ударила в нос, мне сразу стало легче, никакой боли не было. Я надышался воздухом. В это время я почувствовал, что подо мной все колыхнется. Я дал струю воздуха, а подо мной лежали раненные, но не убитые, а придушенные, а когда воздух к ним дошел, они вдохнули и стали ворочаться. Это был такой ужасный момент, когда вся могила стала шататься, трудно было пережить это. Мне в

дырочку видно, что еще день и вылезать нельзя, и в то же время лежать тоже нельзя, подо мной и по бокам все колышется, мне казалось, что вся земля шатается, это был кошмар. Все же я нашел силы, чтобы лежать и смотреть в дырочку.

Я почувствовал, что земля больше не сыплется. Могилу засыпали чуть-чуть сверху, но достаточно, чтобы задохнуться. Так я лежал, пока дождался зари, потом вылез очень легко, кругом никого не было. Чувствую, что меня кто-то дергает за ногу. Оказалось, что рядом со мной лезла женщина. Я вылез первый, потом она. Вылезла, мы смотрим друг на друга как сумасшедшие. Она мне говорит:

— Там мои дети, я полезу за ними.

— Дети ваши умерли.

Женщина мне сказала, что она стояла около меня перед расстрелом, тут я вспомнил, что так и было. Мы поднялась и пошли. Она говорит:

— Куда идти?

Я сказал, что она женщина и лучше будет пойти ей в лес. А я пошел по направлению Дуб Джанкоя, что около Джанкоя. Она мне ничего не сказала, только повернулась и пошла.

Я дошел до Дуб Джанкоя, было морозно, маленький снежок. Подошел к хатке, постучался, женщина отозвалась. Я попросил открыть, открыла дверь. Я вошел в комнату, там был полумрак, около икон горела лампада. В темноте не видно было, а когда я прошел вперед, после того как она мне сказала: «Проходите, дяденька, и сидайте на лавку», около лампадки она увидела, что я весь в крови, и сказала:

— Дяденька, да вы весь в крови, наверное, вы партизан?

Я решил, что другого выхода нет и сказал, что я партизан. Что у нас был бой и меня ранили. Я схватился за голову и чувствую, что ранена голова. Она говорит:

— У меня чоловік^[99] тоже в партизанах. Наверное, сейчас за вами придут.

Я говорю: «Не беспокойся, дочка, мы их поколошматили хорошо, и до утра никто не придет». Она была напугана, но все-таки сказала мне:

— Скидайте все, дяденька, да лезьте на печку.

Я все с себя снял, она мне дала белье, тут я переоделся. Она стала стирать мое белье. Я сказал: «Все равно ты не отстираешь, я тебе оставляю мое хорошее пальто, а ты мне найди ватник и брюки, и я пойду».

Наутро она мне все это дала, и я ушел через Сиваш. Шли не через посты, а прямо по воде, нас шло три человека, которые пристали по дороге. Промерзли мы до костей, прямо были без чувств. Сиваш не замерзает, но

вода в нем леденящая, и мы особенно мерзли, когда вышли из воды. Я своим попутчикам сказал:

— Вы как хотите, а я пойду помирать в свое село, где я родился, там подохну.

Дождлся ночи и пошел в село Николаевку Новотроицкого района. Пришел ночью к своему хорошему приятелю, приняли меня хорошо, но посоветовали не показываться, так как меня односельчане могут выдать. Меня накормили, обогрели. Но после перехода через Сиваш я простудился и заболел горячкой, пролежал шесть дней с высокой температурой и в бреду. Тут собралось еще пять человек надежных людей. Я сказал своему приятелю, что как поправлюсь, то пойду в Новотроицкое в комендатуру, будь что будет, но они мне посоветовали туда не ходить, а походить по селам, может быть, найду место.

Когда я поправился и пришел в себя, они мне дали на дорогу кое-что, и я пошел на Мелитополь.

Так я полтора месяца ходил по Украине, нигде меня не прописывали, ночевал в селах, решил вернуться в свое село, надоело мытарствоваться и скитаться.

Не доходя до своего села километров двенадцать, зашел в село Воскресенка, где меня никто не знал, несмотря на то, что было близко от моего села, там переночевал, решил идти в общину поступить на работу. В общине им нужен был конюх, глава общины расспросил меня, откуда я, я ответил: «С Киевщины».

Я ему понравился, тем более что я сказал, что умею ухаживать за лошадьми и все делать. Он пошел со мной в сельуправление и там просил старосту принять меня на работу, там меня и приняли на жительство. Я стал работать в этой общине.

При советской власти этот колхоз называния имени Горького, а при немцах община №3. В этой общине я проработал три месяца конюхом, потом увидел, что работать конюхом опасно, рядом было село, где меня знали, мне нужно было ездить, это был наш район Новотроицкий, начальник полиции и староста района были из нашего села, мои товарищи, с которыми я вместе ходил в школу, показаться им — значило погибнуть.

Я стал проситься, чтобы меня назначили сторожем сада и огорода. Меня перевели, где я и работал два года.

За это время я видел, что ловили евреев, очень издевались над ними. В нашем селе Воскресенка ловили таких же проходящих евреев, как и я. Заметят по разговору и обличью и предадут жители села, а сами ничего не делают. Евреев немцы забирали и после осмотра уничтожали. При мне

было два случая, когда очень издевались над евреями, заставляли есть землю и пр., издевательства были ужасные. В общине висел плакат с нарисованным евреем, с рогами наподобие черта, а впереди его решетка и весь плакат исписан надписями, содержание которых сводилось к тому, что над народом издеваются евреи, они виноваты во всем.

Был в общине один человек по фамилии Путиленко, когда вешали эту картину, он стоял рядом со мной. Прочитав эти надписи, он поверил, весь затрясся и как закричит: «Вот жидовская морда, я бы его...!» А я стоял рядом с ним и думал: рядом с тобой стоит тоже еврей. ...

Когда я был сторожем на баштанах, видел, что женщины ужасно боялись коменданта. Дело в том, что баштаны выделили общинникам по кусочку, но обрабатывать их не представлялось возможным, все работали от зари до зари на немцев. Женщины вырывались среди дня, или во время обеденного перерыва, и прибегали на баштан, чтобы хоть что-нибудь сделать. Комендант приехал ко мне с переводчиком и дал распоряжение не пускать никого на баштан, кроме воскресенья.

При мне был случай такой. Когда он приезжал и захватывал женщин на баштане, то избивал. Женщины, как завидят бидарку с переводчиком и комендантом, то зарывали голову в землю, чтобы если будет бить, то не по голове. Одна девушка ослепла от удара по лицу.

С нашим селом рядом было село Громовка, там жил Львовский, он выкрест и крестился 55 лет назад, его семья и дети все были русские и жена его русская. В последнее время, когда немцы уже отступали, как видно, по доносу всю его семью уничтожили, всех забрали и расстреляли. А когда вступили немцы и открыли церкви, он с первого дня был церковным старостой, и даже это не помогло.

Я думал, что с евреями все покончено. Если я встречал евреев за эти два года, так только тех, которых ловили, и не видел и не слышал, что где-нибудь жили евреи на Украине. На Украине Советская власть установилась раньше, там, где я жил — примерно на полгода раньше Крыма.

С момента вступления наших я пошел работать в госпиталь, где и работал до момента освобождения Крыма. На квартире у меня жил один командир. Я заметил, что он еврей, несколько раз я его спрашивал. Может быть, он меня подозревал в чем, но не признался, что он еврей. Только спрашивал, почему я так интересуюсь. Я ему ничего не говорил.

Последний раз он меня задержал и сказал, что не выпустит меня, пока я не отвечу ему, почему я его спрашиваю. Я ему, что спрашивал потому, что я сам еврей. Он удивился и сказал:

— Не может быть! Я прошел 1800 километров и нигде не встречал

живого еврея.

Я разговаривал по-украински, рассказал ему про себя все.

С тех пор, как освободили Крым, я вернулся сюда и за это время ездил по делам четыре раза туда, и там, в селе, до сих пор не знают, что я еврей, там меня все называют Роман Гаврилович.

Было два случая, когда я чуть не засыпался. Один случай был примерно через год после того, как я уже там был. Я был ночным сторожем на баштане. Заехали немцы ночевать. Часов в двенадцать остались мы одни с немцами и давай говорить по-немецки. Любят, когда с ними говорят по-немецки. Я не подозревал, что меня подслушали русские, стал порядочно говорить с немцами. В это время зашел голова колхоза Шинкаренко, ничего не сказал, только посмотрел с подозрением. Я сменился часов в шесть утра, пришел спать в шалаш. Часов в девять меня кто-то дергает за ногу. Шинкаренко мне кричит:

— Вставай скорее, тебя комендант зовет.

Я поднялся, вышел, стоит комендант с переводчицей.

Комендант обращается ко мне с приветствием: «Добрый день».

Я сделал вид, что не понимаю, не ответил. Тогда он велел переводчице перевести. Переводчица говорит, что он со мной здоровается.

Я ответил по-русски. Комендант спрашивает: говорю ли я по-немецки. Я молчу, он кричит переводчице:

— Что он притворяется, он говорит по-немецки.

Я все понял, что он говорит, но сказал, что понял вопрос, но ответить не могу, что я знаю всего несколько слов. Через переводчицу он спрашивает, откуда я знаю.

Я ответил, что был во время войны в плену и там научился. Тогда он спрашивает, почему я молчал, что был в плену, он хочет взять меня переводчиком. Но я представился, что не понимаю, мне перевела переводчица. Я сказал, что я очень рад этой чести, но я могу работать кучером, переводчиком не могу, ведь я знаю всего несколько слов.

Я больше всего боялся, что он меня возьмет переводчиком и с ним придется ездить, и меня сразу раскроют, а так я от него отвязался.

Второй случай был такой. Перед самым отступлением немцев, заскочила одна машина, я уже сменялся, была ночь. Никто ничего не мог понять у немцев. В машине был один офицер и два шофера, они стали очень приставать к Шинкаренко как к голове колхоза, он не понимал, что они у него спрашивают, но он, видя, что положение его неважное, привел всех их ко мне, и они подъехали на машине. Шинкаренко мне говорит:

— Выручай, иначе мы погибли, они угрожают, что пристрелят.

Я спросил немцев, что они хотят. Они мне объясняли, что вечером тут оставались два офицера, а теперь их не стало. Я перевел Шинкаренко. Он ответил, что не знает, где офицеры. Шинкаренко мне сказал:

— Ты садись с ними в машину, они тебя подвезут к сельуправлению, там выясни вместе со старостой, расскажи, в чем дело.

Немцы сказали, что если сейчас офицеров не найдут, то возьмут десять человек из колхозников и вместе с головой колхоза расстреляют. Но я не перевел слов Шинкаренко немцам, так как он сказал, а наоборот. Я сказал, что Шинкаренко хочет с ними поехать в сельуправление, и там вместе с головой сельуправления он выяснит, где находятся офицеры. Они посадили Шинкаренко в машину, взяли бригадира, со мной попрощались. Они подъехали к скирдам, копали там вилами, искали офицеров, после поехали в сельуправление и там узнали, что офицеры находятся в четырех километрах от села Громовка. А я думал, что если они возвратятся опять, то снова возьмутся за меня. И я спрятался. Но все обошлось благополучно.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.40, л.112-126. Подлинник.

ИЗ РУКОПИСИ ВОСПОМИНАНИЙ Н.Ф. ХАРЛАМОВОЙ «ТРИ ГОДА В ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ» — О ПЕРВЫХ ДНЯХ ПРЕБЫВАНИИ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ^[100].

1960 г.

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ.

В ноябре 1941 года Санотделом Приморской армии я была зачислена хирургом-ординатором в 268-й, а позже 357-й эвакогоспиталь в городе Севастополе. Там я работала до июля 1942 года — дня падения города.

Девять месяцев, проведенных в Севастополе, из которых восемь были днями его героической защиты, остались в моей памяти неизгладимым впечатлением на всю жизнь.

До сих пор всякое воспоминание о тех днях, вызываемое разговорами, чтением, фильмами, потрясает меня до глубины души, воскрешает в памяти облик города-героя, образы его славных защитников.

Севастополь — самый светлый и сильный период моей жизни. После восьми месяцев кипучей жизни в нем, я попала в бездонную пропасть фашистских концлагерей.

Ночью 30-го июня 1942 года по распоряжению начальника госпиталя Блиндера медработники с группой легко раненых бойцов и командиров покинули госпиталь, располагавшийся в Новогеоргиевском монастыре. В нем остались только тяжелораненые с небольшим количеством обслуживающего медицинского персонала.

Мы направились к Херсонесскому маяку. Предполагалось, что туда подойдут катера, и раненые будут эвакуированы.

Долго ходили мы от бухты к бухте и, в конце концов, укрылись в нишах прибрежных скал. Восемь суток просидели мы, тщетно ожидая катеров. Положение сложилось так, что катера не пришли. На девятые сутки немцы захватили всех раненых и медперсонал в плен. Сразу, тут же у скал они начали свою фашистскую сортировку людских масс. Если какой-либо пленный казался им комиссаром, политруком или евреем, его расстреливали на месте. У каждого пленного отбирали всё, что он при себе

имел: часы, брелки, кольца, деньги. Одежду и сапоги грубо стягивали, а людей, босых, в нижнем белье, в знойный июльский день погнали ускоренным маршем в Севастополь, уже превращенный в развалины.

Мы знали о жестокости фашистов, но то, с чем нам пришлось столкнуться буквально с первых минут плена, леденило кровь. Наши конвойные немцы всё время дико кричали, на каждом шагу били нас палками, ударяя по голове и лицу. Отстававших забивали до смерти.

Пригнали нас на окраину Севастополя в местечко Рудольф. Там немцами был создан лагерь. Он представлял такую картину: во дворе, обнесенном колючей проволокой, стояло два полуразрушенных здания. Несчетное количество людей, грязных, окровавленных, небритых и оборванных, бесцельно бродили в нем. Когда во двор привезли бочку воды, разыгралась ужасная сцена: фашисты стали избивать до полусмерти всех, кто потянулся к ней. ...

Потекли томительные дни, полные ужаса ожиданий. Голод, недостаток воды, недоброкачественная пища, которую организм не усваивал, — вызывали дистрофические расстройства. Все страдали поносами и отёками. Многие обессиленные не поднимались с земли и через несколько дней умирали.

Изредка наезжал какой-нибудь немецкий генерал со свитой, осматривал лагерь, произносил напыщенную речь о дисциплине, труде и уезжал. Положение же наше всё ухудшалось и ухудшалось.

На десятый день лагерной жизни я перенесла на ногах какое-то лихорадочное заболевание, после которого появились отёки всего тела, а главное, ног. У меня не было сил двигаться, но сознание говорило: лечь нельзя, тогда не встать. Свое горе, когда видишь больных и раненых, еще более беспомощных и обессиленных, чем ты, становится меньше, и я продолжала работать.

Среди моих товарищей по прежней работе было много евреев, но немногих я встретила в лагере. Остались единицы, которых, используя на работе, тоже расстреливали. Помнится мне молодой врач Юрий Чапичо. Он работал вместе со мной в последний месяц обороны Севастополя в госпитале Новогеоргиевского монастыря. В жаркие дни июньского наступления он круглые сутки делал операции, делал обходы, перевязки, казалось, не знал усталости, всегда находил слово ободрения для раненых и работавших с ним. В лагере я встретила его мало похожим на себя. Бледный, худой, с ввалившимися глазами, он едва держался на ногах. Иногда Юрий приходил в палатку, где я работала. Мы делили с ним добытую щепотку табака. «Может быть, попроситься сопровождать

транспорт с тяжелыми больными?..» — в раздумье говорил он. Транспорты на подводах отправляли из нашего лагеря ежедневно. «Транспортом» фашисты называли группы людей, перебрасываемых в другой лагерь. Каждый транспорт сопровождал один или два медика-мужчины.

Но что мог дать ему этот транспорт! Вскоре Юрий исчез. Черная карета увезла его в другой «транспорт», из которого никто не возвращался.

Другой врач, еврей, работал со мной в одной палатке. Это был энергичный человек. Обычно с утра он был полон деятельности: составлял списки на эвакуацию раненых, рапортики на питание. Однажды к нам в палатку зашел гитлеровский офицер со свитой. Увидев, что раненые играют в самодельные карты, офицер рассвирепел: «Кто здесь старший врач? — заорал он. — Кто ты по национальности?» Наш врач не скрыл. И вечером, не успели мы раздать порции воды, за ним пришли. Накинув шинель на плечи, наш товарищ ушел навсегда.

Мы остались подавленные, не зная, кого и когда постигнет такая же участь.

Помнится мне молоденькая врач, до плена работавшая в морском госпитале. Она в недолгие дни своего плена находилась в лихорадочном возбуждении, все время была неестественно оживлена, называла себя грузинкой, а на самом деле была еврейкой. Скоро пришли за ней. Она торопливо собралась и спешно побежала, держа в руках рассыпавшийся свёрток. Она ничего не сказала нам, глаза её наполнились ужасом.

И так каждый вечер из нашей среды уводили в черную карету то одного, то другого. Каждый раз в такие моменты я вспоминала своего начальника отделения госпиталя С.И. Кеймаха. Как и я, он сидел в нише скалы. Когда я узнала, где он находится и позвала его в свою нишу, он посмотрел на меня глубоким незабываемым взглядом и сказал: «Я устал и не могу никуда двигаться. Прошу Вас, доктор Харламова, помнить обо мне». После я узнала, что он покончил с собой. Так же поступил и начальник госпиталя Блиндер и ряд других медицинских работников.

В первой половине августа начали постепенную ликвидацию лагеря. Вначале отправляли здоровых военнопленных этапами, затем оставшихся в живых больных и раненых на подводах. Из нас, медработников, производили добровольный отбор на работу в Севастополь. С этой целью оттуда на Рудольф приехало несколько гитлеровских офицеров и среди них — два немецких врача СС. Переводчиком у них был наш врач хирург Владимиров. Офицеры ходили по местам работ, а Владимиров обрабатывал нас индивидуально.

Уговаривал он медиков: «Вы будете свободны, и вам будут платить

жалованье». Но такая «свобода» была нам не нужна. В немецком жаловании и звании «цивильный» мы не нуждались. ...

Вид у меня был страшный: худое почерневшее лицо с ввалившимися глазами, согнутая фигура с вещевым мешком и скатанной шинелью за плечами, босые, отёкшие, израненные и окровавленные ноги. Недаром, по приходу в Бахчисарай, где происходил отбор евреев, меня тотчас же забрали в гестапо и учинили допрос.

Задавали много вопросов, заставляли произносить слова с буквой «р», запутывали ответами. И, наконец, потребовали рассказать свою биографию. Я поняла, что меня считают еврейкой. Надо было доказать противное. Но как? Не зная немецкого языка, это было трудно сделать, а переводчики переводили гестаповцам то, что по-своему считали нужным. Я была совершенно спокойна и безразлична ко всему, так как до крайности измучилась дорогой и болезнью. Вскоре из лагеря привели человек до двадцати мужчин, уроженцев моей области. Почти все земляки не признали во мне своей землячки. Я не была похожа на них. Все они были русые, блондины. «Вот, видишь людей из твоего края? Они не похожи на тебя», — сказал мне гестаповец. На это я спокойно ответила: «Среди наших пленных есть белокурые грузинки. Цвет волос ничего не значит».

«Знаю я вас всех, я по глазам определяю арийцев, а мимо меня прошло их тысячи», — заявил гестаповец. Но вот один из моих земляков спросил: «Как её фамилия?» Я ответила. Тогда он заявил: «Со мной в классе учился Харламов. Он был русский». Видимо, это показание и окончание моей фамилии на «ова» оказались достаточными, чтобы отменить смертный приговор. Меня отвели в лагерь.

Жив ли он теперь, этот обыкновенный, простой советский смелый человек? Сколько раз я вспоминала его с непередаваемым чувством благодарности. Он тогда спас мне жизнь. Но в тот момент мне было все равно.

В фильтрационном лагере, в пересыльном пункте в Бахчисарае, мы пробыли двое суток. Лагерь был обнесен колючей проволокой, в нем стояло очень много палаток. Скученность, конечно, была ужасная, везде царила невероятная грязь. Вокруг ограды стояла вооруженная охрана. По ночам гестаповцы вызывали людей на допросы. Конечно, допрашиваемых подвергали нестерпимым пыткам. Над лагерем то и дело разносились душераздирающие крики.

Нас, как и всех пересыльных, на третьи сутки повели маршем дальше, в Симферополь...

ГААРК, ф. П-849, оп.3, д.276, лл.4-14. Подлинник.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

ся не-
зависа
если
глав-
моне

и-
иске
и-
ство
ишем
и все
свах
ут по
ирий-

ицкой
также

ишши
ков

БЕВ.

2 га-
ату-
и-тс

ской
и ка-
иша.

ИИ
ИТСЯ

ТКИ-
агир-
к на-

ишская
ицков
льнян.

27.
18.
во 20

иия

и-и в
города

ОВЕК.
ирия,
327

и-иуду
пожу,
и-и-и,
и-и-и-и.
и-и-и-и.

и-и-и-и.

СССР—ОПЛОТ ЖИДОВСТВА

На состоявшейся недавно в Москве еврейской демонстрации, руководителем ее Соломоном Михоэлсом предложено было от имени демонстрантов обратиться к евреям всего мира с призывом направить на врагов Еврейского союза всю их ненависть и провалить по отношению к по-литическим религиозным принципам — «око за око и зуб за зуб».

Собственно говоря в этом сообще-нии нет ничего неожиданного. Еще летом прошлого года в той же Москве на широко организованном еврейском митинге тот же Михоэлс произнес дышащую гневом и при-зывом к кровавой мести по адресу германского народа речь. За каждо-го убитого еврея Михоэлс обещал уничтожить сто немцев.

Разумеется, старый жид, испытан-ный человек, не забывал и наувер, выходя на сцену, не собирался убивать немцев собственными руками: для этого у него не хватало бы ни силы, ни храбрости, но кровь жидовства, напоенная вековой злобой к хри-стианским народам, жаждала мести, и эта темная страсть направляла и усиливала все, что находилось за гранью еврейства, во всему, что не принадлежит к еврейскому ми-ру. И тому же в СССР немало рус-ских дураков, готовых выполнять приказы жинов. Еще Достоевский в «Дневнике писателя» за 1877 год указывала на «безжалостность еврей-ства» во всем другим народам.

«Что движет евреев и что двига-ет их столько веков?» — задавал во-прос Достоевский и тут же отвечал: «Безжалостность! двигала их столь-ко веков одна лишь безжалостность и одна только жажда напиться на-шим потом и кровью».

«Мы говорим, — продолжал Достоев-ский, — о жидовстве и об идее жидов-ской, охватывающей весь мир».

«Сказано было, бедным же все-та-ки царят повсеместно евреи на биржах, бедным они движут ка-питалами, бедным же они власти-тели кредита и не даром они же застигали всей международной по-литикой, и что будет дальше, ко-нечно, и самим евреям: «близится их царство, полное их цар-ство».

Достоевский был одним из немно-гих самостоятельно мыслящих умов в России. К тому же в нем этот ум соединялся с душой патриста, жаждущего предостеречь родной на-род от жидовской опасности.

Но до вреда не дошел его голос, а интеллигенция, развращенная жи-

Если в начале большевистской революции евреи прикрывали свою руководящую роль в советской по-литике различными фальшивыми ли-стками, то теперь ии же до фальшивых листков: борьба А. Гитлера с миро-вым жидовством заставила жи-дов резко менять свою тактику.

Жидовский мировой центр посте-пенно выходит на арену открыто, он начинает приподнимать свое загромождение.

Обращение московских евреев к евреям всего мира с призывом к жестокой, беспощадной борьбе с врагами Советского союза представ-ляет собой открытое заявление перед всем человечеством о том, что Со-ветский союз есть главная по-литическая опора еврейства и что здесь речь идет не о каком-либо эпизодическом сотрудничестве евреев с большевиками, а о полном выпол-нении интересов всемирного еврейства в политике советов.

Причем, поскольку к врагам Совет-ского союза рекомендуется приме-нить религиозный принцип Моисея: «око за око и зуб за зуб», постольку советский строй охраняется евреями в аспекте их сокровенной мессиан-ской идеи, т. е. религиозной борь-бы. Несмотря на то, что такие ев-рейские руководители советской власти, как Каганович, Прославский (Губельман), Мехлис и др., принадлежат к коммунистической партии и открыто исповедуют безбожие, мы на минуту не должны сомневаться в том, что безбожие насаждается в СССР жидами исключительно для русских ивеев и большевиков, а для собственного пользования у евреев, как и четыре тысячи лет тому на-зад, существует культ Неговы. Нельзя и представлять себе еврея без Бога. — писал Достоевский в том же 1877 г. в «Д. Н.», — мало того, не верю и даже в образованных евреях безбожников: все они одной сути и еще Бог знает, чего ждет мир от евреев образованных».

Проповедывать атеизм русскому народу и таким способом развешивать его, ослеплять, разлагать, пре-вращая из неопозитного колосса в пыль, в «общедоступную икру» и, следовательно, поварять такой на-род, господствовать над ним, управ-лять им, не пользуясь его в своих ре-лигиозных и национальных целях и видах, это ли не высшее служение Израелю?

Таким образом, поскольку такое служение своему Богу евреями мо-жет осуществляться только втайне

ловым и т. д. Сохрани и тысячи жи-дов, вошедших в партию коммуни-стов, выступавших под русскими и-менами, они разорвали страну, наводи-ли террор среди населения, прово-дили организованные пасажные па-ды народом под маской русских.

Что побуждало их поступать та-ким образом? Побуждала желание ассимилироваться, раствориться в рус-ском народе? Никуда не бывало.

Это было наглое мошенничество, открытый обман того доверчивого народа, который они поработали на-заранее обдуманному плану.

Так было до полного осуществле-ния жидовской политической про-граммы.

Теперь, когда программа эта осу-ществлена, когда каждый жид вправе сказать, что он 25 лет участвовал во всероссийской русской погроме и что он продолжает этот русский погром, посылая при помощи пуле-метов русский народ на убой прет-ив немцев, теперь СССР открыто объявляется новой палестинкой, ди-ктадией всемирного жидовства.

Правда, эта палестина изображается евреями и их наймитом Сталиным в качестве оазиса мировой револю-ции, диктатуры пролетариата и тому подобной чепухи, придуманной для русских престачков, но фактически настроенные жида уже не выдержи-вают характера и готовы переходить к открытому истреблению себеб до сих пор замаскированной сущ-ности.

Мы живем в величайшую эпоху, когда с небывалой до сих пор рез-костью встали противоречия двух миров — жидовства и христианства.

Попытка евреев незаметным путем «слизнуть» христианскую идею, раз-рушить всю гуманистическую куль-туру, выросшую на почве христиан-ства, уничтожить полностью один из самых религиозных народов Ев-ропы — русский народ — не удалось.

Величайший гуманист, рыцарь правды и эрмисской чести, Адольф Гитлер противопоставил жидовскому заговору силу своего гения и мо-гущество своего народа.

Не удалось евреям и гуманистический прием приваивки христианских наро-дам Европы безбожия, под маской которого на нас должна была хан-нуть ищущая есенезиранная сила жидовского религиозного мра-кобесия, готовящего человечеству такое истребление неверных, какое не снилось никаким исповедным ев-кваниторам.

Одна из антисемитских статей в газете «Голос Крыма» (№49, 14 июня 1942 г., с.1), выпускавшейся оккупационными властями в Симферополе. Из фондов ГААРК.

ПРИКАЗ

Все евреи города Феодосии и окрестностей обязаны явиться 1. декабря 1941 г. от 8 час. до 12 часов дня на Сенную площадь № 3 (Базарная улица № 3) для переселения. Каждый еврей может иметь с собой исключительно носильные вещи и пищу на 2 дня. Все остальные вещи должны быть оставлены в полной сохранности в квартирах.

Неисполнение приказа карается смертной казнью.

Начальник немецкой
полиции безопасности С. Н. Ю. Б.

Приказ начальника немецкой полиции безопасности зондеркоманды 106 о явке евреев г. Феодосии. Издан 27 ноября 1941 г. ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.2, л.10.

ПРИКАЗ ВСЕ КРЫМЧАКИ,

**ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГОРОДЕ ФЕОДОСИИ,
обязаны явиться 12 де-
кабря 1941 г. от 8 до 12
часов дня на Сенную пло-
щадь (Базарная ул. № 3)
на предмет препровожде-
ния в отдельную часть
города.**

**Явка ОБЯЗАТЕЛЬНА в указанный в
приказе срок. Вещи могут быть взя-
ты с собою. Квартыры должны быть
опечатаны. Пищу взять с собою на
один день.**

**Неисполнение приказа ка-
рается смертной казнью.**

ГОРОДСКАЯ УПРАВА.

Гор. Феодосия, 10 декабря 1941 г.

Приказ за подписью городской управы Феодосии о явке крымчаков г. Феодосии. Издан 10 декабря 1941 г. ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.3, л.2.

Товарищи!

Кто вам с 1917 года до сих пор обещал рай земной? **Жид!**

Кто и не подумал сдержать своего обещания, а, наоборот, взял вас в железные тиски стахановского и колхозного крепостничества? **Жид!**

Кому нужна была эта война, кто подготавливал ее у вас, в Америке, Англии и Франции? **Жида!**

Для кого вы проливаете свою кровь? Только для **Жидов!**

Кто же нигде не воюет с оружием в руках? **Жид!**

Кого вы найдете только там, где безопасно и где можно собирать барыши? **Жида!**

Не за Родину вы боретесь, как это вам рассказывают жидовские агитаторы, а только за всемирное владычество жидов!

Жид — несчастье всех народов — истинный Сатана! Освобождайтесь от жидовских угнетателей, которые томят вас на смерть.

Вы осчастливите **НАРОД И РОДИНУ.**
этим ваш

ПРОПУСК

Кто добровольно перебежит к немецким или румынским войскам в Крыму, немедленно эвакуируется по собственному желанию самолетом из Крыма в безопасный тыл, где он сможет заниматься своей профессией или же по желанию поступить в Русскую Освободительную Армию.

Листовка немецких оккупационных властей в Крыму, адресованная бойцам Красной армии, содержащая призыв переходить на сторону немецко-румынских войск. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.25, л.63.

76

А К Т

О зверствах и злодеяниях немецких оккупантов на территории колхоза им. КАЛЛИНА, Наравского с/совета, Бялаторисского района.

19-14 года, июня 26 дня. Мы ниже подписавшиеся, представители районной комиссии по расследованию злодеяний немецких оккупантов в Бялаторисском р-не, секретарь РК ДЕН/б/ БОЛДИН и колхозники колхоза им. КАЛЛИНА, Наравского с/совета Бялаторисского р-на очевидцы ЗИНА Иван, ЮСТИН Ян и ПАСЕЧНИК Наталья составили настоящий акт в том, что в декабре мес. 1941 года в колхоз приехали немцы на автомашинных и остановились у старосты села ДАНИЛИШКО Павла Митрофановича. Затем вместе со старостой ДАНИЛИШКО приехали в сельскую школу, по указанию представителей немецких властей староста ДАНИЛИШКО собрал в школу всех проживавших в селе евреев в количестве 7 семей общим числом 19 человек, где были женщины, старики и дети, после чего всех собранных евреев вывели к яме и расстреляли.

Комиссия считает виновниками злодеяний в колхозе им. КАЛЛИНА представителями немецких оккупационных властей фамилии которых остались неизвестными и немецкого ставленника старосту ДАНИЛИШКО Павла Митрофановича.

О чем и составлен настоящий акт.

Представитель районной чрезвычайной
комиссии - Бялаторисского р-на *Милин* /БОЛДИН/

Ю. ЛЮБИШИ ОЧЕВИДЦЫ: Иван, Постыня, Пасечник.

Ю. П. ВЕРНА: нар. Бялаторисского р-на
Подполковник г/б *Милин* /БОЛДИН/

Один из актов Крымской Республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.5, л.76.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.

АНТИСЕМИТИЗМ — идеология и политическое движение, направленные на борьбу с еврейством. Термин возник в конце 70-х гг. XIX в. в Германии. В более широком смысле, антисемитизм — форма враждебного отношения к еврейскому народу, несколько видоизменявшаяся с наступлением каждого нового этапа в европейской истории — от древних времен до современного периода.

ВЕРМАХТ (WEHRMACHT) — официальное наименование объединения сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Третьего Рейха. Подразделения вермахта зачастую, наряду с подразделениями СС принимали участие в акциях по истреблению евреев на оккупированных территориях Советского Союза.

ГЕНОЦИД (от греч. genos — род, племя, и лат. caedo — убиваю) — уничтожение (полное или частичное) групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Термин «геноцид» был впервые применен в 1944 г. для обозначения поголовного истребления еврейского народа немецкими нацистами. В 1945 г. слово «геноцид» было принято Нюрнбергским трибуналом как терминологическое обозначение этой преступной акции нацизма. Проявления геноцида имели место и раньше в истории человечества (например, массовые убийства армян в Турции в 1895-1896 гг. и 1915-1916 гг.). После Второй мировой войны международное общественное мнение признало геноцид и подстрекательство к нему преступлением.

ГЕСТАПО (сокращенно от GEheime STAats POlizei) — тайная государственная полиция в нацистской Германии. Создана в 1933 г. для борьбы с противниками нацистского режима, в число которых были включены евреи, христианские церковные деятели, члены левых партий и др. В июне 1936 г. имперским руководителем полиции был назначен рейхсфюрер СС Гиммлер, а во главе подведомственного ему гестапо был поставлен руководитель СД Гейдрих. Гестапо превратилось в широко разветвленный аппарат подавления, который совместно с СД контролировал всю жизнь в Германии. Агенты гестапо принимали участие в погромах во время «Хрустальной ночи». Особый отдел гестапо ведал

надзором над евреями, проведением политики их преследования, сотрудничая и конкурируя в то же время с аналогичным отделом СД. Оба учреждения были в сентябре 1939 г. объединены в рамках Главного управления госбезопасности (RSHA), возглавлявшегося Гейдрихом. Главой отдела, ведавшего «решением еврейского вопроса», а позднее «окончательным решением», был назначен член СД Эйхман, а его прямым начальником — Мюллер, один из руководителей гестапо. Во время Второй мировой войны сотрудники гестапо входили в состав спецотрядов (айнзацгрупп), проводивших массовое уничтожение евреев на оккупированных территориях; совместно с оккупационными властями они занимались созданием и охраной гетто, организацией принудительных работ, рассчитанных в конечном счете на истребление еврейского населения. Эйхман и его сотрудники руководили депортацией евреев в лагеря смерти и контролировали поставку туда ядовитых газов.

ГЕТТО (итал. ghetta) — в период Второй мировой войны — места принудительного содержания евреев, созданные нацистами в ряде городов Восточной Европы и предназначавшиеся для изоляции еврейского населения. Идея концентрации евреев в гетто была выдвинута Гитлером в 1939 году, но осуществлена не сразу. В сентябре 1939 года Гейдрих приказал распустить еврейские общины, насчитывавшие менее 500 человек, и сосредоточить евреев в больших городах, где им были отведены ограниченные районы. Эти гетто были задуманы как промежуточные станции на пути в лагеря принудительного труда и лагеря смерти. В большинстве случаев гетто располагалось в одном из бедных районов города. Евреев сгоняли в гетто из других районов города, в то время как нееврейских жителей этого района заставляли переезжать в другое место. Эти операции приводили к огромной скученности еврейского населения, голоду, эпидемиям, высокому уровню смертности. Некоторые гетто существовали длительное время, являясь резервом дешевой рабочей силы для нацистов. Ликвидация гетто проводилась как часть политики «окончательного решения». В июле 1943 г. Гиммлер решил перевести оставшихся в живых обитателей гетто из всех стран Восточной Европы в концлагерь. В большинстве случаев проводились облавы, и жители гетто силой доставлялись на сборные пункты, откуда их обычно перевозили поездами в лагерь смерти. Лишь немногим из обитателей гетто удалось остаться в живых. Во многих гетто происходили вооруженные выступления евреев против нацистских палачей.

МАГЕН-ДАВИД (ивр. «Щит Давида», одного из древнееврейских царей) — шестиконечная звезда (гексаграмма). Известна с конца 4 — начала 1 тысячелетий до н.э., когда она использовалась в декоративных и, возможно, магических целях у многих народов, порой весьма отдаленных друг от друга, как, например, семиты Месопотамии и кельты Британии. В качестве декоративного элемента гексаграмма получила широкое распространение в средние века в мусульманских и христианских странах. Встречается она в синагогах позднего средневековья. В арабских странах гексаграмма широко использовалась наряду с другими орнаментальными элементами и была известна как «печать Соломона» (царя, сына Давида). Вплоть до начала XVIII в. «щит Давида» и «печать Соломона» служили названием гексаграммы, причем первое название постепенно распространялось. Значение универсального еврейского символа Маген-Давид приобрел в XIX в., что объяснялось стремлением евреев найти простой символ иудаизма, аналогичный кресту в христианстве. В годы Холокоста нацисты, как правило, в качестве первого шага на оккупированных территориях принуждали евреев носить гексаграмму для того, чтобы с помощью этого символа отметить еврейское население и таким образом визуально отделить евреев от остальных. Превращение гексаграммы в клеймо, сопровождавшее миллионы евреев на пути к уничтожению, придало ей новый смысл — единства страдания и надежды. Этот же символ был избран для изображения на флаге государства Израиль.

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ (сокращенно — нацизм) — идеология, политическое движение, а в 1933-1945 гг. и государственный режим в Германии, придавшие при диктатуре А. Гитлера законную силу наиболее агрессивным устремлениям правого экстремизма и крайнего — вплоть до расового геноцида — антисемитизма. Сделав антисемитизм доминантой всей своей доктрины, национал-социализм апеллировал к застарелым предрассудкам широких масс, к их обострившемуся в результате поражения в Первой мировой войне чувству национальной неполноценности, фабрикуя зримый образ врага — главного виновника всех бедствий, постигших Германию. Врагами немецкого народа были объявлены и другие народы, не причисленные к «высшей расе».

«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА» — эвфемистическое словосочетание, введенное в оборот в мае 1941 г. лидерами нацистской Германии для обозначения их плана физического уничтожения европейского еврейства. В приказе от 31 июля 1941 года

Геринг предписывал начальнику полиции безопасности и СД группенфюреру Гейдриху предоставить «полный план предварительных организационных, технических и материальных мероприятий по осуществлению окончательного решения еврейского вопроса». Термин «окончательное решение» и его содержание явились логическим завершением той крайней формы расового антисемитизма, которая изначально лежала в основе всей национал-социалистической доктрины.

ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА (на яз. иврит — Хасидей уммот гаолам, в Талмуде — человек, достойный занять место в раю) — почетное звание, присуждаемое в государстве Израиль лицам нееврейской национальности, спасавшим евреев от нацистских преследований в годы Холокоста. В 1953 г. по решению Кнессета (парламента государства Израиль) была создана организация для увековечения памяти жертв Холокоста и представителей других народов, которые боролись за спасение евреев — Национальный институт и музей Холокоста «Яд Вашем». Специальный отдел в «Яд Вашем» занимается розыском по всему миру Праведников, собирает о них документальные материалы.

РАСИЗМ — психологическое и идеологическое учение, псевдонаука, обуславливающее деление людей на генетически и, как следствие, интеллектуально и нравственно неравноценные группы, а также соответствующее этому учению социальное поведение и тип политики.

СС и СД (аббревиатуры от Schutzstaffel — Охранные формирования, и Sicherheitsdienst — Служба безопасности) — главные репрессивно-карательные учреждения гитлеровской Германии, в ведении которых находилось «окончательное решение» еврейского вопроса. Формально решение об уничтожении всего европейского еврейства было принято на Ванзейской конференции в 1942 году, однако сразу после нападения на Советский Союз СС начали тотальное умерщвление евреев на оккупированных территориях. Совместно с полицией они формировали для «наведения порядка» в тылу немецких войск специальные отряды — айнзацгруппы. Во главе каждой из айнзацгрупп стояли старшие офицеры СС. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал СС и СД преступными организациями.

**РЕКОМЕНДУЕМЫЙ СПИСОК
ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ “ХОЛОКОСТ”.**

ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Архив Гетто. — Б.м.: Изд-во «Массуа», 1995, — 72 с., ил.

Будник Д., Капер Я. Ничто не забыто: Еврейские судьбы в Киеве. 1941-1943. — 1993. — 319 с.

В огне Катастрофы /ШОА/ на Украине: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения / Ред.-сост. д-р Пинхас Агмон, д-р Иосиф Маляр. — Б.м.: Изд-во Бейт Лохамей ха-геттаот, 1998. — 283 с.

Война Германии против Советского Союза. 1941-1945: Документальная экспозиция / Под ред. Рейнгарда Рюрупа. — Berlin: Argon, 1992. — 287 с., ил.

Документы обвиняют: Холокост: свидетельства Красной Армии / Сост. Ф.-Д. Свердлов. — М.: НПЦ «Холокост», 1996. — 130 с.

Живыми остались только мы: Свидетельства и документы / Ред.-сост. Б. Забарко. — Киев: Институт иудаики, 1999. — 575 с.

Кловский Д. Дорога из Гродно. — Самара, 1994. — 431 с.

Книга живых: Воспоминания евреев-фронтовиков, узников гетто и концлагерей, бойцов партизанских отрядов, жителей блокадного Ленинграда. — С-Пб.: Акрополь, 1995. — 415 с, (РГБ)

Книга-реквием. Книга-памятник: Памяти трагедии в Бабьем Яре. — Київ: Редакційно-видавниче підприємство «ЮРІНФОРМ», 1991. — 79 с.

Книга скорби. — Артемовск, 1996. — 25 с.

Кравченко-Бережной Р. Мой XX век (Стоп-кадры). — Аппатиты. 1998. — 263 с.

Левин Р. Мальчик из гетто. — М.: НПЦ «Холокост», 1996.

Ляховицкий Ю.М. Желтая книга: Свидетельства. Факты. Документы. Вып. 3. — Харьков: Библиотека газеты «Бенсиах», 1994. — 123 с.

Ляховицкий Я.М. Попранная мезуза: Книга Дробицкого Яра: свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Харькова в период оккупации 1941-1942. Вып. 1. — Харьков: Основа, 1991. — 192 с.

Марголина М.М. Остаться жить. — Мн.: «Натако», 1997. — 67 с.

Неизвестная Черная книга / Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления Яд Вашем, ГАРФ/ Отв. ред. И. Арад, Т. Павлова. Сост. И. Альтман — Иерусалим, Москва, 1993. — 463 с.

Ответственность за военные преступления против человечества:

Сб. документов / Под общ. ред. Ф.Н. Хлестова. — М.: Сов. орг. ком. по проведению международной конференции по вопросам преследования нацистских преступников, 1969. — 93 с.

Полторак Д.И. История Холокоста. 1933-1945 гг.: Пакет-комплект документальных материалов. — М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 21 с.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашист. Германии на территории СССР (1941-1944 гг.) — М.: Экономика, 1985. — 325 с.: 12 л. ил.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашист. Германии на территории СССР (1941-1944 гг.) — М.: Политиздат, 1968. — 383 с.: ил.

Розенблат Г. Евреи в партизанском соединении С.А. Ковпака. — М.: Изд-во Фонда «Холокост», 1998. — 107 с.

Рыжик Р. Спаси и помилуй. — Витебск, 1997. — 57 с.

СС в действии: Документы о преступлениях СС / Пер. с нем. — М.: Прогресс. — 624 с.: ил.

Смоляр Г. Минское гетто. — М.: «Дер Эмес». — 167 с.

Стародинский Д.З. Одесское гетто. — Одесса: ТПП «Хайтех», 1991. — 112 с.

Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду: Черная Книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). — Одесса: РИО АО кинокомпания «Юг», 1998. — 431 с.

Тарло И. Я — везучий (исповедь участника войны). — Симферополь, 1995. — 143 с.

Тамаркин В.Л. Это было не во сне: воспоминания. — М., 1998. — 301 с.

Трагедия евреев Белоруссии (1941-1944): Сб. материалов и документов. — 2-е изд., испр., доп. / Отв. ред. Р.А. Черноглазова. Мн.: Издатель Э.С. Гальперин, 1997. — 398 с.: 20 с. ил.

Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. 1941-1944. Сборник документов и материалов / Ред. Ицхак Арад. — Иерусалим: Яд Вашем, 1992.

Финкельберг М.Ф. Оставляю Вам: воспоминания. — Ярославль: Александр Рутман, 1997. — 126 с.

Франк А. Дневник Анны Франк. 12 июня 1942 — 1 авг. 1944: [О нем.-фашист. оккупации в Голландии]. — М.: Изд-во Иностр. Лит., 1960. — 237 с.; л. ил.

Франк А. Убежище: дневник в письмах (12 июня 1942 года — 1 августа 1944 года). — М.: Рудомино; Текст, 1999. — 261 с.: ил.

Фридбойм Х. То, что я помню. — Ярославль: Александр Рутман, 1997. — 40 с.

Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Предисл. И. Альтмана — Вильнюс: Иад, 1993. — 578 с.: 8 л. ил.

Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг.: [Пер. с идиш] / Сост. под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. — Киев: Обериг, 1991. — ХХП, 615 с.

Черная Книга: [О фашистском геноциде евреев в годы Великой Отечественной войны]. В 2 т. / Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. — [Репринт, изд.]. — Запорожье: СП «Интербук», Запорож. Центр, 1991.

Шур Г. Знакомство полвека спустя: Из записок Григория Шура. — Израиль: «Мория», 1993. — 56 с.

6.000.000 обвиняют: Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. — Б.м.: Библиотека Алия, 1990. — 177 с.: ил.

Эйнхорн Е. Избранный выжить: Воспоминания. — СПб.: «Всемирная литература», 1999. — 379 с.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия. — М.: Сов. Энциклопедия, 1985.

Гилберт М. Атлас по истории еврейского народа. — Jerusalem: Б-ка Алия, 1990. — 164 с.: карт.

Дневник Анны Франк: указ. лит. — М.: Рудомино, 1992. — 38 с.

Книга Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941-1945. Т. 1-5. М.: ТОО «ИЦ-Гарант», 1994-1998.

Краткая еврейская энциклопедия / Об-во по исслед. Евр. Общин. Т. 1-8. — Иерусалим, 1976-1999.

Encyclopedia of the Holocaust / Ed. In Chief Israel Gutman. V.1-4 N.Y., Lnd., 1990.

ОБЩИЕ РАБОТЫ.

Аб, Мише. Черновой вариант. — Иерусалим, 1994. — 452 с.: портр.

Аб, Мише. Посреди войны: Посвящения. — Иерусалим, 1998. — 231 с.

Арад И. Холокауст. Катастрофа европейского еврейства: Сб. ст. — Иерусалим, 1990.

Баркан Н. Некоторые аспекты влияния Холокоста на настоящее и будущее еврейского народа // Евреи в меняющемся мире. — Рига, 1996. — С. 130-132.

Буянов М. Холокост и психика. — М.: Российское общество медиков-литераторов, 1998. — 100 с.

Гефтер М.Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. — М.: НПЦ «Холокост»; 1995. — 294 с.

Гутман И., Шацкер Х. Катастрофа и ее значение. — Иерусалим: Б-ка Алия, 1990. — 286 с.

Евреи в Советской России (1917-1967). — Б.м.: Библиотека «Алия», б.г. — 69 с.

Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога: Сб. ст. / Отв. Ред. И. Круппник. — М. 1992. — 345 с.

Катастрофа европейского еврейства. — Иерусалим: Лексикон, 1988. — 55 с.

Катастрофа и героизм еврейского народа. — Иерусалим: Амана, 1977. — 118 с.

Мадайчук Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса» // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. — М., 1997, с. 670-680.

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии, 1933-1945. — М.: Политиздат, 1988. — 413 с.: ил.

Минасян Н.М. Международные преступления третьего рейха. — Саратов.: Изд-во Ун-та, 1997. — 387 с.

Ни давности ни забвения...: По материалам Нюрнбергского процесса. — М.: Изд-во «Юридическая Литература», 1985. — 399 с.

Роскес Д. Вопреки Апокалипсису: Ответы на Катастрофу в современной еврейской культуре. — Иерусалим: Б-ка Алия, 1989. — 345 с.

Семиряга М.И. Немецко-фашистская политика национального

порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. — М.: Наука, 1980. — 239 .: ил.

Тень Холокоста = Shadow of the Holocaust: Материалы II международного симпозиуме «Уроки Холокоста и соврем. Россия», Москва, 4-7 мая 1997 г. / [Ред., сост. и автор предисл. И.А. Альтман]. — М.: Фонд «Холокост», 1998. — 304 с.

Уроки Холокоста и современная Россия: Материалы круглого стола международного симпозиума, 6-8 апреля 1994 г. — М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 136 с.

Факенхайм Э.Л. Еврейская вера и Голокауст // Социально-политическое измерение христианства: Избранные теологические тексты XX в. — М., 1994, с. 252-266.

Факенхайм Э.Л. О христианстве после Голокауста // Социально-политическое измерение христианства: Избранные теологические тексты XX в. — М., 1994, с. 267-281.

Шварц С. Евреи в Советском Союзе: с начала Второй мировой войны (1939-1965). — Нью-Йорк, 1996. — 426 с.

Шульмейстер Ю.А. Гитлеризм в истории евреев. — Киев: Политиздат Украины, 1990. — 253 с.: ил.

ХОЛОКОСТ В ЕВРОПЕ.

Алексеев В.М. Варшавское гетто больше не существует. — М.: Звенья, 1998. — 159 с.

Катастрофа европейского еврейства. — Иерусалим: Лексикон, 1988. — 55 с.

Один день в Варшавском гетто: Каталог передвижной выставки. Иерусалим, зима 1991. — Иерусалим, 1991.

Освенцим — трагедия XX века: Каталог выставки = Oswencim. — Tragedy of the XX-th century: — М., 1995. — 18 с.

Сихровски П. Рожденные виновными: Исповеди детей нацистских преступников. М.: Компекс-Прогресс, 1997. — 106 с.

Франк А. Дневник Анны Франк, 12 июня 1942 — 1 авг. 1944: [О нем.-фашист. оккупации в Голландии]. — М.: Изд-во Иностран. Лит., 1960. — 237 с. л. ил.

Франк А. Убежище: дневник в письмах (12 июня 1942 года — 1 августа 1944 года). — М.: Рудомино; Текст, 1999. — 261 с.: ил. (ВГБИЛ)

Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных евреев в Финляндии (1942-1944 год): Сб. воспоминаний и док. — Иерусалим, 1995. 141 с.: портр.

ХОЛОКОСТ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И ДРУГИХ РЕГИОНОВ БЫВШЕГО СССР.

В огне Катастрофы /ШОА/ на Украине: свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения / Ред.-сост. д-р Пинхас Агмон, д-р Иосиф Маляр. — Б.М.: Изд-во «Бейт Лохамей ха-геттаот», 1998. — 283 с.

В тисках событий: Сб. материалов по истории евр. общины Молдовы / Сост. Р.И. Гольдштейн. — Дніпропетровськ: ВПОП «Дніпро», 1992. — 56 с.

Vilniaus getas: kalinin sa rasai. It. = Вильнюсское гетто: списки узников. Т.1. = Vilnius ghetto: Lists of prisoners. Vol.1 — Vilnius: Lietuos 1996. — 432 с., план.

Винница Г.Р. Горечь и боль. — Орша, 1998.

Война Германии против Советского Союза. 1941-1945: Документальная экспозиция / Под. ред. Рейнгарда Рюрупа. — Berlin: Argon, 1992. — 287 с.: ил.

Гиль С. Кровь их и сегодня говорит: О Катастрофе и героизме евреев в городах и местечках Украины. — Нью-Йорк, 1995. — 265 с.

Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. ст. — Вильнюс: Изд-во «Минтис». — 354 с.: ил.

Губенко Г. Книга печали. — Симферополь, 1991. — 192 с.

Дорон /Спектор/ Д. Кишиневское гетто — последний погром. — Кишинев: Лига, Библиотека Алия, 1993. — 236 с.

Елисаветский С.Я. Бердичевская трагедия: документальное повествование / Научно-информационное предприятие «Поиск», Укр. НИИНТИ. — Киев, 1991. — 111 с.

Иоффе Э.Г. Катастрофа белорусского еврейства // Страницы истории евреев в Белоруссии. — Мн., 1996. — с. 107-162.

Каменкович И.И. Жить воспрещается. — Баку: Гянджлик, 1986. — 200 с.

Катастрофа европейского еврейства во время Второй Мировой войны: размышления на грани столетий (материалы VII Международной конференции по иудаике). — Киев: Институт иудаики, 2000. (на укр. яз.).

Катастрофа и Сопротивление украинского еврейства (1941-1944). Очерки по истории Холокоста и Сопротивления в Украине. — Киев: Институт политических и этнонациональных исследований, 1999. (на укр.

яз.)

Коваль Л. Книга спасения: В 2 ч. / Об-во истории гетто и геноцида евреев. — Юрмала: фирма «Гольфстрим», 1993.

Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Винницкой области в 1941-1945 годах. — Могилев Подольский, 1997. — 89 с.

Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения Украины в 1941-1944 гг. Хроника событий. — 1997. — Могилев Подольский, 1997. — 99 с.

Левин В., Мельцер Д. Черная книга с красными страницами (трагедия и героизм евреев Белоруссии). — Балтимор: Вестник, 1996. — 574 с.

Левин Э. Сорок дней до расстрела. Воспоминания евреев Ялты, переживших Холокост. — М.: Издательство ГПНТБ России, 2001.

Левит И. Пепел прошлого стучит в наши сердца: Холокост / Общество еврейской культуры Республики Молдова, Институт национальных меньшинств АН Молдовы, Кишиневская библиотека им. И. Мангера. — Кишинев, 1997. — 19 с.

Левитас И. Герои и жертвы: факты из истории еврейского народа. — Киев: Астарта, 1997. — 415 с.

Левитас Ф.Л. Евреи Украины в годы Второй мировой войны: Автореф. дисс. д.и.н. — Киев, 1997. — 33 с. (на укр. яз.)

Левитас Ф.Л. Евреи Украины в годы Второй мировой войны. — Киев: Вырий, 1997. — 271 с. (на укр. яз.)

Левитас Ф., Шимановский М. Бабий Яр. Страницы трагедии. — Киев: «Слід і К», 1991. 45 с.: с. ил.

Ляховицкий Ю.М. Желтая книга: Свидетельства. Факты. Документы. Вып. 3. — Харьков: Библиотека газеты «Бенсиах», 1994. — 123 с.

Ляховицкий Я.М. Попранная мезуза: Книга Дробицкого Яра: свидетельства, факты, документы о нацистском геноциде еврейского населения Харькова в период оккупации 1941-1942. Вып. 1. — Харьков: Основа, 1991. — 192 с.

Ляховицкий Я.М. Холокост на Украине и антисемитизм в перспективе. — Харьков: Бенсиах, 1992. — 149 с.

Пилат И.М. Из истории еврейской Молдовы. — Кишинев, 1990.

Подольский А.Я. Геноцид еврейского народа в Среднем Поднепровье во время немецкой оккупации 1941-1944 гг.: [Предпринт]. — М.: Еврейское наследие, 1996. — 25 с.

Подольский А.Е. Нацистский геноцид евреев Украины 1941-1944 гг.: Автореф. дисс. к.и.н.. — Киев, 1996. — 18 с.

Ран-Чарный Ж. Невероятная правда. — Вильнюс: Svyturus Швитурус, 1993. — 208 с.

Расстреляны, замучены, повешены: О фашист. геноциде в Бресте. — Б.м., 1994. — 35 с.: ил.

Розенблат Е.С. Жизнь и судьба братской еврейской общины XIV-XX вв.. — Брест, 1993. — 84 с.

Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. 1939-1944 гг. / Брест. Гос. ун-т. — Б.м., 1997. — 312 с.: ил.

Стародинский Д. Одесское гетто: Воспоминания. — Одесса: ТПП «Хайтех», 1991. — 110 с.

Сусленський Я. Справжні герої: Про участь громадян України у рятуванні євреїв від фашистського геноциду. — Київ: Товариство «Україна», 1993. — 152 с.: ил.

Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду: Черная Книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (по воспоминаниям и документам). — Одесса: РИО АО кинокомпания «Юг», 1998. — 431 с.

Трагедия евреев Белоруссии (1941-1944): Сб. материалов и док. — 2-е изд., испр., доп. / Отв. ред. Р.А. Черноглазова Мн.: Издатель Э.С. Гальперин, 1997. — 398 с.: 20 с. ил.

Формула скорби / Сост. Г. Фарбер, А. Френкель. — 2-е изд., испр., доп. — С.-Пб.: Группа исследования Катастрофы, 1991. — 36 с.: ил.

Холокост на Украине и антисемитизм в перспективе / Под общ. ред. Ю.М. Ляховицкого. — Харьков: Бенсиах, 1992. — 149 с.

Хонигсман Я.С. Катастрофа еврейства Западной Украины: Евреи Вост. Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатья в 1933-1945 гг. — Львов, 1998. — 352 с.: ил.

Хонигсман Я. Катастрофа Львовского еврейства / Львовское общество еврейской культуры им. Шолом-Алейхема — Львов, 1993. — 57 с.

Черноглазова Л.А. Judenfrei! Свободно от евреев! История Минского гетто в документах. — Минск: Асобны Дах, 1999. — 395 с.

Шерман Б.П. И ужаснулась земля: факты, документы, свидетельства — Барановичи: Баранович. укрупнен. типография. 1990. — 75 с.

Шубинский В., Лукин В. Катастрофа: по страницам «устной истории», Меджибож и Летичевский лагерь // История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции. Памятники. Находки — С-Пб., 1994, с. 171-184.

Элияху Й. Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства /1934-1944/. — М., Иерусалим, 1999. — 488 с.

СОПРОТИВЛЕНИЕ. ЕВРЕИ В ВОЙНЕ.

Аб, Мише. Внимание, евреи. — М. 1990.

Абрамович А. Ленинградская битва: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма — Тель-Авив, 1990. — 126 с.

Авербух С.Л. Очерки еврейского героизма. Т. 1-3. Киев, 1993-1997.

Алексеев В.М. Варшавское гетто больше не существует. — М.: Звенья, 1998. — 159 с.

Бродский Е.А. Забвению не подлежит: [Об участии сов. военнопленных и угнанных в Германию сов. граждан в Европ. Антифашист. движении Сопротивления] — М.: Мысль, 1993. — 413 с.

Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941-1948: документированная история. — М.: Международные отношения, 1996.

Еврейский народ в борьбе против фашизма: Материалы III антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума еврейского антифашистского комитета СССР. — М.: ОГИЗ, Гос. изд-во «Дер Эмес», 1945. — 151 с.

Елисаветский С. Они боролись против оккупантов: Евреи в сопротивлении и партизанском движении в Украине 1941-1944 гг. Ч. 1-2. — М.: Еврейское наследие, 1997.

Каменкович И.И. Жить воспрещается. — Баку: Гянджлик, 1986. — 200 с.

Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве, №2 (9). — Москва — Иерусалим. — 1995. — с. 134-155.

Марьяновский М., Соболев И. Павшие... // Книга Памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, 1941-1945. Т. 1. — М., 1994. — с. 5-20.

Мининберг Л.Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941-1945 гг.): Очерки — М.: «ИЦ-Гарант», 1995. — 552 с.

Ортенберг Д.И. Время не властно: Писатели на войне. — 2-е изд., расш. и доп. — М.: Сов. писатель, 1979. — 623 с.

Ортенберг Д.И. Время не властно: Писатели на фронте. — М.: Сов. писатель, 1975. — 359 с.: ил.

Розенблат Г. Евреи в партизанском соединении С.А. Ковпака. — М.: Изд-во фонда «Холокост», 1998. — 107 с.

Свердлов Ф.Д. В строю отважных: Очерки о евреях — Героях Советского Союза. — М.: «Книга и Бизнес», — 304 с.

Свердлов Ф.Д. Евреи — Генералы вооруженных сил СССР: Краткие биографии. — М., Иерусалим: Ин-т Яд Вашем. 1993.

Свердлов Ф.Д. Подвиги солдат-евреев в боях. Ч. 1. Год 1941. — М.: Изд-во «Биограф, клуб», 1994. — 144 с.

Свердлов Ф.Д. Подвиги солдат-евреев в боях. Ч. 2. Год 1942. — М.: Изд-во Фонда «Холокост», 1998. — 272 с.

Свердлов Ф.Д. Солдатская доблесть: Очерки о воинах-евреях — полных кавалерах Ордена Славы. — Б.м.: «Книга и бизнес», 1992. — 63 с.

Смоляр Г. Минское гетто. — М.: «Дер Эмес», — 167 с.

Снеткова Е.М. Письма веры, надежды, любви: Письма с фронта ветерана войны против германского фашизма в 1941-1945 годах Моисея Исаевича Мартова. — М.: БиЛингва, 1999. — 52 с.

Суцкевер А. Виленское гетто. — М.: «Дер Эмес», 1946. — 254 с.

Шапиро Г.С. Генерал армии Яков Григорьевич Крейзер: Биограф, очерк. — М.: Тель-Авив, 1993. — 56 с.

Шапиро Г.С. Евреи — Герои Советского Союза. — Тель-Авив, 1982. — 788 с.

ПРАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА.

Ковба Ж. Человечность в бездне ада: Поведение местного населения Восточной Галиции в годы «окончательного решения еврейского вопроса». — Киев : Институт иудаики, 1998. — 268 с. (на укр. яз.)

Праведники народов Мира: — Иерусалим: Яд Вашем, б.г. — 11 с.

Рывкин М., Шульман А. Породненные войной: Праведники народов Мира. — Витебск: Олимп, 1997. — 61 с.

Сусленьский Я. Справжні герої: Про участь громадян України у рятуванні євреїв від фашистського геноциду. — Київ: Товариство «Україна», 1993. — 152 с.: ил.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ.

Аннотации к фильму «Отверженные» — «Outcast»: Евреи Германии в 1933-1938 годах. — Иерусалим: Яд Вашем, б.г. — 7 с.

Борьба за выживание в концлагерях. Пособие для изучения Холокоста — Тель Ицхак: Изд-во «Массуа», 1995. — 68 с.

Глазами детей: Свидетельства о Катастрофе из детских дневников того периода: [Подборка материалов]. — Иерусалим: Яд Вашем, б.г. — 16 с.: ил.

Дидактический сборник по изучению проблематики Катастрофы. — Израиль: Бейт Лохамей ха-геттаот, 1993. — 40 с.

Дневники и свидетельства спасшихся от Катастрофы евреев: [Подборка материалов из израильской прессы]. — Иерусалим: Яд Вашем, б.г. — 15 с.

Изакс Я. Наш народ: история еврейского народа: Учебник истории еврейского народа для школ и домашнего обучения. — Бруклин, 1971.

Изучение Холокоста в средней школе: европейские перспективы [серия монографий]. Б.м.: Совет Европы, б.г.

Клокова Г.В. История Холокоста на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): Пособие для учителя. М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 161 с.

Михаэли Д. Холокауст: Учебное пособие. Ч. 1 / Открытый Ун-т Израйля, Росс. Открытый Ун-т. — М., 1991. — 152 с.

Михман Д. Катастрофа европейского еврейства: Учебник. — Израиль: Открытый университет, 1995.

Михман Д., Вайц И. В дни Катастрофы: Курс преподавания Холокоста. Ч. 1-6. — Тель-Авив: Изд-во Открытого Ун-та, 1994.

Мужество помнить. Еврейская Катастрофа 1933-1945 гг.: Междунар. Выставка Центра Симона Визенталя в Москве с 12 февр. 1989 г. — The Courage to remember The Holocaust: 1933-1945: An Exhibit of Simon Wiesental Center. International opening, Febr. 12, 1989. Moscow, USSR — Los Angeles: Simon Wiesental Center. International Headquarters, 1989. — 80 с.

Национальная политика России и образование: Документы. — М.: МИПКРО, Центр Межнационального образования, 1996. — 13 с.

От антисемитизма к Катастрофе. — Б.м.: Изд-во «Массуа», 1995. — 71 с.

«Передайте об этом детям вашим...» История Холокоста в Европе 1933-1945. — М.: «Текст», 2000 — 104 с.: ил.

Полторак Д.И. История Холокоста 1933-1945 гг.: Пакет-комплект документальных материалов. — М.: НПЦ «Холокост», 1995. — 21 с.

Пособие для практической работы с плакатами. — Б.м., б.г. — 35 с.

Праведники Народов Мира: [Методич. разработка занятий по теме]. — Иерусалим: Яд Вашем, б.г. — 11 с.

Трампольская И. Дидактический сборник по изучению проблематики Катастрофы. — Израиль: Бейт Лохамей ха-геттаот, 1993. — 40 с.

Трампольская И. От Катастрофы к возрождению: Учеб.-дидакт. пособие. — Israel: Beit Lohamei Haghetat, б.г. — 62 с.

Холокост — Сопротивление — Возрождение. Еврейский народ в годы Второй Мировой войны и послевоенный период 1939-1948. Учебное пособие под общей редакцией д-ра И. Альтмана и д-ра П. Агмона. — М.: Фонд «Холокост», 2000. — 344 с.

Чайка Т. Холокост в Украине: история, психология, этика (материалы к учебному курсу для ВУЗов и 10-11 классов средней школы). — Киев: Стилос, 2000 (на укр. яз.).

Школа на пороге XXI века / Отв. ред. С.К. Сухариев. — Ростов-на-Дону, 1998. — 91 с.

Шорт Дж., Супль К., Клингер К. Изучение Холокоста в средней школе: европейские перспективы. — Б.м.: Издание Совета Европы, б.г. — 107 с.

Выходные данные книги.

Министерство науки и образования Украины.
Украинский центр изучения истории Холокоста.
Институт политических и этнонациональных отношений НАН Украины.
Государственный архив Автономной Республики Крым.
серия «УКРАЇНСЬКА БІБЛІОТЕКА ГОЛОКОСТУ».

Материалы ко Второму научно-методическому семинару «Голокост — минуле і сучасне»

Симферополь
2002

Министерство науки и образования Украины
Украинский центр изучения истории Холокоста
Институт политических и этнонациональных отношений НАН Украины

Государственный архив Автономной Республики Крым
Редактор-составитель: М.И. Тяглый
Редакционная коллегия: С.Я. Елисаветский, проф., В.Б. Плоткина, А.Е. Подольский, к.и.н., Ю.В. Смилянская, А.И. Фредекинд

ХОЛОКОСТ В КРЫМУ / Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941-1944).
Материалы ко Второму научно-методическому семинару «Голокост — минуле і сучасне». — Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2002. — 164 с.

Сборник документальных свидетельств и методических материалов «Холокост в Крыму» посвящен событиям, связанным с трагической гибелью евреев Крымского полуострова в годы нацистской оккупации Украины. Книга составлена на основании сборника документов «Передайте детям нашим о нашей судьбе» (Симферополь, БЕЦ «Хесед Шимон», 2001; редакторы-составители Л.П. Кравцова, М.И. Тяглый). Сборник «Холокост в Крыму» подготовлен к семинару по истории Катастрофы для преподавателей университетов юга Украины в Симферополе, который подготовил и провел Украинский центр изучения истории Холокоста (Киев). Это издание — первое из серии научной литературы «Украинская библиотека Холокоста». В этой серии Центр планирует подготовку и выпуск монографических исследований, сборников документов, учебных

пособий, а также переводной литературы по истории Холокоста на украинских землях, которая ранее не издавалась на украинском или русском языках.

Данный сборник состоит из архивных документов, дневников очевидцев Катастрофы еврейских общин Крыма в годы нацизма. Издание представляет интерес для историков, социологов, преподавателей, студентов.

ISBN 966-572-263-8

ББК 18.5.8.

Т 99

© Украинский центр изучения истории Холокоста

© Государственный архив Автономной Республики Крым

notes

Примечания

Крым многонациональный. Вопросы—ответы. Выпуск 1. — Симферополь: Таврия, 1988. — С. 70-72.

Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК), ф.
П-1, оп.1, д.2182, л.5.

Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). — Иерусалим: Яд Вашем, 1992. — С. 42.

The Einsatzgruppen Reports. Selections from the Dispatches of the Nazi Death Squads' Campaign Against the Jews. — New York: Holocaust Library, 1989. — P.XII. См. также: Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения в Крыму в 1941-1942 годах // Вестник Еврейского университета в Москве, №15 (1997). — С. 216.

Berenbaum, Michael. Witness to the Holocaust. New York: HarperCollins. 1997. p. 123/

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.1.

Green, Warren P. The Fate of the Crimean Jewish Communities: Ashkenazim, Krimchaks and Karaites. *Jewish Social Studies* 46, 2 (1984), p. 172.

Передайте детям нашим о нашей судьбе. Сборник документов, дневников и воспоминаний. — Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2001. — С. 59.

Там же, с. 121.

Письмо Фишгойт (Евпатория). — Черная Книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. — Вильнюс: Йад, 1993. — С. 206-207.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.9.

Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения в Крыму... — С. 219.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.14.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.2, л.35.

Круглов А. Катастрофа украинского еврейства 1941-1944 гг. Энциклопедический справочник. — Харьков: Каравелла, 2001. — С. 149.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.10об.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.2, л.14.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.31, л.25.

Полякова В.П. Холокост в отношении крымчаков Керчи // Материалы 9-й междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. — М.: Сэфер, 2002. — С. 204.

ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.4, л.122.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.3, л.32.

ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.5, л.114.

The Einsatzgruppen Reports... — P.331-332.

ГААРК, ф. П-849, оп.3, д.193, л.3.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1а, л.4.

Nazi Mass Murder: A Documentary History of the Use of Poison Gas. New Haven: Yale University Press. 1993. p. 69.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1а, л.35.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.4, л.97.

ГААРК, ф. П-151, оп.1, д.391, л.139.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.42.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.12, л.14.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.13, л.9.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7445, оп.2, д.74, л.48,49.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1, л.90.

ГАРФ, ф. 7021, оп.9, д.194, л.89.

ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.11, л.7.

Передайте детям нашим о нашей судьбе. — С. 72-80.

Круглов А.И. Уничтожение еврейского населения в Крыму... — С. 231.

ГААРК, ф. П-849, оп.3, д.49, л.3.

ГААРК, ф. П-849, оп.3, д.193, л.3.

ГААРК, ф. П-849, оп.3, д.135, л.3об.

ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.39, л.3.

Передайте детям нашим о нашей судьбе. — С. 139.

Там же. — С. 41-44.

Так в тексте. Ошибка составителей акта, правильно — «шестиконечные» (см. словарь терминов).

Далее следуют семь подписей.

Далее следуют шесть подписей.

Акт не датирован.

То есть, на повозке.

Ныне г. Белогорск.

Далее следуют шесть подписей.

Переименован в декабре 1944 г. в Первомайский район.

Ныне с. Калинино Калининского сельсовета Первомайского района.

Далее следуют 4 подписи.

Ныне включен в черту с. Первомайское Первомайского сельсовета Симферопольского района.

Ныне включено в черту с. Первомайское Первомайского сельсовета Кировского района.

Ныне с. Изобильное Первомайского сельсовета Кировского района.

Переименован в декабре 1944 г. в Красногвардейский район.

Переименован в Климовский сельсовет.

Ныне с. Климово Восходненского сельсовета.

Ныне с. Восход Восходненского сельсовета.

Ныне с. Новосельцы Восходненского сельсовета.

Ныне п.г.т. Красногвардейское Красногвардейского поссовета
Красногвардейского района.

Ныне п.г.т. Азовское Азовского поссовета Дьсанкойского района.

Ныне с. Заря Восходненского сельсовета.

Неразборчиво.

Переименован в декабре 1944 г. в Новоселовский район.

Ныне с. Зимино Раздольненского района.

С. Николаевка Сусанинского сельсовета Первомайского района.

С. Пограничное Ковыльновского сельсовета Раздольненского района.

Ныне с. Открытое Войковского сельсовета Первомайского района.

Ныне включено в черту с. Серебрянка Серебрянского сельсовета Раздольненского района.

Ныне с. Новоселовское Новоселовского поссовета Раздольненского района.

Переименован в 1945 г. в Тарасовский сельсовет.

Переименован в 1945 г. в Огневский сельсовет.

Далее следуют 5 фамилий.

Так в тексте. Правильно — гетто (см. словарь терминов).

Далее следуют восемь подписей.

Датируется по содержанию документа.

Поселок Мамак — ныне пос. Строгановка Трудовского сельсовета Симферопольского района.

Персонал детдома немцы разогнали, заведующую уволили, детдом перевели в другое место в ноябре 1943 г. (см. следующий документ).

Переименован в декабре 1944 г. в Азовский район.

Международная организация помощи борцам революции.

Записано со слов Я.М. Замаховского представителем Крымской Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Командующим немецкой 11-й армией, оккупировавшей почти всю территорию Крымского полуострова к ноябрю 1941 г., являлся генерал Э. фон Манштейн.

Перевод с нем. яз. осуществлен комиссией по истории ВОВ.

Дальнейший текст воспроизведен по разрозненным листам дневника, обнаруженного закопанным на месте разрушенного дома.

Далее идут записи-воспоминания.

Имя и отчество полностью не указаны.

Пожалуйста, выпейте (нем.)

Так в тексте.

Народный комиссариат коммунального хозяйства.

Управление народнохозяйственного учета.

Районный исполнительный комитет.

Один из редакторов русскоязычной газеты «Голос Крыма», выходившей в Симферополе в период немецко-фашистской оккупации.

1944 года.

Пос. Сергеевка ныне включен в черту г. Симферополя.

То есть «звезду Давида» (см. Словарь терминов).

Муж.

Рукопись поступила в Партийный архив Крымского обкома КП Украины из редакции журнала «Москва» в 1962 г.